

РОДИТЕЛЯМ ДЕТЯМ

Людмила Петрановская

МИНУС ОДИН?
ПЛЮС ОДИН!
Приемный
ребенок в семье

 ПИТЕР®

Annotation

«Минус один!» – это значит на одного сироту меньше. «Плюс один!» – это значит ваша семья стала больше на одного человека. Это слова, за которыми стоит так много: и радость за этого ребенка, и чувство вины перед всеми теми детьми, кто еще не обрел семью, и надежда когда-нибудь все же «вычерпать море». О том, чтобы эта простая арифметика стала счастливой жизнью, и написана книга замечательного психолога Людмилы Петрановской. В своей книге автор рассказывает, как подготовиться к этому непростому решению, пройти весь путь, не теряя надежды, увеличить свою семью на одного замечательного ребенка. Книга даст почувствовать, что вы не одиноки на своем пути.

- [Людмила Владимировна Петрановская](#)
 - [Предисловие автора](#)
 - [Введение](#)
 - [Семьи разные и важные](#)
 -
 - [Семья без детей](#)
 - [Семья с детьми](#)
 - [Семья, вырастившая детей](#)
 - [Родитель, не состоящий в браке](#)
 - [Чье решение?](#)
 - [Разговор с детьми](#)
 - [Ребенок из детского дома – какой он?](#)
 -
 - [Один и не дома: эмоциональная депривация](#)
 - [Как трава при дороге: пренебрежение](#)
 - [Кошмар наяву: жестокое обращение](#)
 - [Рухнувший мир: потеря родителей](#)
 - [Казенный дом: институциональное воспитание](#)
 - [Нормальные дети с ненормальной судьбой](#)
 - [«Справимся ли мы?»](#)
 -
 - [«А какая у вас мотивация?»](#)
 - [Как подстелить соломку?](#)
 - [Как строить отношения с опекой?](#)

- [Какую форму семейного устройства выбрать?](#)
 - [Ближний круг](#)
 - [Каким он будет?](#)
 -
 - [Большой или маленький?](#)
 - [Что со здоровьем?](#)
 - [«Как понять, что это наш?»](#)
 - [Идем знакомиться!](#)
 - [Минус один – плюс один](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
-

Людмила Владимировна Петрановская
Минус один? Плюс Один! Приемный
ребенок в семье

Предисловие автора

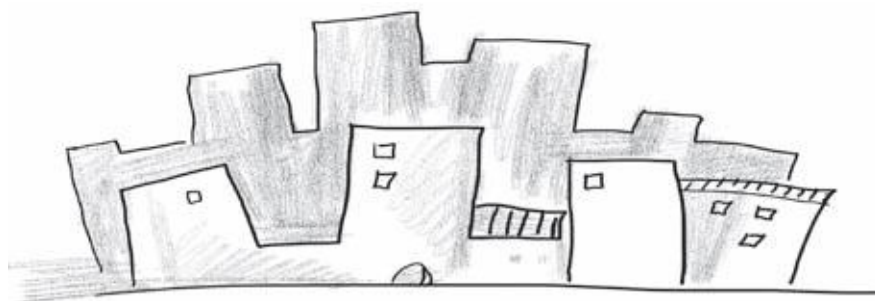

Немного странное название, правда?

Но только не для тех, кто много общается с приемными родителями, особенно в Интернете. На форумах и в блогах приемных родителей есть традиция: когда кто-то сообщает, что забрал ребенка из детского дома, все, кто болел за эту семью и за ребенка, поддерживал и помогал советами, пишут в ответ как пароль: «Минус один!» Эти слова повторяются иногда десятки раз под сообщением о том, что ребенок обрел семью, словно салют в честь пополнения семейства, особенно если найти для этого ребенка семью было непросто или забрать его удалось с большим трудом (а такое бывает нередко).

«Минус один!» означает, что на одного сироту стало меньше. На одного ребенка в Системе меньше. На одно детство в казенном доме меньше. Это слова, за которыми стоит так много: и радость за этого ребенка, и чувство вины перед детьми-сиротами, и надежда когда-нибудь все же вычерпать море.

Но прежде чем «Минус один!» прозвучит в честь пополнения вашей семьи, вам предстоит пройти путь подготовки и принятия решения. На это могут уйти недели, месяцы, а то и годы – столько, сколько нужно именно вам и вашей семье. Ведь вытащить ребенка из казенного дома – это полдела, его надо еще растить, с ним надо жить, надо строить отношения.

Разобраться в своих мотивах и оценить свои силы важно перед любым серьезным жизненным решением, но когда речь идет о судьбе ребенка и судьбе вашей семьи – это важно стократ. Мы действительно в ответе за тех, кого приручили. Что эти красивые слова означают в реальности, знают все, кто сталкивался с детьми, возвращенными из приемных семей обратно в учреждения. Не смогли, не справились, разочаровались, развелись, женились или родили своих детей – всегда есть какие-то объективные причины. Кто хоть раз близко пообщался с таким второй раз отвергнутым ребенком, кто видел его глаза, словно присыпанные пеплом, тот никогда уже не забудет этой встречи.

Поэтому давайте думать «на берегу». Природой не зря отведены девять месяцев на то, чтобы подготовиться к родительству. Это огромное изменение в жизни, сознании, душе.

Эта книга написана на основе многолетнего опыта консультирования кандидатов в приемные родители и проведения тренингов подготовки будущих приемных родителей. Она поможет пройти все те этапы, которые обычно проходит семья, начиная от вопроса: «А не взять ли нам ребенка?» и заканчивая той минутой, когда взволнованные родители возвращается домой уже с новым членом семьи, где его ждет новая жизнь. Эта книга – про подготовку к принятию ребенка, про «беременность» приемным ребенком. Не о том, «какие нужны документы», а о том, что внутри, в душе. Многие подразделы звучат как вопросы – и это реальные вопросы, которые я и мои коллеги слышим от будущих приемных родителей.

Будет много желающих вас запугивать («Да вы что? Они же все бандитами вырастают!») и немало желающих вас агитировать («Спасите

несчастливого сироту!»). Постарайтесь отгородиться и от того, и от другого. Вам сейчас нужны не эмоциональные лозунги, а всесторонняя информация и неспешное, осмысленное решение. И если это решение будет отрицательным: «Нет, это не для меня, не для моей семьи» – это тоже честный, ответственный выбор: вы не испортите жизнь ребенку и своим близким.

Еще будет время, когда придется полностью посвятить себя ребенку, когда будет нужно многое делать, игнорируя свои «не хочу», а порой и свои «не могу». Еще настанет момент, когда вы осознаете всей душой, что решать и выбирать – поздно, есть дитя, его жизнь в ваших руках, и надо справляться, как бы там ни было тяжело. Вы еще прочитаете много книг и статей о своем ребенке, еще много часов проведете в мыслях о том, как ему помочь. А эта книга – о вас, это время – для вас. Все, что вы сейчас сделаете для себя, – вы сделаете для своего будущего ребенка.

Буду рада, если эта книга станет для вас другом и помощником, что-то подскажет, когда-то утешит, а главное – даст почувствовать, что вы не одиноки на своем пути.

Введение

Еще нет никакого приемного ребенка в вашей семье. Еще не сделан ни один звонок в инстанции, не собрана ни одна справка.

Но взглядом вы обводите комнату и вдруг ловите себя на мысли, что вот здесь вполне бы стал диван-малютка, а рядом – стеллаж для игрушек.

Или, наткнувшись в журнале на фотографию голливудской звезды на прогулке в парке со своими приемными детьми, вы вдруг чувствуете неясное беспокойство, которое не отпускает несколько часов.

Или ваш младшенький, когда старшие в школе, грустно тянет, сидя на полу: «Мам, ну давай найдем ребенка, маленького, как я». Или нет у вас никакого младшенького, а старшие уже сами с усами, а сил и любви еще так много.

А может быть, после долгих лет ожидания, мучительного лечения и горьких разочарований кто-то (врач, мама, подруга) вдруг скажет: «Да хватит мучиться, есть же уже рожденные дети, которым нужны родители!»

Бывает и так, что вы с детства почему-то твердо знаете: когда-нибудь вы приведете в дом сироту и постараетесь воспитать его в любви и заботе.

Бывает, что вопрос встает о конкретном ребенке: остался без родителей знакомый мальчик или девочка либо кто-то из детей в подшефном детдоме вдруг становится больше, чем просто подшефный, и непонятно, как в очередной раз попрощаться и уехать домой без него.

Первая мысль ко всем приходит по-разному. Для кого-то она и останется раз промелькнувшей мыслью, кто-то будет возвращаться к ней еще и еще, думать, обсуждать, переживать. Так начинается путь, который проходит приемный родитель. И вопросов в начале этого пути намного больше, чем ответов.

- Взять ребенка – какого? Помладше? Постарше? Мальчика или девочку?
- Говорят, у всех детдомовских детей диагнозы. Что это значит?
- Все уверяют, что дети «непростые». Что это значит? К чему надо готовиться?
- Справимся ли мы? Как понять заранее?
- Как вообще узнать, что это – наш? Нам дадут выбрать?
- А если один из супругов хочет, а другой не очень? И что скажут наши дети? А наши родители?
- Говорят, нужно обязательно проходить Школу приемных родителей –

зачем? Разве можно научить воспитывать детей?

- Органы опеки: говорят, там очереди, взятки и грубо разговаривают. Это правда? Бояться их или нет? И как с ними вообще разговаривать?

- Есть разные формы семейного устройства. А нам какая подойдет? Что важнее – чтобы был «совсем наш» или чтобы были льготы?

- Вот пришли мы к ребенку. Как с ним знакомиться? А если мы не понравимся? А если он не захочет?

- Как подготовить дом и быт к приходу ребенка? Нужно что-то особенное?

Вполне понятные и разумные вопросы, не так ли? Бери, психолог, и отвечай. Вот только ответить на них никакой специалист сам по себе не сможет. Потому что даже если он абсолютно все знает про детей (а все про них знать невозможно, каждый ребенок – особенный), то уж точно никто лучше вас не знает вас и вашу семью. И начать стоит именно с этого – не с вопросов: «Какого ребенка мы хотим?» и «Как его найти?», а с вопроса: «Что мы можем и чего нет, что нам как семье легко и что – сложно?» Поэтому первый раздел книги – про семьи, очень разные и очень важные.

Семьи разные и важные

Как ни странно, такое знакомое и родное каждому из нас понятие, как семья, очень трудно определить. «Эталонная» семья, которая изображается в рекламных роликах и на фотографиях в глянцевых журналах – мама, папа и двое очаровательных детей, – в жизни встречается не столь уж часто и далеко не всем представляется эталонной. Например, нашим предкам, да и многим нашим современникам семья с двумя детьми показалась бы обделенной, малодетной. Отсутствие бабушек и дедушек на семейном портрете тоже не все сочтут плюсом. Есть семьи из двух человек, а есть – из тридцати; семьи из одного поколения (муж и жена) и из четырех (с прабабушками и прадедушками); семьи без детей и семьи без родителей (например, взрослые братья или сестры, живущие вместе); семьи, связанные кровным родством, и семьи, состоящие из неродных по крови людей (отчим или мачеха и приемные дети). Однако члены всех этих столь разных объединений чувствуют себя принадлежащими чему-то целому, некой общности – своей семье.

О том, что можно, а что нельзя считать семьей, спорят психологи, социологи и юристы, но нас интересует очень конкретный вопрос: кто те люди, которые принимают решение взять ребенка, и кто те люди, которые возьмут на себя ответственность за его воспитание, будут его растить?

Одно дело – бабушка, живущая в другом городе, которая будет видеть приемного внука раз в год, другое – бабушка, которая живет вместе с будущими приемными родителями, причем они работают, а она, как ожидается, будет сидеть с ребенком. Одно дело – старший сын, у которого свой дом, своя семья и дети, и другое – старший сын-подросток, к которому в комнату планируется подселить нового братика. Кто входит в вашу «ближнюю» семью – знаете только вы, никто кроме вас на этот вопрос не ответит. Важно понимать одно: любое значительное решение принимает семья в целом.

В современной психологии семью рассматривают как систему – сложное, особым образом организованное и функционирующее единство. Это значит, что любое серьезное изменение в жизни кого-то из членов семьи затрагивает всех остальных. Представьте себе, что по столу рассыпаны бусины. Вы берете и передвигаете или поднимаете одну из них. Что происходит с остальными? Правильно, ничего. Потому что бусины – это не система. А теперь представим себе, что на столе лежит ожерелье. Мы берем за одну бусину и поднимаем ее. В этот же момент сдвинутся все остальные – больше или меньше, но сдвинутся все. Ожерелье – это система. А семья – система в тысячу раз более сложная.

Система семьи складывается из множества составляющих: личностей ее членов, особенностей тех семей, из которых они родом, совместного

опыта, сложившихся взаимоотношений, принятых в разные моменты решений и многого, многого другого. У каждой семьи свой неповторимый уклад, стиль жизни, то необъяснимое «у нас так принято», которое делает каждую семью уникальной.

Не существует «правильных» или «неправильных» по составу семей, нет никаких формальных признаков, которые указывают на то, сможет или не может эта семья растить приемного ребенка (те, что есть, перечислены в законе: тяжкие преступления в прошлом, социальная несостоятельность, очень тяжелые болезни). Ребенку может быть хорошо и в шумной многодетной семье, и вдвоем с незамужней мамой (неженатым папой); у родителей молодых, веселых и у опытных, спокойных; в семье, где есть режим дня и все лежит по местам, и в семье, где вещи валяются где попало и на обед иногда бывает мороженое вместо супа; в маленькой квартирке в большом городе и в большом сельском доме; в семье, где родители закончили 8 классов, и в семье, где у них научные степени. Поверьте, я видела за свою профессиональную жизнь тысячи успешных семей с приемными детьми, и все они очень разные. Общее у них одно – они любят, понимают, поддерживают своих приемных детей, а те считают свою семью самой лучшей на свете.

Вам нет нужды «соответствовать» какому-то образцу. Лучше всего – знать и понимать свою семью такой, какая она есть. Это позволит вам предвидеть трудности, что-то подготовить заранее, каких-то возможных проблем избежать. Давайте попробуем повнимательнее присмотреться к семьям, разным по составу и истории, именно под этим углом зрения: что для них будет проще, а что может оказаться сложным? Имеет смысл прочитать не только подраздел про семью такую, как у вас, но и другие. Потому что семьи разные, но деление «по составу» весьма условное, а проблемы бывают очень сходные – и вы можете найти что-то для себя важное в подразделе, посвященном семье, совсем не похожей на вашу.

Семья без детей

Скорее всего, вы не сразу (прямо в медовый месяц) задумались о приемном ребенке. За плечами – некоторый опыт супружеской жизни. Видимо, довольно успешный опыт, если, вместе пройдя сквозь все надежды и разочарования, вы думаете о новом члене семьи. Союз, который не распался после страшного диагноза «бесплодие», – уже союз неслучайный. Вы научились быть вместе в горе и в радости – в этом ваша сила, ваша опора.

Есть немало бездетных супружеских пар, которые вовсе не страдают от своего положения. Они поглощены работой, увлечениями, своими отношениями и вполне удовлетворены тем, что имеют, а может быть, и с сочувствием поглядывают на друзей, уходящих с веселой вечеринки «купать и укладывать» или отказывающихся от интересной командировки, потому что «дети будут скучать». Если бы ребенок сам родился, ему, скорее всего, были бы рады и полюбили, но вот что-то специально предпринимать, брать приемных детей – это уж чересчур.

Вы узнали себя в этом описании и, положив руку на сердце, не очень-то хотите стать родителями, но на вас давят ваши родственники или просто желание «чтобы все как у людей»? Положите мысленно на одну чашу весов это давление – неприятное, конечно, а на другую – весь кошмар ситуации, когда вы возьмете на себя ответственность за жизнь малыша и только потом со всей очевидностью поймете, что вы этого не хотите, не можете, не готовы, это не для вас. Вы имеете полное право не хотеть становиться родителями. В мире есть даже движение чайлдфри (свобода от детей), которое выступает против навязывания родительской роли всем без исключения. Никто и нигде не доказал, что люди могут быть счастливы, только имея детей. Как наличие детей счастья не гарантирует, так и их отсутствие на несчастье не обрекает. Каждому свое, и в вашем случае большей заботой о детях будет не поддаваться внешнему давлению, а прислушаться к себе.

Вы не можете не думать о сотнях тысяч детей в детских домах, которые мечтают о маме и папе? Но помочь им можно, не только взяв в свою семью. Вы можете помогать знакомым приемным семьям (как деньгами или делами, так и просто поддерживая их) или предложить свою помощь общественной организации, занимающейся семейным устройством, либо службе по устройству детей. Например, напечатать

рекламные материалы и распространить их, качественно сфотографировать ребят из детского дома, организовать для них дополнительное обучение или развивающие занятия, предложить интересную программу отдыха для приемных родителей. Да мало ли что можно придумать в зависимости от того, педагог вы или врач, издатель или бизнесмен, пенсионер или заядлый турист! Помощь нужна всегда. Кстати, очень вероятно, что, помогая и поддерживая, вы ближе познакомитесь с семьями и с детьми, избавитесь от каких-то своих страхов и стереотипов и ваша установка «это не для меня» превратится сначала в «это не для меня... по крайней мере пока», а потом и в «почему бы и нет?». Опыт, полученный на этом пути, пригодится в будущем, и за скоропалительность решения вам себя укорять не придется.

Все вышесказанное – не про вас? С самого детства вы мечтали о детях, с надеждой ждали беременности, с большим трудом пережили приговор врачей и не можете без слез смотреть на соседских ребятшек в песочнице? Казалось бы – что тут думать, бегом за ребенком! И все же давайте сделаем паузу, чтобы прислушаться к тому, что происходит в глубине души.

Бесплодие – диагноз особенный. Способность к продолжению рода очень важна для каждого мужчины и каждой женщины (даже в те периоды жизни, когда они предпринимают все меры, чтобы избежать возможной беременности). Сознание, что в принципе ты это можешь и вот оно доказательство – твой ребенок, дает нам чувство собственной полноценности, состоятельности, соответствия некой норме. Нет способности к деторождению – значит я «не вполне женщина (мужчина)». С этим можно соглашаться или спорить, но это чувство лежит в наших еще доразумных, природных глубинах и просто так от него не отмахнешься. «Не хочу иметь детей» – это одно, «не могу» – совсем другое.

Сознание своей бесплодности вызывает целый набор тяжелых чувств: стыд, боль утраченной мечты, отчаяние, вина перед партнером и его семьей. Чувство вины может быть абсолютно безосновательным: ничего не делал человек такого, от чего предостерегают врачи, не в чем вроде себя упрекнуть – а все же... И вот найден спасительный выход: взять приемного ребенка. Здесь проходит очень тонкая грань, с которой важно разобраться.

Если решение взять ребенка принимается только от безысходности, приемное родительство невольно воспринимается как «неполноценное», «суррогатное», «ущербное», так сказать, «рак на безрыбье». К сожалению, именно к такому восприятию подталкивает супругов стереотип, что типичный приемный родитель – это человек, не сумевший родить своих

детей. Это, кстати, не так: по статистике и в России, и в мире большинство приемных родителей – люди, уже имеющие детей. Однако за этим стереотипом стоит убеждение, что есть «правильный», «хороший» способ стать родителями и некий запасной вариант для «несправившихся», на который идут, только если его уж совсем не избежать. Все это может не высказываться прямо, но висеть в воздухе, проскальзывать в общении и постоянно, неуклонно давить на будущих приемных родителей. В результате они начинают стыдиться своего решения (а позже – своего ребенка), прилагают немислимые усилия для сохранения тайны усыновления, панически боятся осуждения и провокаций со стороны окружающих.

Уже воспитывая ребенка, такие родители часто все делают слишком и чересчур, словно доказывая самим себе и окружающим свою полноценность: слишком много ходят по врачам, слишком усердно готовятся к школе, слишком переживают из-за любого пустяка. Как только ребенок доставляет неприятности, супруг, с которым связана бездетность пары, начинает чувствовать себя особенно виноватым («Родной ребенок так бы не сделал»). Хорошо еще, если в пылу ссоры вслух не произносятся обвинения типа: «Это все из-за тебя, ты и разбирайся» или «Если бы я вышла замуж за нормального мужика, у меня и ребенок был бы нормальный». Все это, конечно, не прибавляет семейной жизни стабильности, а родителям – уверенности и способности справляться с трудным поведением ребенка. В результате получается самоподтверждающийся прогноз: исходя из предпосылки, что приемный ребенок – это «суррогат» ребенка, ребенок «второго сорта», с которым по определению «все не то», приемные родители вольно или невольно ведут себя так, что проблемы ребенка усугубляются, и, как следствие, действительно получается «не то». А главное – в такой ситуации мало шансов все исправить, потому что нет никакого стимула искать ошибки в собственном поведении, ведь всегда наготове удобное объяснение: «Это все потому, что ребенок неродной».

Что же делать? В первую очередь не допустить, чтобы к порогу детского дома вас «притащило за шиворот» чувство душевного дискомфорта. Важно осознать, что приемный ребенок позволяет стать родителями, но не решить проблему бесплодия. Он не может и не должен заменить для вас того ребенка, которого не удалось родить. Ваше бесплодие вообще не имеет к нему ни малейшего отношения, это боль, с которой вы должны справиться сами, вместе со своим супругом и всей вашей семьей. И справиться до того, как ваши душевные силы понадобятся

приемному ребенку. Иначе вновь обретенный ребенок вместо радости станет для вас постоянным напоминанием о том, «как все могло бы быть», и вы невольно будете злиться на него за то, что он «не тот». Каким «счастливым» станет в этом случае детство вашего приемного ребенка – думаю, можно не объяснять.

Поэтому дайте себе время разобраться. Можете ли вы обсуждать эту проблему с супругом? Говорить с ним о своих чувствах? Говорить об этом со своими и с его родителями? Если бесплодие связано лишь с одним из вас, очень важно, чтобы состоялся откровенный разговор о том, готов ли другой супруг в этих условиях сохранять брак. Потому что нередко другая сторона начинает подспудно считать себя свободной от обязательств, хотя не говорит об этом вслух, пока не разразится конфликт или не появится «альтернатива» на стороне. Или брак сохраняется, но в нем появляется некое неявное ощущение неравенства, словно один супруг сделал одолжение другому, не бросив его, несмотря на бесплодность.

Кстати, некоторые психологи считают, что так и должно быть: если один из супругов бесплоден, то другой имеет полное право уйти без всякого чувства вины. Если же он остается, то образуется некая «задолженность» ему со стороны жены или мужа. Не могу вполне согласиться с этой точкой зрения, ведь такое сложное явление, как брак, не сводится к задачам деторождения. Но, безусловно, важно открыто обсудить ситуацию, в том числе чувства «задолженности» и вины. И если ваш супруг подтвердил, что остается с вами, даже зная, что общих родных детей у вас с ним не будет, не стоит стесняться выразить ему признательность за это. Как известно, лучший способ избавиться от невнятного чувства, что ты чем-то кому-то обязан, – просто от души сказать: «Спасибо! Это очень важно для меня, я очень это ценю».

Если чувствуете, что тема настолько болезненна, что вы не можете говорить о своем бесплодии без слез и вообще не способны обсуждать это в семье, лучше начать с визита к психологу и, возможно, работы с ним в течение какого-то времени. Тут нечего стесняться: потеря фертильности (способности к продолжению рода) – серьезная потеря, для многих сопоставимая с потерей близкого человека, ваши чувства заслуживают уважительного и бережного отношения.

Возможно, в вашей семье просто не приняты откровенные разговоры и вы даже не знаете, как начать. Или боитесь причинить боль супругу, наговорить что-то, о чем потом будете жалеть. Тогда тоже можно обратиться к психологу и попросить его помочь провести этот разговор. Возможно, он предложит вам семейную сессию, тогда вы сможете все

обсудить в его присутствии. Как ни странно, часто это бывает гораздо легче, чем поговорить наедине, потому что специалист умеет создать психологически безопасную обстановку и направить разговор в конструктивное русло.

Еще один непростой момент. Есть поверье, что, приняв в дом сироту, можно тем самым и бесплодие преодолеть. И мой опыт его подтверждает – знаю немало семей, которые, имея неутешительный прогноз врачей, или, наоборот, диагноз весьма невнятный (вроде ничего такого, а забеременеть годами не могут), брали приемного ребенка и обнаруживали себя в «интересном положении» уже чуть ли не на стадии знакомства с ним. Сложно сказать, как это работает. Возможно, найдя альтернативное решение, люди перестают нервничать по поводу зачатия или общение в кругу страстно желающих обзавестись детьми людей нормализует что-то внутри. Так или иначе, если в вашем случае беременность физиологически возможна, эту возможность надо иметь в виду. И брать приемного ребенка только в том случае, если вы уверены: вы не откажетесь от него с появлением своего. Я бы не говорила об этом, если бы не примеры из жизни. Вроде бы такая счастливая история: и ребеночка взяли, и свой родился – нередко заканчивается очень невесело. Невесело и для приемного ребенка, который оказывался ненужным и возвращался в детский дом, и для самой семьи, которая переживала крушение своего образа «хороших родителей». Произошло это потому, что на стадии принятия решения люди не осознали, что приемный ребенок им был нужен только как замена своего, а не сам по себе.

Вам кажется дикой сама постановка вопроса? «Конечно, не откажемся, будем растить обоих!» Не спешите. Если у вас еще не было детей, вы просто не представляете себе ту бурю чувств, подстегиваемую гормонами, которая иногда накрывает людей после рождения ребенка. С ним все окажется «совсем иначе», чем с приемным. Вы еще не знаете, как будете бояться за кровного ребенка, как ревниво будете делить силы и время между ним и приемным, как будете чувствовать вину, ловя себя на том, что родного вам легче прижать к себе и обцеловать с макушки до пят, как больно будет слышать ворчание родни, что, мол, с чужим возитесь, когда свой не присмотрен (и неважно, присмотрен он на самом деле или нет). Не говоря уже о том, что если период токсикоза или послеродовой слабости совпадает с периодом адаптации у приемного ребенка – это отдельное «удовольствие». Пожалуйста, обдумайте эту возможность заранее, прикиньте, как будете справляться, какие дополнительные силы сможете подтянуть: помощь родственников, няни и многое другое.

И еще – разрешите себе заранее любить их по-разному. Неизвестно, как все будет. Иногда приемный ребенок ложится на душу больше, чем родной, иногда люди вообще не замечают разницы. Но если вы заметите – не грызьте себя. Это нормально. Мы же не только сознательные люди, мы еще и животные, мы имеем право чувствовать и воспринимать по-разному родное дитя и дитя, рожденное другими людьми. Кстати, сами дети вряд ли будут от этого страдать, ведь они принимают как данность все, что исходит от родителей. Конечно, если им не врут и они знают, что один из них родной, а другой – приемный^[1].

Чувства могут быть любыми, в чувствах мы всегда правы. Но чувства одно, а решения и действия – другое. Не отмахивайтесь от вопроса: «А что если...?» Обсудите его честно и подробно, чем раньше – тем лучше. И если ловите себя на мысли, что с появлением своего ребенка приемный вроде бы и не нужен, лучше не рискуйте.

Бывает и так: союз дает трещину, и тут уже трудно определить, было ли бесплодие одного из супругов причиной или лишь поводом к ухудшению отношений. Самое плохое, что можно сделать в этой ситуации, – пытаться спасти брак с помощью приемного ребенка. Это еще никому никогда не удавалось. Новые обязанности ввергают супругов в еще больший стресс, и они вместо того, чтобы поддерживать друг друга, лишь наращивают претензии. Жизнь семьи превращается в кошмар, распад брака проходит гораздо более болезненно.

Не обрекайте себя и ни в чем не повинного ребенка на все это. Определитесь со своим браком: он вновь окрепнет после кризиса либо – увянет – распадется. Дайте себе время, чтобы прийти в себя после развода, и действуйте дальше. Ничто не мешает вам взять ребенка самостоятельно – о ресурсах и рисках для родителя-одиночки будет сказано далее.

Если вы проделали всю необходимую внутреннюю работу, то сможете принять это просто как данность. В конце концов, мало ли кто к чему в жизни не способен: кто-то не может видеть, или ходить, или решать математические задачи. Наверное, душевная боль еще будет давать о себе знать, но в целом вы с ней справились, радоваться жизни она не мешает. Значит, можно начинать думать о приемном ребенке!

В вашем распоряжении – огромный ресурс. Вы, скорее всего, еще довольно молоды, здоровы и полны сил^[2]. С другой стороны – не юнцы, имеете работу, определенное благосостояние, проверенных временем друзей. У вас прочный брак. Вы мечтаете о детях и готовы посвятить им много времени и сил, готовы полюбить всей душой. Все это – ваши

сильные стороны, залог вашего будущего счастья с приемным ребенком.

Есть, конечно, и слабости. Например, элементарное отсутствие опыта. Но, с другой стороны, все когда-нибудь бывает в первый раз. Подумайте заранее, кто сможет вам помочь делом и советом. Учитывая, что вы уже давно живете вдвоем и сложился определенный уклад, вам будет труднее, чем молодоженам, перестроить свой образ жизни с появлением ребенка. Если вам уже за сорок, вы будете быстрее уставать, но в возрасте есть и плюсы: взрослые люди не так легко раздражаются. В любом случае цель стоит усилий. С появлением ребенка придет новый интерес к жизни и новые силы. Говорят, роды омолаживают на несколько лет. Судя по семьям, с которыми приходилось работать, появление приемного ребенка производит тот же самый эффект – мамы просто расцветают, а папы становятся даже как-то выше ростом. Главное, что ваш малыш получит родителей, которые так долго и страстно о нем мечтали и будут любить его, несмотря ни на какие трудности.

Семья с детьми

У вас уже есть дети – один или несколько. И вы хотите еще. И неважно, можете вы еще родить сами или нет. А может, хочется помочь уже живущему на свете одинокому малышу. Может быть, у вас рождаются только мальчики (девочки) и очень хочется ребенка другого пола тоже. Возможно, судьба свела вас с конкретным ребенком: увидели в детской больнице, в приюте или это ребенок из соседской неблагополучной семьи. Наконец, встречаются прирожденные воспитатели, получающие от самого процесса возни с детьми большее удовольствие, чем от любой другой работы. Они охотно присоединили бы к паре-тройке своих ребят еще несколько и растили бы их на радость себе и на пользу обществу.

Все эти соображения – совершенно естественные и понятные. Но бывает, что приходит семья, чаще – с единственным ребенком, и говорит следующее: «Мы хотим взять приемного ребенка, чтобы наш не вырос эгоистом» или в более мягком варианте «чтобы у нашего был товарищ по играм».

Начнем с первого. Представьте себя на месте ребенка – единственного и, надо думать, избалованного, раз родители уже опасаются, каким он вырастет. В его полном распоряжении находятся мама, папа, бабушка, телевизор, игрушки и сладости. И тут они приводят кого-то непонятного... С воспитательными, значит, целями... И всем теперь надо с ним делиться... Ну я ему покажу! И покажет. Или ему, или вам. Причем это необязательно будут скандалы и драки. Ваш ребенок может вдруг перестать учиться или заболеть посильней – чтобы вы бросили заниматься глупостями и вспомнили наконец, кто главный в вашей жизни. И что вы будете делать?

Если, по вашему убеждению или пока еще смутному ощущению, в вашей семье нарушена иерархия и ребенок вертит взрослыми как хочет («растет эгоистом»), это проблема вашей семьи. Как не склеишь с помощью ребенка треснувший брак, так и деформированные отношения между родителем и ребенком не починишь с помощью другого ребенка – своего или приемного. Сначала разберитесь с тем, что вас не устраивает, восстановите нормальные границы и соотношение сил в семье, если надо – обратитесь к специалистам и лишь потом думайте о пополнении.

С идеей завести своему ребенку друга, товарища для игр тоже надо быть осторожнее. Воображение рисует вам приятную картинку, когда оба

ребенка самозабвенно играют в куклы или машинки, вместе гуляют и ходят в школу, защищают и поддерживают друг друга. Прекрасно. Но что вы будете делать, если они **не** подружатся? Ведь взаимная симпатия вовсе не гарантирована. Особенно в период адаптации – приемный ребенок уже сыт по горло общением со сверстниками, ему нужны родители, и желательно в единоличное пользование. Ревность, ссоры, крики, жалобы друг на друга – надо понимать, что это вполне вероятная перспектива. Ничто так не выматывает родителей, как постоянные конфликты детей. Ни из чего не следует, что они сразу и с радостью примут друг друга, возможно, мир и спокойствие вашего дома будут взорваны с приходом нового члена семьи.

Если ребенок в первую очередь был нужен вам самим, то ничего страшного, в конце концов, мало ли родных сестер и братьев не очень ладят и вместе не играют, лишь бы сильно не дрались. Но вот если главным мотивом было завести компаньона для собственного ребенка (чтобы не скучал и к родителям не приставал), а вместо этого вы обретаєте кучу проблем – вам не позавидуешь. И обоим детям тоже.

Не говоря уже о том, что приемный ребенок может принести с собой модели поведения, которые могут не только шокировать вас, но и напугать вашего ребенка: агрессию, нецензурную брань, истерики, сексуализированные игры. Все это не так страшно и со временем проходит, но при одном условии: родители хотят и готовы с этим справиться, берут на себя всю полноту ответственности за принятое решение. Не от детей надо будет ждать, чтобы все шло благополучно, – это будет ваша задача. Насколько близки ваши отношения с родным ребенком? Обратится ли он к вам за помощью, если что-то случится? Поделится ли откровенно своими чувствами, не боясь вас расстроить или вызвать осуждение? Готовы ли вы как родитель иметь дело с его чувствами – иногда весьма болезненными? Сможете ли сохранить для него все, что можно сохранить из уклада вашей семьи, который неминуемо изменится с приходом нового человека? Обо всем этом стоит подумать заранее.

Главный ресурс, который есть в вашем распоряжении, – опыт. Да, новый ребенок может поставить перед вами задачи, с которыми сталкиваться еще не приходилось. Но по крайней мере вы знаете, что делать, если он не ест кашу, или не хочет мыть голову, или промочил ноги и кашляет, и в панику из-за мелочей не впадете. Есть и обратная сторона этого ресурса. Опытность может вас и подвести, поскольку ребенок из детского дома – это все же ребенок с особым опытом, он может воспринимать мир, отношения, ваши слова и поступки совсем не так, как их воспринимают ваши родные дети, знающие вас всю жизнь. И может

быть очень непросто смириться с тем, что ваши дети вас понимают с полуслова, а этот – нет, с вашими детьми срабатывают ваши обычные родительские «приемчики», а новенькому – как об стенку горох. Поэтому, как бы вы ни были опытны и уверены в себе, не упускайте ни одной возможности подготовиться к новой для себя роли приемного родителя, старайтесь узнать больше и будьте готовы отказаться от каких-то своих привычных представлений о том, «как должны вести себя дети». Со временем, когда вы и ребенок привыкнете друг к другу, приспособитесь, все войдет в норму, но для этого придется измениться не только ему, но и вам, и всей вашей семье.

Не менее важный ресурс – ваши собственные дети. Очень многому приемный ребенок научится не у вас, а у них, причем гораздо легче и с большим удовольствием. Научится играть, слушать сказки, спорить, мириться, делиться. А заодно – как уговорить родителей купить игрушку, как вести себя, чтобы все отстали, и что сказать маме, чтобы разрешила не идти завтра в школу. Все это, между прочим, очень важные и нужные в жизни умения, которые можно назвать умными словами «социальная адаптация» и «коммуникативная компетентность». Даже ругаясь и дучась на «новенького», ваши дети все равно станут вашими помощниками, ведь они будут продолжать жить своей нормальной детской жизнью и просто самим этим фактом помогать приемному ребенку войти в жизнь семьи. Не забывайте благодарить их за помощь и терпение!

Семья, вырастившая детей

В свое время, будучи еще совсем молодыми людьми, вы родили ребенка, а может быть, двух или трех, растили их, и вот – вырастили. Даже самый младший скоро покинет (или уже покинул) родительский дом. Может быть, и не в буквальном смысле покинет, но он явно живет своей жизнью и в вас не нуждается: «Привет. – Привет. – Как дела? – Нормально. – Уходишь? – Да, буду поздно». И вы остаетесь в пустом доме, и даже ужин готовить не для кого. Неужели лет пятнадцать назад вы представляли за счастье вечер, проведенный без ребенка, когда не слышишь постоянно: «Мам, ну мам!» и можешь делать, что хочешь? А сейчас почему-то ничего не хочется...

Это состояние называется синдромом пустого гнезда. Много лет жизнь родителей была по большей части подчинена детям, они требовали внимания, помощи, заботы. С большим или меньшим удовольствием и готовностью родители давали им все необходимое, это стало образом жизни, способом восприятия мира. Лето кончается – нужно готовиться к учебному году, похолодало – не вырос ли из теплой куртки, Новый год – каким подарком порадовать, уже весна – куда на каникулы? Утро – не проспал бы в школу, день – напомнить про обед, вечер – отогнать от телевизора, ночь – проверить, не раскрылся ли, а то замерзнет. Все эти родительские будни организовывали жизнь, наполняли ее смыслом. И вдруг приходит осознание, что дети в нас больше не нуждаются. То есть любят и рады, что мы есть на свете, но вот так, чтобы ежедневно, ежечасно – мы им уже не нужны. Пусто, грустно и при этом немного стыдно за свои чувства – мы же так хотели, чтобы они выросли!

Узнаете себя? Что ж, вы не одиноки!

Очень большой процент семей, обращающихся в службы по устройству детей, находятся именно на стадии «пустого гнезда». Если это ваш случай, то вам, скорее всего, от сорока до пятидесяти, вы вполне бодры и полны сил, может быть, в свое время, по молодости, не решились завести больше одного ребенка – другие были интересы, а теперь поняли, что как родители еще не исчерпали себя. Вы совершенно правы и действительно можете стать прекрасными приемными родителями.

Ресурсы очевидны: опыт воспитания детей есть, при этом, поскольку прямо сейчас вы своими детьми не обременены, все силы и все внимание будут отданы приемному ребенку, а ему это очень и очень важно. Возраст –

скорее плюс, чем минус. Он прибавляет мудрости, взвешенности, делает нас менее категоричными и нетерпеливыми – все это очень важно для приемного родителя.

Ваши взрослые дети вполне могут стать вашими союзниками и помощниками, как это происходит во многих семьях. Если у ваших детей было достаточно счастливое детство, они вряд ли будут сильно ревновать к новичку – ведь они получили от вас столько родительской любви, сколько им было нужно. Сейчас они по-новому, взрослыми глазами увидят, как много сил вы отдаете ребенку, как все это непросто, и, скорее всего, будут готовы подставить плечо. Бывает, что приемные дети слушаются своих взрослых братьев и сестер даже лучше, чем родителей.

Опыт и сознание, что как минимум один раз вы уже это сделали – ребенка благополучно воспитали, – придает уверенности.

Но, может быть, ваш случай иной? Возможно, как раз на основании своего родительского опыта вы **не уверены** в себе? Вам кажется, что воспитывали детей как-то не так, «упустили», «пережали», «избаловали» (нужное подчеркнуть). Дети выросли неблагодарные, учиться (работать) не хотят, родителей не ценят, им бы все только «дай»... Вот и появляется светлая мысль: возьму сироту, уж он-то будет благодарен, он-то будет ценить все, что я для него делаю. Или так: дети ушли из дома и даже не приходят, не звонят, как неродные, а вот приемный ребенок будет со мной... Как в известном черном анекдоте про горе-хирурга: «Нет, с этим ничего не получается, давайте следующего!»

В отношениях родитель – ребенок большая часть ответственности всегда лежит на взрослом. Если ребенок приемный, то есть раненный судьбой, ответственность на взрослого падает еще большая. Он должен быть готов всегда искать: что я делаю не так, что я могу изменить, что еще нужно сделать, а не объяснять все неудачи тем, что ребенок «не такой». Это важно осознавать именно потому, что валить вину на приемного ребенка легко и удобно – просто само получается. У него и гены, как известно, не те, и прошлое плохое, и вообще... Взрослому тут требуются немалая стойкость и честность перед самим собой, чтобы избежать этого соблазна и не перебросить всю ответственность с себя на него.

А теперь давайте поразмыслим трезво: если вам не удалось достичь родительского успеха со своими родными детьми, из чего следует, что с приемным – получится? Потому что он будет благодарен? Не обольщайтесь, дети все происходящее воспринимают как должное и особой благодарности обычно не испытывают – пока не вырастут.

Кроме того, давайте посмотрим на ситуацию глазами вашего вроде бы

уже взрослого ребенка. Мама и папа не смогли и не захотели наладить контакт со мной, вместо этого они нашли мне замену. А дальше, в зависимости от характера ребенка и глубины вашего конфликта, он может либо вообще прекратить с вами общаться, либо скандалить, чтобы вы убрали «этого», либо потребовать вашего внимания иным способом – тяжело заболеть или попасть в неприятную историю. В практике были случаи, когда взрослые, уже давно своей семьей живущие дети срочно разводились и возвращались в родительский дом отстаивать свою «территорию». И родители оказывались меж двух огней, а приемный ребенок – в такой ситуации, что не позавидуешь.

Так что если ваши отношения с родными выросшими детьми оставляют желать лучшего, начните именно с них. Попробуйте найти контакт, понять, в чем вы не правы, что нужно изменить в себе как в родителе. Убедитесь, что они не чувствуют себя отвергнутыми, недолюбленными, что они верят: что бы ни случилось и сколько бы лет им ни было, вы всегда поймете и поддержите их. Возможно, выяснится, что ваше «гнездо» опустело рано и неправильно и вашим собственным птенцам вы еще очень нужны. Пусть наступят мир и согласие в вашей семье, и тогда она сможет стать счастливым домом для приемного ребенка.

Родитель, не состоящий в браке

Было время, когда считалось, что человек, не состоящий в браке, не может стать приемным родителем. Многие до сих пор так думают, не решаясь никуда обращаться из страха, что «без мужа не дадут». Но сегодня такие опасения совершенно напрасны. Неполная семья давно перестала восприниматься как редкая или неправильная, очень многие «самодельные» дети живут с одним из родителей, и уж совсем не вызывает сомнения, что семья из одного родителя – гораздо лучше, чем детский дом. И потом: из того, что вы сегодня не состоите в браке, не следует, что вы не будете в нем состоять через год (увы, как и наоборот). Так что никаких прямых противопоказаний нет.

С другой стороны, принять и воспитать ребенка, а то и несколько детей, не имея поддержки супруга, – дело непростое. Принимая такое решение, надо особенно тщательно все обдумать.

Одному родителю объективно труднее делать самые обычные житейские вещи: зарабатывать достаточно денег, вести хозяйство, ухаживать за детьми. Когда родителей двое, они могут подменять друг друга, если кто-то заболел, очень устал, в плохом настроении или у него завал на работе. Одному приходится выкручиваться самостоятельно или рассчитывать на помощь со стороны. Вот об этом и следует подумать в первую очередь. Кто может помочь, если что? Ваши родители? Братья и сестры? Старшие дети? Друзья? Соседи? Няни? Даже если до сих пор вы привыкли везде и всегда рассчитывать только на себя, пора пересмотреть эту установку: одно дело отвечать за одного человека, причем взрослого (самого себя), другое – за двоих, один из которых – ребенок из детского дома. Тут Боливар может не выдержать двоих...

Часто люди, не состоящие в браке, весьма успешны в своей профессии. И естественно, они не могут позволить себе бросить работу после появления ребенка. Но не питайте иллюзий, что все останется по-прежнему. Как минимум на период адаптации нагрузку придется уменьшить. Если бы это был ваш родной ребенок, с рождения окруженный любовью и заботой, он, пусть и без особой радости, но пережил бы ваши возвращения за полночь или командировки. Ребенок, только-только обретший семью, – другое дело. Пройдут годы, прежде чем он поверит, что вы в его жизни – навсегда. А в первое время разлука или дефицит общения с вами могут вызвать у него сильнейший стресс и очень затруднить

формирование привязанности, а ведь именно ради этого вы его и брали. Никакой самый дорогой частный детский сад его не утешит. Ему нужны будете только вы.

Поэтому подготовьте плацдарм заранее: отложите деньги, переговорите с руководством и попросите перевести вас на неполный рабочий день или подыщите себе занятие без обязательного присутствия на рабочем месте (таких возможностей сейчас много), воспользуйтесь материальной поддержкой родственников. Обзаведитесь бытовой техникой, чтобы экономить время на хозяйственных делах. Не стесняйтесь просить о помощи, в том числе материальной: попросите коллег по работе купить вам стиральную машину или диванчик для ребенка, объясните, что это вам гораздо нужнее плюшевых медведей и зайцев, которых они собирались вам подарить в связи с прибавлением в семье. Обратите особое внимание на те формы семейного устройства, где предполагается выплата пособия или зарплаты; если вы очень хотите именно усыновить, можете сделать это позже, когда все наладится.

Важна и психологическая поддержка. Если супруги получают большую психологическую поддержку друг от друга, могут вечером вместе посидеть, выпить чаю, обсудить происшедшее, одинокий родитель иногда оказывается в ситуации, когда буквально «не с кем поговорить». В процессе нелегкой адаптации ребенка в семье, в случае каких-то неприятностей с ним, разочарований, болезней очень важно, чтобы сам родитель мог откуда-то черпать силы, чтобы кто-то мог позаботиться о нем, выслушать, пожалеть, побаловать, утешить. Подумайте заранее, кто это мог бы быть? Ваши родители, друзья, специалисты службы устройства, другие приемные мамы и папы? Не говорите себе, что привыкли рассчитывать только на свои силы и «не распускаться». Поверьте, стресс после прихода ребенка может быть таким сильным, что привычные способы держать себя в руках просто не сработают. Будьте готовы получить всю возможную помощь и не стесняйтесь о ней просить.

Часто родители, воспитывающие ребенка в одиночку, задают вопрос: насколько это вредно для ребенка – расти без отца или без матери? Как это отразится на его развитии, на его будущем?

Конечно, гармоничная полная семья – лучший вариант для детей. В ней они могут видеть модель поведения мужчины и женщины, наблюдать, как люди строят отношения, как ссорятся и мирятся, как заботятся друг о друге и детях, как выражают свою любовь. Все это очень пригодится в будущем; известно, что дети из полных семей, в которых родители любили и уважали друг друга, обычно и сами бывают более благополучны в личной

жизни. Однако приходится признать, что и среди полных семей далеко не все гармоничны. Не каждому ребенку посчастливится расти с родителями, живущими в любви и согласии, и это вовсе не означает, что лучше бы ему вообще не родиться на свет и не вырастать. Если же говорить о ребенке из детского дома, то даже вопроса нет, где ему лучше: в учреждении или в семье, состоящей из одного родителя. Недостающие в детском опыте модели поведения можно получить и не от родителей: есть родственники, друзья семьи, родители друзей.

Негативные последствия могут возникнуть тогда, когда родитель агрессивно или пренебрежительно настроен против другого пола, например транслирует ребенку, что «все мужики – сволочи, нам их в доме не надо» или «все бабы – истерички, без них гораздо лучше». Обычно за такими убеждениями стоит пережитая в прошлом травма, обида, предательство или изначально деструктивная установка, полученная от собственных родителей. Понятно, что ничего хорошего для ребенка из этого не выйдет, во взрослой жизни ему будет трудно с людьми своего или противоположного пола, он будет постоянно ожидать от них подвоха, рвать отношения, как только они начнут становиться серьезными, или просто избегать близости.

Другая крайность – подчеркивать свою несчастье и неприкаянность, тяжелую долю «одинокого человека», связывать возможность счастья и благополучия с наличием второй половины. Не стоит говорить ребенку: «Вот если бы у нас был папа, мы могли бы...», или «Ты же понимаешь, как мне трудно растить тебя одной, все сама, все сама», или «Скорее бы ты вырос, появился бы, наконец, мужчина в доме». Очень важно, чтобы сам родитель не считал себя ущемленным и обделенным, чтобы ребенок воспринимал его как человека счастливого, уверенного в себе, самодостаточного.

Не пугайтесь вопросов ребенка: «А где же у нас папа (мама)?», не начинайте его срочно отвлекать или оправдываться. Спокойно объясните, что в некоторых семьях есть только один родитель и что один взрослый вполне способен делать все, что необходимо для ребенка. Возможно, ребенок попытается своими силами устроить вашу личную жизнь и будет настойчиво сватать вас за знакомых и соседей. Постарайтесь отнестись к этому с юмором, не ругайте его и не смущайтесь. Окружающие наверняка отнесутся к детскому поведению с пониманием.

Желание стать родителем кажется таким естественным, что даже глупо себя спрашивать: а на самом ли деле мне это надо? Однако спросить, причем честно и прямо, все же стоит. Почему вы решили сменить

одинокую, независимую, свободную жизнь на жизнь родителя непростого ребенка?

Задумывались ли вы когда-нибудь всерьез о том, почему вы не вступили в брак (или, может быть, не сохранили его)? Конечно, никто не застрахован от неудач, в конце концов, чтобы встретить подходящего спутника жизни, нужна и доля везения. И все же попробуйте честно ответить себе на некоторые вопросы.

Боюсь ли я людей? Считаю ли, что сближаться, открывать душу – опасно, того и гляди обидят или предадут? (А ребенок, как существо маленькое и полностью от меня зависящее, вызывает меньше опасений.)

Или, может быть, я задаю в общении с людьми столь высокую планку, что просто никто не может ей соответствовать, и потому ни одни отношения в моей жизни не длились долго? (Ребенка же я рассчитываю воспитать «под себя», так, как нужно, ведь тут все будет зависеть только от меня.)

Нет ли у меня склонности в общении с близкими людьми нарушать их границы, стремления знать о них абсолютно все, контролировать всю их жизнь? (Вот ребенка я и буду воспитывать со всей ответственностью, жить его жизнью, посвящу себя ему.)

Был ли вообще в моей жизни опыт длительных близких отношений? Есть ли у меня друзья, случаются ли серьезные романы, рассматриваю ли я возможность в будущем вступить в брак? Или я вряд ли вообще смогу жить с кем-либо в одном доме, терпеть постоянное присутствие в своей жизни чужого в общем-то человека? (В принципе, одному жить гораздо лучше, но вот старость пугает – кто стакан воды подаст?)

Не состоять в браке – это одно, на это может быть десяток вполне понятных причин. Быть одиноким – это совсем другое. Если вы хотите взять ребенка потому, что не видите другого выхода разорвать круг одиночества, наполнить жизнь смыслом, все может сложиться очень непросто. Вот вы, наконец, обрели родное существо, вы больше не одиноки в этом мире. Вы любите своего ребенка, готовы ради него на все, только о нем и думаете, он – смысл вашей жизни. Так отношения между вами и ребенком могут перейти грань, за которой близость становится зависимостью, а любовь становится все более «удушающей».

Вы будете для ребенка всем на свете и невольно будете ждать от него того же. Он должен стать не просто вашим сыном или дочерью, а другом, утешителем, поверенным – то есть делать для вас то, что обычно делают друг для друга супруги. Возможно, пока он будет маленьким, все будет чудесно, он с жадностью будет вбирать недополученную любовь и заботу и

отвечать послушанием и полной открытостью. Но дети растут для того, чтобы однажды вырасти и стать независимыми от родителей. Наступит подростковый или юношеский возраст, и ваш ребенок захочет самостоятельности, ему будет необходимо закрыться от вашего контроля и влияния. Для вас это будет «плевок в душу», «предательство»: «После всего, что я для тебя сделала!» Ребенок же, осознав, что «по-хорошему» отделиться не удастся, вынужден будет выбирать: либо отказаться взрослеть и навсегда остаться в объятиях родителя, либо порвать отношения резко и больно.

Если же на самом деле вы просто не нуждаетесь в близких отношениях и ваша сегодняшняя одинокая жизнь – не случайность, а закономерность, то вы очень быстро устанете от постоянного присутствия ребенка, от его вопросов, просьб, желания виснуть на вас, общаться, одним словом – «лезть». Сначала вы будете стараться, потом винить себя, потом впадете в отчаяние, потом придете к выводу, что ребенок «не тот»... И скорее всего, в конце концов расстанетесь, нанеся травму и ребенку, и себе.

Важно понимать, что изначально несчастный приемный родитель не сможет дать счастья ребенку и ребенок его тоже не осчастливит. Если отношения с другими людьми – не ваша сильная сторона, сначала попробуйте разобраться, почему так происходит. Возможно, стоит пройти курс психотерапии, изменить образ жизни, найти новых друзей, завести роман или, наоборот, покончить с давно затянувшимся бесперспективным романом. Люди, к счастью, способны меняться и учиться тому, чего не умели раньше. Вот только научиться общаться и строить отношения нужно раньше, чем в вашем доме появится приемный ребенок.

Чаще всего, говоря о единственном приемном родителе, имеют в виду женщину, маму. Мужчина, который, не имея жены, тем не менее хочет взять приемного ребенка, – явление более редкое, хотя в последнее время встречается все чаще. Современный мир устроен так, что стирать, готовить и поддерживать порядок в доме мужчинам порой проще, чем создать и сохранить отношения с супругой. Кто-то уже пережил болезненный развод, кто-то еще не встретил ту, с которой захотелось бы прожить жизнь. А ребенка, возможно, уже встретил – или во время волонтерской поездки в детский дом, или осиротел ребенок друзей, родных, соседей. Или просто хочется хоть одного мальчика или девочку вытащить из детского дома, дать шанс на нормальную жизнь.

Чаще всего одинокий мужчина, желающий взять приемного ребенка, сталкивается с определенными проблемами. С точки зрения закона мужчины и женщины в этом вопросе равны. И, собрав все необходимые

документы, потенциальный приемный папа может настаивать на своем праве взять ребенка. Однако такое желание мужчины часто вызывает подозрение у сотрудников опеки, и их можно понять. Разная, знаете ли, бывает любовь к детям... По опыту работы могу сказать, что опасения не беспочвенные: приходилось сталкиваться с соискателями, желающими взять мальчика (или двух) десяти-двенадцати лет, «чтобы дать любовь и заботу». Они собирали все документы, приносили идеальные характеристики с работы, говорили очень хорошие и правильные слова. А когда происходило знакомство с ребенком или первые гостевые визиты, мальчик рассказывал о недвусмысленных намеках или действиях «папы». И хорошо, если все выяснялось на самых ранних стадиях.

Представляю, как неприятны подобные подозрения для нормального человека, который искренне хочет помочь ребенку. Противно и оскорбительно доказывать, что ты не педофил, да и как это докажешь? Сотрудникам опеки тоже не позавидуешь: по документам-то не поймешь, с какими целями мужчина хочет взять ребенка. И никаких методик, позволяющих выявить педофилию, тоже, к сожалению, не существует. Выбор непростой: отказать (на основании «а вдруг») человеку, который, скорее всего, хочет только хорошего и может помочь ребенку, или поставить ребенка под угрозу. А ведь если что, ответственность ляжет на них.

Есть и обычные сомнения: сможет ли мужчина обеспечить быт, уход, питание, будет ли достаточно ответственным? Ведь традиционно у нас в семьях детьми занимаются в основном женщины, хотя в последние годы это начинает потихоньку меняться.

Так что, если честно, сотрудники опеки, наверное, предпочли бы, чтобы такие кандидаты вообще не появлялись у них на пороге. Но чем дальше, тем чаще они появляются. И если бывают достаточно настойчивы и дипломатичны, не обижаются, с пониманием относятся ко всем опасениям и проявляют готовность сотрудничать, добиваются своей цели и даже налаживают очень хорошие отношения с опекой.

Если говорить о воспитании детей, мужское воспитание, конечно, не похоже на женское. Папа может гораздо равнодушнее относиться к внешнему виду ребенка и ко всякого рода «правильностям» вроде режима дня и сбалансированного питания, но при этом быть строже и требовательнее в других вопросах. Папы обычно гораздо больше поощряют самостоятельность и порой разрешают то, что мама не разрешила бы. С папой можно весь день собирать новую железную дорогу, уплетая вместо обеда здесь же, на полу, бутерброды. Можно играть в футбол в новом

костюме, можно до ночи заниматься новой компьютерной игрой, можно самому разжигать костер на даче, можно позвать домой целую кучу довольно чумазных приятелей и еще много чего. С другой стороны, там, где мама бы пожалела и «вошла в положение», папа может потребовать «не раскисать» и выполнить необходимое, несмотря на усталость, нездоровье или плохую погоду. Некоторым наблюдателям, особенно женского пола и с устоявшимися представлениями о том, как надо воспитывать детей, все это может показаться форменным безобразием. Однако дети, особенно мальчики возраста Тома Сойера, бывают от всего этого абсолютно счастливы. И многие их сверстники из полных семей, которые в чистой одежде аккуратно едят суп за столом, накрытым белой скатертью, пожалуй, им бы позавидовали.

Но жизнь ребенка не может состоять из одних захватывающих приключений и развлечений. Бывают болезни, неприятности, плохое настроение. Важно, чтобы мужчина, берущий на себя ответственность за ребенка, действительно был способен выполнять и «мамские» функции: пожалеть, утешить, выслушать, позаботиться о здоровье. И мнение окружающих тоже не сбрасывал со счетов, ведь ребенку жить среди людей и к требованиям социума надо относиться с уважением.

Если, осознавая все возможные трудности, вы все же идете за ребенком – значит у вас найдутся силы все преодолеть, и помощь обязательно придет, и все образуется, словом, мир обязательно «прогнется» под ваше страстное желание стать родителем. Так что ни в коем случае не считайте свою семью неполной – в смысле неполноценной, если в ней есть вы, ответственный родитель, есть любовь и взаимопонимание, есть теплый дом – значит, все в порядке.

Чье решение?

До сих пор мы говорили о вашей семье как о едином целом, не касаясь возможных разногласий по вопросу принятия ребенка между супругами, их родителями и детьми. Хорошо, если ваша семья едина в своем стремлении, но так бывает не всегда. Более того, высказанные на словах готовность и согласие порой на деле оборачиваются недовольством или даже громким протестом. Поэтому прежде чем идти за ребенком, важно разобраться, какова ситуация в вашем доме.

Прежде всего не надо иллюзий, что можно взять ребенка на условиях: «Это я одна беру, а вы мне только не мешайте». Так не бывает. Если вы живете вместе, значит, вы одна семья. Приход в семью нового человека всегда отражается на всех ее членах без исключения, поэтому принять решение самолично, а всех остальных просто поставить перед фактом, не получится. Как всякая система, семья заботится о своей устойчивости, стремится сохранить равновесие. Ей важно сохранить свою целостность. Вот почему никакие варианты типа «тебе надо – ты и бери ребенка, я не против, но заниматься им будешь сама» невозможны, если речь идет о членах «ближней семьи», живущих под одной крышей. Как показывает практика, когда приемный ребенок из абстрактной идеи превращается в конкретного мальчика или девочку, обычно с далеко не ангельским поведением, «я не против» очень быстро превращается в «или он, или я». Оказаться перед таким выбором не пожелаешь и врагу. Что делать, если «в товарищах согласия нет» и кто-то из семьи очень хочет приемного ребенка, а кто-то нет – об этом речь пойдет немного позже.

Но что делать, если вы мечтаете о приемном ребенке, а кто-то из родных не хочет?

Прежде всего о каких родственниках идет речь? Живут ли они вместе с вами? Одно дело, если это супруг или дети. Другое – тетушки или отдельно живущие родители. Решение взять ребенка принимает та семья, в которой он будет жить. Если в ней есть единомышленники – остальным родственникам придется принять это как данность. Конечно, вам потребуется немало дипломатического таланта, чтобы никто не поссорился, но со временем, скорее всего, все образуется и ваша родня примет ребенка.

Если разногласия есть среди членов самой семьи, например жена хочет ребенка, а муж – нет, переходить к действиям преждевременно. Это

не тот случай, когда можно просто настоять на своем. Не надейтесь на «стерпится – слюбится»: а если не стерпится? Если уже через пару недель вы услышите от супруга роковое «или я, или он»? Одно дело, если эти слова говорит в минуту эмоциональной вспышки человек, который принимал решение вместе с вами. Другое – если вы фактически навязали ему всю эту историю. Подумайте, каково будет ребенку жить в одном доме с человеком, который его не хочет и не принимает, или в доме, из которого кто-то из-за него ушел?

Попробуйте спокойно, доверительно поговорить, спросите супруга, чего именно он боится, что вызывает протест. Если он вообще не хочет детей, вам предстоит решить, сможете ли вы быть счастливы в таком браке. Возможно, его пугают именно детдомовские дети. Тогда имеет смысл начать с посещения Школы приемного родителя – само по себе оно ни к чему не обязывает, а информации дает много. Просто попросите супруга об одолжении – пожертвовать ради вас этими несколькими вечерами или выходными, но пообещайте, что не будете давить, если он в итоге останется при своем мнении. Вы просто договариваетесь о том, что ни один из вас не будет принимать решение с закрытыми глазами, на основании одних лишь эмоций или усвоенных откуда-то стереотипных представлений. Вы даете себе время, чтобы «погрузиться в тему», например три месяца, и после этого возвращаетесь к разговору. Обсудите не только страхи, касающиеся детей, но и возможные уязвимые места ваших отношений. Может быть, супруг боится, что после пополнения семьи вы полностью переключитесь на ребенка, а он останется без любви и внимания? Может быть, его очень пугает возможная негативная реакция значимых для него людей – друзей, родителей? Предложите ему посоветоваться с кем-то посторонним, может быть, это будет мужчина, растящий приемного ребенка, или психолог. Вы не имеете права приводить в семью ребенка, которого супруг не хочет. Но вы имеете полное право рассчитывать на то, что ваш супруг приложит достаточные усилия, чтобы разобраться в том, что так важно для вас, от чего зависит, возможно, вся ваша жизнь. Главное – обойтись во время обсуждения без давления, манипуляций и шантажа. Это еще никому никогда семейного счастья не приносило.

Каждый остался при своем мнении – ну что ж. Нельзя сказать, что вы не старались. Что делать – сохранять ли брак, пускаться ли в одиночное плавание – в этой ситуации каждый решает сам. Кто знает, может быть, супруг мудрее и чувствует, что ваше желание взять ребенка не очень глубокое и позже вы можете пожалеть? Если вы выберете расставание,

сделайте это до того, как начать готовиться к приему ребенка. К его появлению в вашем доме жизнь должна войти в нормальную колею. Кстати, мне встречались случаи, когда супруги расставались из-за нежелания мужа брать ребенка, а потом, когда ребенок был уже с приемной мамой, бывший супруг охотно помогал им. Может быть, стать приемным отцом для таких мужчин – это чересчур, а быть другом и помощником семьи – в самый раз. Но, конечно, такой вариант возможен, только если расстанутся супруги по-человечески, сохраняя достоинство и щадя чувства друг друга.

Разговор с детьми

Если у вас уже есть дети, которым больше двух лет, с ними тоже обязательно нужно все обсудить. При этом важно помнить, что **детей заводят взрослые, а не другие дети**. Это сфера ответственности взрослых. Даже если ваше чадо активно выражало готовность принять ребенка, это не помешает ему «передумать», как только новенький сломает его любимый самокат. И обижаться за это на ребенка, говорить ему: «Ты же хотел, просил, а сам...» совершенно неправомерно. Он пока не может понять, что такое «взять ребенка в семью насовсем», и предвидеть, чем это обернется для него лично.

Ваш ребенок может рассчитывать на то, что обретет товарища по играм. Но первое, что сделает приемный ребенок, – вовсе не побежит играть, этого ему и в детдоме хватало. Он прилипнет к родителям, требуя всего их времени и внимания без остатка. И вот уже ваш родной малыш, умолявший привести ему братика или сестричку, закатывает истерику на тему «верните его обратно».

В то же время согласие вашего ребенка – важное условие. Постарайтесь поговорить с ним как можно более откровенно, не давите на жалость, но расскажите, каково быть одному, без семьи, объясните, почему вы хотите еще одного ребенка – не потому, что ваш чем-то вас не устраивает, а потому, что хотите помочь или хотите, чтобы было веселее, то есть искренне расскажите о своих чувствах и мотивах. Но, говоря о будущем, не рисуйте слишком радостных картин: «Будете вместе играть, будете дружить». Вполне возможно, что завязать дружбу получится не сразу, и малыш будет сильно разочарован. Лучше говорите о том, что он сможет сделать, чем помочь: новый ребенок не будет ничего знать в доме, ему надо будет все показать, объяснить, наверное, ему будет страшновато в новом месте, с незнакомыми людьми, хорошо бы его успокоить, развеселить.

Если ваши дети уже довольно большие, поговорите с ними подробно о том, что изменится в жизни семьи с появлением приемного ребенка, особенно если вы ждете, что они будут делить с ним комнату, письменный стол, компьютер. Ребенку старше 13–14 лет имеет смысл дать почитать специальную литературу или интернет-сайты, взять его с собой на занятия Школы приемных родителей.

Если ваш ребенок-подросток категорически против этой затеи,

подумайте почему. Может быть, у него сейчас трудный период, его самочувствие, настроение и так оставляют желать лучшего, и он инстинктивно избегает дополнительного стресса. Может быть, он боится посягательства на свое личное пространство, которым подростки очень дорожат. Возможно, ему самому еще очень нужны ваше внимание и забота, или он подозревает, что вы недовольны им и хотите найти ему «замену». В любом случае не давите и не торопите. В конце концов, вы можете вернуться к этой идее через пару лет, когда ваш подросток выйдет из критического возраста.

* * *

Итог можно подвести такой: семьи разные нужны, семьи разные важны. У каждого типа семей есть свои сильные и слабые стороны. Чем лучше вы заранее обдумаете риски и ресурсы своей собственной семьи, тем больше у вас шансов принять взвешенное решение, о котором не придется потом жалеть ни вам, ни ребенку.

Важно не столько состав, сколько «погода в доме». Хуже всего – неопределенность и недосказанность, когда проблемы не обсуждаются, а прячутся, как мусор под ковер при некачественной уборке. Перед приходом в семью ребенка в вашей душе и в ваших отношениях не должно по возможности оставаться «мусора». Вам ведь не придет в голову привести дитя в грязную, пыльную комнату? А эмоциональная атмосфера в семье даже важнее, чем соблюдение гигиены. Поэтому соберитесь с духом и проведите «генеральную уборку», разложите все по своим местам, от чего-то избавьтесь, что-то наладьте, почините. Ответ на вопрос: «Стоит ли нам это делать, справимся ли мы?» не написан ни в какой умной книге – его в глубине души знаете вы сами. Не забудьте туда, в глубину, заглянуть.

Ребенок из детского дома – какой он?

Справимся ли мы, готовы ли мы, сможем ли принять и полюбить, преодолеть трудности – самые частые и очень здравые вопросы, которые задают себе будущие приемные родители. Но с чем, собственно, предстоит справляться? К чему готовиться? Что за сложности такие с приемными детьми, которые отличаются от сложностей с детьми собственными, ведь и свои бывают капризные, шумные, замкнутые, вспыльчивые, не очень здоровые, не желающие учиться и все такое прочее? Что имеют в виду специалисты опеки, когда делают круглые глаза и говорят: «Вы хорошо подумали? Это же **такие** дети...» Или вот все эти ужасные истории про то, как приемный ребенок оказался «неблагодарным», «испорченным», «с дурными генами», «ненормальным». Или информация о семьях, которые детей брали, а потом возвращали. Ужасно, конечно. Но вряд ли они просто так легкомысленно взяли – а потом раздумали и все. С чем таким они столкнулись, что не смогли преодолеть, если решились на то, чтобы вернуть и потом жить с этим всю жизнь?

Дело осложняется тем, что тема детей из детского дома в нашем обществе долго была под запретом. В обществе развитого социализма несчастных детей, детей-сирот не должно быть по определению (так же, как их пьющих родителей). Поскольку они все же были, их содержали в резервациях – детских домах и интернатах, где были свои школы, врачи, детские площадки. Поэтому среднестатистический человек мог за всю жизнь ни разу не увидеть детдомовского ребенка.

Представление большинства людей о таких детях сводится к набору мифов, слухов и сентиментальных сюжетов из фильмов, а их на эту тему много. Ведь ничто так не трогает сердца людей, как образ одинокого, потерянного ребенка, после долгих мытарств вновь обретшего семейный уют и любовь родителей. Одних романов на этот сюжет тысячи.

Вот только два образа сироты, сложившихся в массовом сознании.

«Оливер Твист». Согласно канону сентиментальной литературы, ребенок-сирота – сам по себе очень хороший (разве что немного чумазый). Добрый, тонкий, честный, готовый всем сердцем полюбить того взрослого, который позаботится о нем. Хранимый благословением матери (вариант: благородным происхождением), он чудесным образом выносит из опыта сплошных обид и притеснений высокие помыслы и твердые моральные устои. Все, что нужно этому ребенку, – чтобы на его пути встретился наконец добрый человек, умыл, научил манерам и отдал в школу. А уж сирота будет благодарен и оправдает доверие. В конце окажется, что эти добрые люди и есть его настоящие родственники, и ребенка просто потеряли (украли) в детстве. Так что он даже и не приемный, а «законный», и никакой «другой мамы» у него не было никогда.

Очень трогательно. Очень соответствует лелеемой в глубине сердца мечте – получить идеального ребенка, который будет «совсем своим», но при этом еще и спасти сиротку. Два в одном.

Жаль, на самом деле так не бывает – чтобы ребенок **ничего** хорошего

не получил от жизни, а стал хорошим. И дети из «благородных» семейств не попадают обычно в детские дома, даже если с родителями что-то случилось плохое – есть ведь друзья, родственники. От хорошей жизни дети приемными не становятся.

Другой миф прямо противоположен, он обычно лежит в основе «чернушных» газетных статей и рассказов «одной знакомой».

«Франкенштейн». Прямо противоположный образ: ребенок, взятый в семью, – пригретая на груди змея. Этот «неправильным образом полученный» ребенок в некотором смысле оборотень. Что ни делай, как хорошо к нему ни относишься – толку не будет: «Сколько волка ни корми, он все в лес смотрит». Он будет всех ненавидеть и всегда мстить за свою несчастную судьбу: «Когда ласкали вы детей своих, я есть просил, я замерзал...», а далее по тексту: «За все дадите мне ответ». Такой ребенок станет пользоваться добротой и лаской приемных родителей – святых людей, пожалевших сироту, а потом вырастет и коварно обманет их, начнет вымогать деньги, наведет банду на их квартиру, а то и их самих «закажет» киллеру ради наследства. И уж точно не подаст стакан воды (разве что с ядом).

Очень страшно. Самое печальное: так в жизни иногда бывает, хотя совсем по другим причинам, о которых мы поговорим в следующем разделе.

Конечно, я намеренно привела эти полярные стереотипы в таком утрированном виде. Но можно ли поручиться, что от них свободно сознание даже самого образованного, широко мыслящего человека? Мифы только тогда бывают устойчивыми, когда отвечают внутреннему запросу людей.

На досознательном, животном уровне всем нам присуще чувство страха перед чужим, не принадлежащим к семье (прайду, стае). Кто знает, чего от чужака ожидать... Скорее всего, ничего хорошего. Возможно, он конкурент – претендует на еду, территорию. Может быть, это хищник, который нападет неожиданно. Или просто опасен – ядовит, например. Лучше его прогнать поскорее или самим убежать. Очень многое в нашем отношении к «чужим» детям, детям «из-за забора», из другой, неблагоприятной жизни определяется именно этой глубинной программой. (Неприятие чужого можно увидеть даже в сентиментальном

мифе про «бедную сиротку». Сама по себе жалость есть отношение к существу низшему, ущербному, неравному.)

Дело осложняется тем, что на сознательном уровне у нас тоже есть основания для неприятия чужого. Мы знаем, что в наше время дети оказываются одинокими не по воле злого рока, а по причине алкоголизма, жестокости, безответственности их пап и мам. То есть эти дети – еще и представители иного социального слоя, где другие нормы поведения, другие ценности, другие отношения. Как говорится, «два мира, два образа жизни». Люди «не нашей среды» воспринимаются не просто как «другие», а как «неправильные», «неприятные», «неразвитые», «аморальные». Если называть вещи своими именами, как существа низшего сорта. Человек воспитанный, конечно, старается эти чувства не проявлять, но глубоко внутри они есть почти у каждого.

Все это заложено на уровне генетической и социальной программ, и винить здесь себя совершенно не за что. Вопрос в том, что с этими программами делать. Потому что они, к сожалению, далеко не безобидны. Именно они заставляют нас, общаясь с ребенком из детского дома, внутренне отвергать его, не принимать, а то и бояться. Ничего хуже для ребенка придумать нельзя, а уж для ребенка-сироты – тем более.

Любые отношения – это сцепление чувств людей, их действий, слов, жестов, которые подогнаны друг к другу, как детали в пазле. «Каков привет, таков и ответ». Транслируя ребенку свою, пусть и подсознательную, неприязнь, в ответ получим ненависть. Транслируя страх, получим неуправляемость. Транслируя недоверие, получим изворотливую ложь. Транслируя сентиментальную жалость, получим наглость и манипуляции. Мы можем контролировать себя и никогда не произносить вслух «ничего такого», но если наши глаза, тон голоса, движения выражают одну мысль: «Ты не такой, как надо!», ребенок прекрасно ее считывает. Вот почему очень важно встретиться со своими предрассудками «лицом к лицу», осознать, а не отмахиваться от них. Только тогда они перестанут определять наше поведение, и мы сможем вести себя так, как считаем нужным, а не так, как требует программа.

Поэтому для начала хорошо бы признать: меня пугает и озадачивает приемный ребенок. Во мне борются жалость, желание помочь, любопытство и неуверенность в своих силах (может быть, что-то одно, или все сразу, или совсем другие чувства, но тоже наверняка сильные). Это совершенно нормально. Меня как специалиста гораздо больше настораживают люди, твердо пребывающие в иллюзиях, что лично для них будет сделано исключение и все проблемы их минуют, или совершенно

уверенных, что они-то все сделают правильно, потому что «знают, как надо». Именно в таких семьях тяжелее всего проходит адаптация, именно им тяжело бывает принять реального, а не придуманного ребенка, именно у них высок риск возврата, а то и жесткости по отношению к «не такому» ребенку. Так что я предпочитаю тех, кто сомневается и волнуется, тех, кто может посмотреть в глаза собственным страхам и предубеждениям, тех, кто готов меняться и пробовать. Вот они обычно справляются.

Если вы готовы перестать просто мечтать или просто бояться, давайте вместе разберемся, какие «такие» дети в детском доме, чем они могут отличаться от детей семейных и почему.

Один и не дома: эмоциональная депривация

Человек появился на свет. Он очень маленький и совсем беспомощный. У него нет ни единого шанса выжить, если ему не будет помогать взрослый. Это чувствует любой, даже самый маленький ребенок. Эта информация заложена в него природой вместе с внутренней программой: «Если рядом есть взрослый, который заботится о тебе, смело расти и развивайся. Если он недостаточно внимателен, привлекли его внимание любыми способами. Если это не получается – замри, не расти, жди лучших времен. Если не дождался – умирай». В конечном итоге все особенности детей, по тем или иным причинам оставшихся без родителей, все странности их поведения восходят к этой глубинной программе.

Поразительно, но столь фундаментальное и в то же время вроде бы очевидное знание о человеческой природе долгое время не осознавалось наукой. Одним из первых, кто описал последствия разлучения ребенка с матерью, был австрийский психолог Рене Спитц. Он наблюдал за младенцами из «образцового» приюта, созданного по последнему слову медицины 1930-х годов с учетом новых на тот момент знаний о санитарии и антисептике. Во избежание инфекций детей размещали в стерильных палатах, специально обученный персонал заходил к ним только по необходимости – перепеленать, покормить – и всегда в марлевых повязках. В других случаях на руки детей брать не разрешалось. У младенцев было хорошее питание и лечение, но практически отсутствовало общение со взрослыми. И оказалось, что дети в этом «передовом» приюте развивались гораздо хуже, чем дети из приюта при женской тюрьме, которые жили в очень плохих условиях, плохо питались и возились в грязи, но постоянно виделись со своими мамами. Более того, они гораздо чаще – в несколько раз – умирали от любых болезней, а порой и вовсе без видимых причин, несмотря на все усилия врачей. Среди белых стен, в окружении белых масок вместо лиц, лишенные тепла рук, младенцы в буквальном смысле слова умирали от тоски. Это явление Спитц назвал госпитализмом.

Госпитализм – это комплекс симптомов, который проявляется у ребенка, оставшегося без матери. Ребенок становится тихим, замкнутым, вялым, плохо ест и спит, теряет способность сопротивляться инфекциям и может умереть даже от нетяжелой болезни. Дети, которые растут без родительской заботы, отличаются заметным отставанием в физическом и интеллектуальном развитии, не проявляют любознательности, не любят

осваивать новые навыки, легко впадают в истерику, панику, отчаяние.

Почему так происходит? Превращение новорожденного, практически не способного выжить без посторонней помощи, в малыша, который бегает, ест кашу и болтает, – не менее сложный процесс, чем развитие ребенка из яйцеклетки. Чтобы он был возможен, природой создана сложнейшая система «мать – дитя», где все взаимосвязано. Известно: если ребенок сосет много и активно, то молока в груди у матери становится больше. И наоборот: не давайте ребенку грудь в первые несколько суток (как это было принято в наших роддомах еще недавно), и вы получите «безмолчную» маму. Если **не для кого** производить молоко, организм женщины и не станет этого делать.

Точно так же с ребенком. Он растет, развивается, учится новому, выздоравливает после болезней, только если **есть для кого**. Если кто-то этому рад, ждет, помогает, если в ответ на каждое свое усилие, каждое достижение ребенок получает позитивную реакцию. Прежде чем младенец в первый раз улыбнется, он видит тысячи улыбок своих родителей и близких. Прежде чем он в первый раз самостоятельно повернется, его сотни раз перевернут мамыны (папины, бабушкины) руки, показывая, как это делается, поддерживая, укрепляя мышцы и уверенность в себе. Закон сохранения заботы звучит так: чтобы человек умел заботиться о себе и о других, сначала кто-то другой должен вложить в него много-много заботы.

Из актов общения, которыми мать ежесекундно обменивается с ребенком в первые месяцы и годы его жизни – из взглядов, прикосновений, ласковых слов, – постепенно формируется его личность. Ребенок приходит в мир, готовый к этой большой работе, настроенный на нее, – сразу после рождения он способен отличить свою мать от других женщин по голосу, по запаху, по вкусу. Если роды прошли без осложнений и младенец проводит первые часы жизни с мамой, он может долго и сосредоточенно смотреть ей в глаза, словно знакомится, изучает, стремится установить с ней связь.

Но бывает и иначе. Мать оставляет ребенка. Он зовет – ее нет. Он ищет глазами ее взгляд, губами ее грудь. Нет. Его пеленают, кормят, моют разные люди, каждый раз **не те**. Ему страшно. Масштаб этого страха мы, благополучные взрослые люди, даже не можем себе представить. Потому что чего бы мы ни боялись – операции, переезда, потери близких, мы не можем потерять сразу все, даже при значительной потере в нашей жизни останется все остальное. А у ребенка этого «остального» просто нет – ни других опор, ни интересов, ни целей, ни опыта борьбы с неудачами. Для него отсутствие матери означает не крушение того, что было, а невозможность возникновения чего бы то ни было.

Даже если о ребенке хорошо заботятся нянечки или другой персонал сиротского учреждения, его тревогу это не снимет. Во-первых, потому, что для него изучить реакции и поведение другого человека – очень сложная задача. Когда люди все время меняются и у каждого своя мимика, свои интонации, свои приемы, задача становится просто непосильной. Во-вторых, даже самая добросовестная нянечка вынуждена заниматься группой детей и не может, как мать, подходить по первому зову одного, часами лепетать вместе с малышом, держать его на руках, кормить и менять пеленки тогда, когда это нужно ребенку (а не по санитарным нормам). К тому же нянечки бывают разные, и руки их не всегда берут детей ласково, и голоса у них не всегда добрые...

К счастью, дети обладают огромными возможностями к адаптации и огромным желанием жить. Поэтому они стараются удержаться на первых двух пунктах своей внутренней программы «добивайся внимания взрослого, не добившись – замри и жди, не дождался – умирай». Именно этим объясняется большинство особенностей детей, в раннем возрасте оставшихся без родителей, – отказников, подкидышей и прочих обитателей домов ребенка.

Например, многие детдомовские дети, даже давно вышедшие из младенческого возраста, страдают энурезом (недержанием мочи). В чем причина? С одной стороны, состояние постоянной тревоги (психологи называют ее **базовой**) в отсутствии матери расшатывает нервную систему, в том числе и ту ее часть, что управляет мочеиспусканием. С другой – ребенку нужно внимание взрослых. Не мамы, так хоть нянечки. Не любви, так хотя бы формальной заботы. Не ласки, так хоть какого-то физического контакта. Опирайся лишней раз, и ты это получишь. Даже если рассердятся, прикрикнут или шлепнут, все равно это лучше, чем ничего. Это та соломинка, за которую можно ухватиться утопающему. Внимание взрослого для ребенка – не прихоть, а жизненная необходимость. Потому что голос природы внутри все время настаивает: получи внимание взрослого или умрешь. Тут уж выбирать средства не приходится.

Того же происхождения привычка детей из детского дома по любому поводу громко кричать, закатывать истерики. Все просто: если у нянечки есть время подойти только к одному из десяти детей, она подойдет к тому, кто кричит громче всех. Кто не сумел обзавестись луженой глоткой, получает меньше внимания, значит больше отстает в развитии и имеет меньше шансов выжить. Оттуда же – такая особенность поведения детдомовцев, как «прилипчивость», то есть неестественная ласковость, когда ребенок готов залезть на колени к любой незнакомой женщине,

обнять ее, поцеловать, назвать мамой. Понятно: отчаявшись получить полноценную материнскую любовь, он решил добирать внимание взрослых количеством, что называется, с миру по нитке, а если его не дадут по своей воле, значит, надо выпросить, выманить, выбить.

Ребенок, оставшийся без матери, находится в крайней степени стресса, ему не просто одиноко или грустно – решается вопрос его жизни или смерти. Каждый день. Многим известны навязчивые действия, которые так пугают в детях, выросших в детском доме. Даже довольно взрослые дети – шести-восемь лет – сосут палец, и порой не один, а чуть ли не всю кисть засовывают в рот, часами раскачиваются из стороны в сторону, могут даже биться головой о спинку кровати. Все эти ритмические действия – замена материнскому укачиванию, тот способ, который изобретают дети, чтобы справиться с нестерпимой тревогой и успокоиться.

Общение ребенка со значимым взрослым – базовая потребность; ее лишение, депривация – это большая беда. Она не так бросается в глаза, как, например, жестокость по отношению к ребенку, но она разрушает детскую психику изнутри, оборачивается в будущем проблемами с развитием, самооценкой, способностью строить отношения, с волей к жизни и способностью преодолевать трудности. Во многих странах законом запрещено содержание в учреждении без родителей детей до 3 лет, и это очень правильно. Существование домов ребенка – это преступление всего общества перед детьми, сколько бы денег на них ни отпускали и как бы ни проверяли «условия жизни». Человеческому детенышу нужен свой взрослый – и никак иначе.

Что тут можно сделать? Прежде всего заниматься профилактикой ранних отказов от детей. Ведь настоящих матерей-кукушек, у которых необратимо сломана программа материнской заботы о ребенке, не так много, в основном от детей отказываются от безысходности, оттого, что женщине негде и не на что жить. Если она еще во время беременности получает помощь и поддержку, обычно у нее находится возможность самой растить ребенка. При этом деньги, необходимые для профилактики, в разы меньше тех, что будут потрачены на содержание ребенка в учреждении^[3].

Детям, которые все же остались без матери, лучше расти в малокомплектном учреждении, где за каждой няней закреплено не больше трех-четырёх детей, чтобы на каждого хватало времени и сил, а сами няни не менялись бы как в калейдоскопе. Но настоящим спасением может стать только семья. Чем раньше ребенок-сирота обретет семью, тем слабее будут последствия эмоциональной депривации, тем полнее он сможет

восстановиться для нормальной жизни. Буквально каждый день здесь имеет значение. К сожалению, сейчас даже специалисты часто не видят проблемы в том, что малыш еще неделю-другую, а то и месяц-два полежит в больнице, подождет в приюте решения инстанций, определения статуса и т. п. Пока он находится в учреждении, формируются все новые и новые психологические проблемы, которые придется потом решать приемным родителям^[4].

Последствия депривации все же преодолимы. Дети очень хотят жить и расти, поэтому они используют любой шанс, подаренный судьбой. После устройства в семью даже младенцы каким-то образом чувствуют, что «жизнь налаживается», и делают невероятный скачок в росте и развитии. Но пережитый стресс еще долго дает о себе знать, иногда на реабилитацию уходят годы.

Вспоминаю рассказ знакомой усыновительницы: четырехмесячная дочка после того, как ее забрали из дома ребенка, спала, почти не просыпаясь, неделю. Родители перепугались, вызвали врача. А девочка просто хотела «заспать» пережитый кошмар. Каким-то чудом поняв, что теперь находится в безопасности, она сделала самое лучшее, чтобы поскорее восстановиться. Другая мама рассказывала, как ее «новенький» трехлетний сын первые месяцы в семье все время пел – так его переполняла радость. Многие дети часами сидят в ванне, словно стараясь «отмокнуть» от пережитого одиночества и холода. Кто-то вцепляется в новых родителей и несколько недель, а то и месяцев висит на них, как обезьянка, стараясь добрать тепла и защищенности. А кому-то, наоборот, страшно довериться и привязаться, и проходят месяцы, прежде чем ребенок доверчиво обмякнет в качающих его руках. Как именно будет преодолевать последствия депривации конкретный ребенок и сколько времени это потребует, заранее сказать невозможно. Но то, что приемным родителям нужны будут силы, терпение и большой запас сочувствия, – это совершенно точно.

Как трава при дороге: пренебрежение

Что нужно уметь человеку, чтобы нормально жить? Спектр необходимых умений поистине огромен: от профессиональных знаний до навыков самообслуживания, от умения пользоваться бытовой техникой до знания правил дорожного движения. Мы не задумываемся об этом, пока у нас не появляются дети. И тогда мы замечаем, как много нужно потратить сил и времени, чтобы ребенок усвоил простейшие вещи: что нельзя выбегать на проезжую часть, что перед едой надо мыть руки, а если все разбросать, потом ничего не найдешь, да еще наступишь на что-нибудь и сломаешь. Мы объясняем, показываем, ругаем – много лет, пока для ребенка все это тоже станет очевидным. При этом нам кажется, что главное – как раз объяснять и показывать (ну и ругать, куда же без этого). На самом деле вес наших осознанных «педагогических усилий» в деле воспитания ничтожно мал. Ребенка готовят к жизни не столько наши объяснения, сколько сам семейный уклад. Сам факт, что есть место, где спят, и место, где обедают, что есть время, когда пора спать, и время, когда все садятся за стол, что обычно в доме есть еда, что одежда должна быть чистой, что, придя с улицы, нужно снять куртку и обувь, а выходя из дома – одеться по погоде. Члены семьи знают, кто где находится, и волнуются, если один из них задерживается, не предупредив. Когда кто-то заболевает, остальные о нем заботятся. Если кому-то плохо, другие стараются ему помочь. Все это образует среду обитания, которая существует благодаря постоянным усилиям членов семьи и делает жизнь удобной, предсказуемой, а порой и приятной.

Год за годом наблюдая хитрую механику семейного уклада, принимая в ней посильное участие, сталкиваясь с последствиями нарушения правил (не помыли вовремя посуду – нет ни одной чистой тарелки, не вывели гулять щенка – лужа на полу и т. п.), ребенок сам учится обустроить среду обитания, делая свою будущую жизнь удобной, предсказуемой, а порой и приятной. Для кого-то свой дом – это крепость, для другого – гнездо или теплая норка, но главное – чтобы он был местом, где можно восстановить силы, привести в порядок и тело, и мысли, и душу.

Именно этого умения катастрофически не хватает выпускникам детских домов. Даже если они получают от государства квартиру и денежное пособие, даже если у них есть профессия, они часто не справляются с жизнью, потому что не создали свою среду обитания, свое

место для восстановления сил. А сделать свой дом таким местом они не умеют, ведь это целое искусство, его с ходу не освоишь. Домашний ребенок, заселяясь в студенческое общежитие, тащит с собой любимый плед, любимую чашку, а порой и плюшевую игрушку. Он быстренько обживает и обустраивает свой угол, придумывает, как переставить кровать и где повесить постер. Он знает, что быстро высушить белье можно на батарее, а чашку от следов чая отмыть содой. Он знает, что при простуде надо выпить чаю с медом и залезть под одеяло. Детдомовский ребенок может месяцами жить в квартире с невымытыми окнами, без занавесок, без абажура и даже не замечать этого. Может подолгу не обращать внимания на недомогание, температуру и даже сильную боль. Может поменять электроплиту на плеер – а зачем нужна плита, если можно бутерброды сделать? Может оставить в своей квартире незнакомых людей и уйти гулять – а что такого? Он приходит в пустой, неудобный, грязный дом, и ему здесь плохо, тоскливо, одиноко. Он зовет с улицы первых попавшихся людей, чтобы не быть одному, они, естественно, предлагают выпить... Развитие сюжета предсказать несложно.

Нормальный семейный уклад – это то, чего в первую очередь лишается ребенок в неблагополучной семье, в условиях пренебрежения. Скорее всего, родители пьют. Может быть, устраивают попойки дома, приводя множество непонятных, пьяных, порой агрессивных людей. Возможно, мать надолго оставляет ребенка одного или после запоя целыми днями лежит без сил, не обращая ни на кого внимания (нередко и ребенку дает выпить, чтобы спал и не мешал). К ребенку могут подойти, когда он плачет, а могут и не подойти. Иногда покормят, иногда забывают. То разговаривают ласково, играют, целуют, то орут или не обращают внимания. Один пьяный гость дал конфету, другой – подзатыльник. Вчера папа ругал за «двойку», объяснял задачу, а сегодня лежит пьяный и отмахивается от сына. Вчера мама была веселая, добрая, колбасой кормила, а сегодня утром злая, матерится и говорит, что хочет сдохнуть. Сдохнуть – это значит умереть? Зачем она хочет умереть? А со мной что будет? Очень страшно и непонятно.

Если состояние ребенка, оставленного матерью, можно описать как одиночество, ужас, отчаяние, то состояние ребенка в условиях пренебрежения точнее всего передают именно эти слова: непонятно, непредсказуемо, ненадежно.

Пренебрежение, как и частые разлуки с матерью в раннем детстве, формирует у ребенка непрочную привязанность. Теория привязанности была впервые сформулирована английским психологом Джоном Боулби,

который изучал поведение и состояние детей, оказавшихся в приюте. Чувство привязанности формируется в первые два года жизни ребенка. Какой она будет – прочной или нет, зависит от того, насколько надежна его мать, насколько он может быть уверен в ее присутствии рядом, в ее помощи в трудную минуту. Ведь для младенца чувство голода – это очень, очень трудная минута, у него нет жизненного опыта, он чувствует голод как прямую угрозу жизни; и должна много-много раз повториться цепочка действий: голод – крик – мама – молоко – жизнь налаживается! – пока он не усвоит твердо, что умереть с голоду ему точно не дадут. И тогда годам к двум ребенок может уже подождать, пока мама варит кашу, даже если чувствует голод. Потому что уверен – с мамой не пропадешь!

Если же эта вера не может сформироваться, потому что мама то есть, то где-то ходит, то кормит, то нет, то и привязанность формируется соответствующая. Многочисленные исследования показывают, что качество детской привязанности влияет на будущую жизнь человека, определяет его устойчивость к стрессам, отношения с супругом и детьми, желание работать и добиваться успеха.

Некоторые последствия родительского пренебрежения сразу бросаются в глаза: ребенок худой, низкорослый, с плохим состоянием кожи, волос, зубов. Он может не уметь пользоваться туалетом, столовыми приборами. Одна патронатная мама рассказывала, что четырехлетний мальчик в первую ночь в новом доме никак не мог заснуть – он никогда раньше не спал на кровати. Когда ему разрешили перейти на стул, он сжался там в комочек и наконец успокоился – видимо, так он привык спать в кровной семье. Много раз приходилось слышать о детях, которые первое время в приемной семье ели только хлеб, откусывая прямо от батона, и пили воду из-под крана. Другой еды они просто не знали. Но это, конечно, случаи крайне тяжелого пренебрежения, переходящего в жестокое обращение.

Как раз эти пугающие последствия неблагополучия очень быстро компенсируются после попадания ребенка в хорошие условия, особенно в приемную семью. Он набирает рост, вес, на щеках появляется румянец, волосы становятся густыми и блестящими, у него проходят хронические болезни. А уж оценить, что мамины блинчики и котлеты вкуснее воды с хлебом, – с этим все справляются максимум за пару месяцев.

Но есть другие, не столь бросающиеся в глаза признаки родительского пренебрежения, преодолеть которые не так просто. Прежде всего это неспособность позаботиться о себе.

Мы уже говорили о законе сохранения заботы – из ничего

способность заботиться о себе и о других не возникает. Если забота, которую получает ребенок, непоследовательная, недостаточная, от случая к случаю («лишь бы не орал»), он точно так же будет потом относиться к самому себе, к своему здоровью, своему развитию, своему будущему. У ребенка оказывается повреждена «система навигации по жизни», которая есть у каждого из нас и которая в минуты ответственного выбора подсказывает: «Так для тебя будет лучше, а этого берегись, как огня». Именно эта система позволяет избегать разрушающих отношений и опасных ситуаций, сигнализирует о том, что надо вовремя обратиться к врачу или отказаться от вредных привычек. Чтобы внутренний «навигатор» работал, необходим опыт жизни в такой системе координат, где «так будет лучше для ребенка» – важнейшее направление. Если в семье так никто никогда не считал, то и сам ребенок так считать не будет. Он к самому себе будет относиться как к недоразумению, досадной помехе, источнику проблем или как к чему-то, вообще не имеющему никакого значения. Это может проявляться по-разному – от искреннего непонимания, зачем нужно каждый день мыться и ходить в школу, до готовности подчиняться «авторитету» в воровской шайке и взять на себя чужие преступления.

У людей, переживших в детстве отвержение или пренебрежение родителей, часто преобладают негативные чувства. Когда на приеме у психолога их просят нарисовать карту своих чувств, весь лист оказывается раскрашенным фиолетовыми, черными, серыми, коричневыми пятнами тоски, вины, тревоги, отчаяния. Среди них полыхает багровое пятно злости, ядовито-желтое – обиды. И только где-то по углам могут оставаться светлые, яркие островки радости, любви, интереса, душевного подъема. Это и становится причиной, по которой они часто скатываются на дно жизни, – при любых неурядицах, от которых никто не застрахован, они оказываются неспособными утешить и подбодрить самих себя. Им просто не досталось в наследство от родителей широко известных способов повышения настроения: приготовить себе что-нибудь вкусненькое, купить приятную мелочь, залезть в теплую ванну, поваляться на диване с книгой, переставить мебель. В ситуации стресса им приходит на ум только одно – налить, выпить, забыться.

Для маленького ребенка важнейшая составляющая заботы – создание предсказуемого, понятного, знакомого мира вокруг. Не случайно дети так любят ритуалы. Им важно знать, что, когда и в какой последовательности будет происходить. Сначала я смотрю «Спокойной ночи, малыши», потом иду купаться, потом надеваю пижаму, мама приносит мне молоко, я обнимаю мишку, мама меня укрывает и целует. Все хорошо, все как всегда,

можно спать. Но если вдруг мишка куда-то задевался или мама говорит по телефону и все никак не идет целовать – караул. Ребенок не может заснуть, крутится, плачет, мается. Это не капризы – ему действительно плохо. Умные родители знают, что стыдить и увещевать бесполезно – проще включить свет, объявить семейный аврал и найти-таки мишку.

Такая приверженность к порядку для маленького ребенка – способ справиться с тревогой. Ведь он и правда совсем маленький, а мир такой сложный, каждый день происходит столько нового, и хоть что-то должно быть неизменным. Тогда можно, опираясь на эти островки покоя и предсказуемости, двигаться дальше, рисковать, пробовать, развиваться. Чем больше в данный период жизни ребенка происходит изменений (пошел в детский сад, переехали на новую квартиру, родился братик и т. п.), тем важнее сохранять неизменным то, что можно.

Отсутствие порядка и чувства защищенности – именно это отличает пренебрегающих родителей от просто занятых. Не в том дело, что с ребенком недостаточно занимаются, не читают ему книг и не собирают с ним конструктор. Немало выдающихся людей рассказывали, что в детстве были предоставлены сами себе, носились по полям и оврагам и никто их специально не развивал и не воспитывал. Но при всей вольнице жизнь их была понятна и предсказуема: вечером дома ждал ужин и постель, в доме существовали правила и традиции, в случае болезни или трудностей взрослые приходили на помощь, а окружающая среда давала достаточно материала для размышлений, фантазий, экспериментов. Дети же в неблагополучных семьях часто, напротив, лишены новых впечатлений, их не выпускают на улицу, а дома – только грязные стены и бормочущий телевизор (сейчас он есть даже в тех домах, где нет простыней и холодильника).

И даже временная нестабильность и «жизнь вверх дном», от которых не застрахована ни одна семья, – хоть и тяжелое испытание, но вовсе не обязательно обрекает ребенка на тяжелые проблемы. Принципиально важно психологическое состояние родителей. Немало детей беженцев, вынужденных переселенцев, по воле обстоятельств оказавшихся в бедственном положении, выходили из этих передряг без особых душевных травм, потому что их родители не теряли присутствия духа и хоть в бараке, хоть в палатке, хоть в вагоне поезда пытались создать для ребенка уголок защищенности, домашнего уюта.

Трагедия детей из неблагополучных семей не в том, что нет простыней или горячего супа. Их родители не справляются с жизнью. Они чувствуют, что все не так, но ничего не могут изменить. Они забываются на

время, когда выпьют, их настроение меняется от безнадежности к раздражению, то они «начинают новую жизнь», то опять опускают руки. Ударяются в безудержное веселье, которое может смениться черной злобой на всех вокруг, на себя, на ребенка. Эта чересполосица чувств, настроений, состояний сбивает ребенка с толку. Все его силы уходят на то, чтобы предугадать поступки родителя: что он сделает в следующую минуту – ударит? погладит? уйдет? заплачет? И что я сам должен делать – спрятаться? помочь? заплакать? пожалеть? Ему уже не до развития, не до детской любознательности, не до игр и сказок. Тут бы хоть что-то успеть сообразить.

Некоторые справляются, и у них развиваются шокирующие в маленьком ребенке «прожженность», хитрость, умение манипулировать, добывать свое – мытьем или катаньем. Наверное, многие видели маленьких попрошаек, которые ангельским голоском просят «на хлебушек», но если вместо денег дать им булку, они, злобно ругаясь, бросят ее в грязь. И тут же снова – с умильной мордашкой – протягивают руку к следующему человеку. Подобное отношение к миру, к людям не позволяет завязывать доверительные отношения с кем бы то ни было. Ведь такому человеку не нужно, чтобы его любили, ему верили, им дорожили, – главное, чтобы окружающие делали то, что ему требуется. Такое грубое искажение человеческой природы возникает только в крайних обстоятельствах: либо у детей, которые годами живут впроголодь, либо когда к пренебрежению добавляется использование ребенка, например для сбора милостыни, а если он не приносит денег, его ждут побои.

Другие дети, отчаявшись предсказать настроение и поведение родителей (даже опытный психиатр не всегда способен предугадать, что сделает человек в алкогольном психозе), впадают в ступор, замирают, вообще отказываются участвовать в происходящем, «выключаются». В их ситуации это самое разумное – сидеть тихо, забиться в угол, чтобы не попасться под пьяную руку. А чтобы не было так страшно, надо еще отключить чувства и мысли. Таким детям часто ставят диагноз «умственная отсталость» – потому что они в совершенстве осваивают искусство впадать в полубессознательное состояние и находиться в нем сколь угодно долго, глядя перед собой туманным взором и открыв рот. Не всякая комиссия станет тратить время на то, чтобы ребенка успокоить, разговорить и отличить привычный ступор от настоящей умственной отсталости.

Есть дети, которые, поняв, что положиться на родителей нельзя, начинают сами о них заботиться. Они уговаривают маму перестать пить,

находят под забором папу и тащат домой, кормят и укладывают младших братьев и сестер. Иногда они побеждают, и их усилиями семья как-то справляется с трудностями. Таким образом, ребенок растет дома, пусть и не в идеальных условиях. Очень часто ситуация ухудшается и детей в конце концов забирают из семьи. В детском учреждении такие дети, побывавшие в роли родителей, на первых порах ведут себя как очень разумные, взрослые и все понимающие. Но проходит время, и законы развития берут свое. Кусок детства, от которого им пришлось добровольно отказаться в свое время, все равно должен быть прожит. И вот в подростковом, юношеском возрасте этот «должок» вдруг заявляет о себе. Почти взрослый ребенок вдруг начинает капризничать, закатывать истерики, демонстрирует полную безответственность, злобно дерется с тем самым младшим братом, которого самоотверженно вынянчил, иногда перестает ухаживать за собой – мыться, причесываться. Он словно сообщает окружающим: все, караул устал, я смену сдал, теперь я снова маленький, а быть большими и сознательными – ваша очередь! Только вот окружающие часто бывают в шоке от такой перемены, и им трудно начать заботиться об «этой дылде» как о маленьком ребенке. А ведь это единственное, что ему сейчас нужно, – восстановить баланс, вернуться в свой нормальный возраст.

К сожалению, от пренебрежения страдают не только дети в неблагополучных семьях, но и дети в учреждениях, даже в самых образцовых. Потому что качественная забота всегда индивидуальна, она постоянно сверяет себя с потребностями конкретного, живого ребенка. А забота «по расписанию», «по утвержденному регламенту», сколь бы этот регламент ни был научно обоснован, для конкретного ребенка оборачивается равнодушием, пренебрежением, а то и жестокостью, когда его, например, насильно кормят или «по расписанию» высаживают на горшок, не вникая, что же нужно именно сейчас именно ему.

Пренебрежение к себе, неприспособленность к нормальной жизни, низкая самооценка, низкий уровень притязаний («я не важен, от меня ничего не зависит») – вот наследство, которое получают дети, выросшие в таких условиях. Они не умеют уговорить себя сделать то, что не хочется, планировать свое время, уметь отдыхать, утешаться после неудач. Поэтому эти дети часто плохо учатся, даже имея нормальные способности.

Тот, кто не способен позаботиться о себе, и о других тоже полноценно заботиться не сможет: ни о домашнем животном, ни о собственных детях. Вернее, забота эта будет носить такой же импульсивный, «рваный» характер, какой получал он в детстве. Сегодня – люблю безумно, завтра –

отстань, надоел, уйди, чтобы я тебя не видел. Отсюда грустное явление, знакомое многим сотрудникам детских учреждений, – сиротские «династии», когда в одном и том же детском доме растут дети, а потом и внуки бывших воспитанников.

Как-то мы спросили французских коллег, устраивающих детей в семьи, что они считают показателем качества своей работы. Оказывается, ни у одного (!) из их бывших подопечных, выросших в приемных семьях, дети не были изъяты из-за пренебрежения. Так что, помогая ребенку с тяжелым прошлым полюбить себя, поверить в свою ценность, научиться заботиться о себе, приемные родители помогают на самом деле сразу многим детям – всем его потомкам на много поколений вперед! И это стоит всех затраченных сил.

Кошмар наяву: жестокое обращение

Один из самых пугающих сюжетов в фильмах ужасов: герой бежит от монстра, из последних сил отбивается, пытается скрыться. Вдруг – какое счастье! – он видит кого-то из родных или друзей, бросается навстречу. Сейчас ему помогут, вместе уже нестрашно, он почти спасен... И тут родное лицо начинает на глазах меняться, в его чертах проступают черты монстра... Когда мы, взрослые люди, видим подобные кадры, сидя на безопасном диване, нас прошибает холодный пот. Невозможно представить себе, что чувствует ребенок, если в монстра – реального, а не киношного – превращается тот, кто должен спасать, защищать, утешать, то есть мама или папа. Как с этим быть? На что после такого надеяться? Где взять силы жить дальше?

Жестокое обращение со стороны ближайших родственников и/или их собутыльников, а порой и со стороны персонала или старших воспитанников учреждений – это то, с чем сталкивается подавляющее большинство детей из детских домов. Это и «заурядные» побои, и особо изощренные издевательства, и переломанные кости, и сексуальное насилие. Говоря об этом, трудно не попасть под власть эмоций, но ни ужасом, ни гневом, ни жалостью детям не поможешь. Пусть наказанием виновных занимаются суды, прекращением совершающегося насилия – полиция, а профилактикой – органы опеки и попечительства. Задача приемных родителей – помочь ребенку, уже пережившему насилие, восстановиться. Важно знать, как проявляются последствия жестокого обращения и что следует делать.

При нормальном детстве семья, дом, родители вызывают у ребенка чувство безопасности, защищенности. Мама и папа – большие и сильные, они всегда знают, что делать, они все умеют, они защитят от саблезубого тигра, от Бабы-яги, от страшного сна; они помогут, когда болит живот, когда не можешь решить задачу, когда поссорился с лучшим другом. Хотя и такие добрые родители могут превратиться в «злых» и начинают кричать, ругаться, наказывать. Для ребенка, особенно маленького, это превращение происходит совершенно неожиданно и, с его точки зрения, без всякой причины.

Вот он крутится, сидя за столом, хватается что-то: раз, другой, третий. Мама делает замечание, сначала ласково, потом строже, потом пытается отвлечь. Все это еще «по эту сторону черты», где мама добрая. Вдруг

ребенок делает неловкое движение – и на пол летит тарелка с манной кашей. Кухня заляпана кашей, если не вымыть сразу – присохнет; на полу – осколки вперемежку с кашей – можно пораниться; ребенок остался без завтрака, а через 15 минут выходить из дома – все эти соображения стремительно проносятся в голове у мамы. Она, ясное дело, кричит на ребенка, а то и по рукам даст, затрещину отвесит – то есть дает выход вполне обоснованной (с ее точки зрения) злости. Вот только ребенку не под силу столь быстро оценить последствия и масштаб того, что случилось. Для него мамин эмоциональный взрыв пугающе непредсказуем, просто внезапно мама оказывается «по ту сторону», превращаясь из доброй в злую и опасную.

Подобные метаморфозы отражены в детских сказках в образе злой мачехи – ну не родная же мать ребенка так ненавидит, что готова в лес на съедение волкам отправить! Папа, соответственно, предстает там жутким людоедом – в это легко поверить, глядя, как огромный мужик, рыча и топая ногами, с глазами, налившимися кровью, тащит за шиворот ребенка, на ходу расстегивая ремень. Но в сказках, как известно, всегда счастливый конец. Появляется добрая фея (другой материнский образ – добрый), добрый волшебник или король (мудрый отец) либо сам герой как-то выкручивается из ситуации и сбегает от злого людоеда к добрым родителям (читай: находит способ помириться, может, переждать, может, подлизаться или как-то иначе заслужить прощение).

Так сказки позволяют ребенку освоиться со вспышками родительского недовольства, помогают поверить, что они пройдут, а по-настоящему ему ничего не угрожает: ну накричали, ну отшлепали, но потом простили, обняли, утешили. Его все равно любят, а значит, жизнь наладится. Со временем он учится прогнозировать, когда родители рассердятся, и находит способы поведения, помогающие пережить эти неприятные моменты, причем хорошо знает, с кем и как себя вести. Главное, его опыт подсказывает: как бы страшно ни было, когда кричат и топают, какие бы слова ни произносились («я тебе голову оторву», «я с тебя шкуру спущу»), на самом деле ничего такого не происходит и безопасность ребенка родители – даже в гневе – гарантируют.

Конечно, есть немало родителей, которые переходят грань нормального воспитательного воздействия, это серьезная проблема нашего общества – терпимое отношение к насилию в семье, в том числе над детьми. И все же если ребенок получает в семье не только суровые наказания, но и заботу, внимание, любовь, у него все равно будет достаточно сил, чтобы пережить детские обиду и боль и вырасти

достаточно внутренне благополучным человеком.

Когда речь идет о жестоком обращении, обычно имеют в виду насилие, которое ничем не ограничено, не имеет прогнозируемой логики и может быть вообще не связано с наказанием за проступки – просто он под руку подвернулся. При этом ребенок понимает: ему грозит реальная опасность, его могут серьезно травмировать, причинить очень сильную боль и даже убить, и тут не спасут ни крики и жалобы, ни вид крови, спасения нет, никакие хитрости и уловки не помогут. Ребенок сталкивается с настоящим, совсем не сказочным монстром, и тем ужаснее, если этот монстр – его отец, если нападение происходит на глазах у матери, которая ничего не делает, чтобы ребенка защитить. При этом часто акты насилия – единственные эпизоды в жизни ребенка, когда он оказывается в центре внимания родителей. Помните о программе, которая требует «добейся внимания – любой ценой»? Здесь ценой оказываются боль, страх и опасность для жизни. Парадокс в том, что, с точки зрения ребенка, такое «внимание» лучше, чем никакого. Лучше быть избитым, чем брошенным.

Так в душе ребенка любовь оказывается прочно склеена с болью, страхом, ненавистью. Формируется амбивалентная привязанность, единое чувство «люблю-ненавижу», которое потом проявляется в любых отношениях, в которые вступает ребенок. Для него формула «бьет – значит любит» лишена иронии и непосредственно описывает его понимание любви. У ребенка душа в буквальном смысле разрывается надвое. Инстинкт самосохранения подсказывает ему, что от этих людей надо держаться подальше, а потребность в привязанности заставляет снова и снова искать их внимания. На этих мучительных эмоциональных качелях проходит его детство – год за годом. Осознать, что собственный родитель может быть опаснее дикого зверя, ребенок не может. И он защищается от душевной и физической боли, погружаясь в отупение и бесчувственность.

Такие дети поражают неподготовленного человека. Упал, расшибся в кровь, и смеется: «Мне не больно!» Его ругают – он либо ухмыляется, либо делает вид, что не слышит и не понимает. Или наоборот – от любого пустяка у него истерика, слезы, ребенок сворачивается на полу в комочек и кричит (значит, кто-то все же реагировал на слезы и плач и иногда защищал).

Естественно, очень страдает интеллектуальное развитие таких детей. А вы смогли бы решать уравнения, живя в одной квартире с разъяренным тигром? Страх настолько пропитывает личность ребенка, что парализует все его способности. Все силы его души уходят на то, чтобы каждую минуту преодолевать ужас перед жизнью. В результате ребенок, абсолютно

здоровый с рождения, может получить серьезный дефектологический диагноз, когда после нескольких лет жизни в условиях жестокого обращения оказывается в поле зрения специалистов.

Но изъятием из семьи его проблемы не заканчиваются. Когда непосредственная опасность для жизни исчезает, через какое-то время начинает отпускать и «анестезия» спасительного отупения, а ведь под ней – душевная рана. Даже если полученные синяки и ссадины (а бывает, и переломы, и ожоги; мне встречалась девочка, которую в четыре года родители выбросили из окна) зажили без следа, психотравма остается, и ребенок начинает неосознанно воспроизводить ситуацию травмы, провоцируя взрослых, раздражая их и вынуждая «дать хорошенько». Потому что именно так он почувствует, что о нем помнят, что он важен, что его любят.

Обычно специалисты предупреждают семью, которая берет ребенка, пережившего насилие: «Учтите, он будет вас провоцировать, чтобы вы его пбили». «Ну что вы, – говорят будущие приемные родители, – мы своих вырастили, никогда пальцем не тронули, как же можно бить ребенка, который столько пережил». «Хорошо, если что – не стесняйтесь, звоните», – отвечают специалисты и ждут звонка. В подавляющем большинстве случаев дожидаются, и следует такой примерно монолог: «Я не узнаю себя! Ребенок достает так, что хочется его просто убить, размазать по стенке. У меня никогда такого не было!» – «А что именно он делает?» – «Я не знаю толком, но он мастерски, раз за разом бьет по самому больному, методично выводит из себя. Как только у него получается?»

У него – получается. Жизнь в условиях постоянного напряжения невероятно обостряет способность считывать нюансы настроения взрослых. Через неделю общения ребенок с опытом жестокого обращения уже точно знает все ваши «больные мозоли» и постоянно на них наступает. Зачем? А затем, что только в те моменты, когда вы хотите «размазать его по стенке», он абсолютно уверен, что вы его видите, слышите, что он не один на свете. Жуткая, ненормальная логика – но это именно логика, а не бред.

Бывает, что ребенок начинает воспроизводить ситуацию насилия с позиции не жертвы, а насильника: отрывает куклам ноги и головы, жестоко обращается с животными (причем побои перемежаются с приступами нежности), обижает сверстников и младших детей и даже на взрослых может набрасываться с кулаками, кусаться, пинать ногами. В такие моменты ребенок неосознанно старается овладеть ситуацией, занять позицию сильного. Здесь очень важны твердость и спокойствие взрослого,

чтобы наконец переиграть страшную сказку на новый лад. Должен появиться «мудрый король» – родитель, который окажется сильнее монстра. Тот, кто сможет провести черту между ребенком и монстром внутри него, разъединить их, и, осуждая агрессивное поведение, быть заодно с самим ребенком. Ведь как бы он ни хорохорился, это именно то, что ему нужно: убедиться, что я сам – это одно, а монстр, ярость, злость, желание драться – другое и это другое никого особо не пугает. С ним может справиться взрослый, а значит, смогу со временем и я.

Такие же проявления могут быть у ребенка, который был не жертвой, а свидетелем насилия. Например, при нем жестоко избивали мать, братьев или сестер, было совершено убийство. Иногда в подобных случаях травма оказывается даже более глубокой, потому что когда преследуют тебя, ты можешь убежать, защищаться, прятаться, отбиваться и в активном действии частично преодолевать ужас. Ребенок, вынужденный наблюдать мучения близких, может страдать от чувства вины, бессилия, отчаяния, и стоит больших трудов вернуть его в состояние душевного равновесия.

Должны пройти годы жизни в любви и заботе, пока ребенок, переживший жестокое обращение, сможет открыть для себя другой лик любви, любви без боли и страха, любви бережной, заботливой, надежной. Ему это непросто – решиться поверить в такую любовь. Непросто и взрослым, которые оказываются рядом, ведь ребенок буквально вынуждает их обнаружить монстра в самих себе. Пытаясь справиться с собой, они часто уходят в другую комнату или вообще из дома, подкрепляя в душе ребенка связь: или бьет – и не бросает, или не бьет – и оставляет меня. Я обычно советую в таких ситуациях прямо говорить ребенку: «Я вижу, ты хочешь, чтобы я тебя ударил. Я и правда очень на тебя злюсь. Но я не бью детей, это мое правило. Давай лучше успокоимся и поговорим».

Главное – каждый раз заменять негативное внимание на позитивное. Может быть, удивлять, обескураживать – вдруг в разгар ссоры обнять, прижать к себе, затормозить или придумать смешное наказание – кто плохо вел себя за столом, кукарекает десять раз. Все это ломает патологическую связь «любовь – ненависть» и дает шанс сформироваться новой позитивной картине мира.

К счастью, не все дети в детских домах были жертвами действительно жесткого обращения, их лишь некоторый процент. Однако такая вероятность есть всегда, даже если воспитателям или опеке неизвестно об этих фактах, так что приемному родителю нужно быть готовым и к провокациям, и к агрессии – а если обойдется без этого, то порадоваться за ребенка и за себя.

Рухнувший мир: потеря родителей

Если ребенок оказался в приемной семье, значит, он лишился своей собственной. Возможно, его изъяли у родителей, которые не могли о нем заботиться, а может быть, его родные умерли. Так или иначе, он пережил и переживает потерю семьи, потерю родителей.

В нашей культуре принято недооценивать детское горе: «Маленький, что он понимает... Скоро забудет. Да вон он уже смеется». Если ребенок потерял родителей в первые годы жизни, кажется, что он вообще не осознает факта потери. Когда-то я была поражена мыслью, которую высказала моя коллега, детский психолог Мария Капилина: «Считается, что самое ужасное, что может произойти с человеком, – это потеря ребенка. На самом деле потеря родителя для ребенка гораздо страшнее. Ведь даже самый любимый ребенок – это только часть нашей жизни, а родитель для маленького ребенка – весь его мир». Причем для ребенка до 7–8 лет нет принципиальной разницы, умерли его родители или его у них забрали.

Детское горе внешне может выглядеть не так, как горе взрослого человека. Оно маскируется под видом «странностей» поведения, а порой под гиперпослушностью и «правильностью». Вспомним замечательный фильм «Мачеха», где героиня Татьяны Дорониной помогает приемной дочери Свете пережить смерть родной матери. Доронина играет женщину невероятной душевной чуткости, которая если и не понимает, то чувствует, что происходит с ребенком, и действует очень точно и правильно. Но всем остальным, включая родного отца, Света кажется просто «ненормальной», «неблагодарной». Если бы девочка часами рыдала над портретом матери, показывая, что она горюет, ее бы поняли и пожалели. Но она сдержанна, послушна, просто все время молчит и ничему не радуется. Она избегает сверстников, развлечений, зато охотно помогает ухаживать за малышкой, делает что-то по дому. Ни о чем не просит, ни на что не жалуется, старается остаться одна, часами что-то перебирает в своей сумочке. Только покушение на фотографию матери вызывает у Светы взрыв чувств. Проходит год, прежде чем ребенок начинает проявлять к чему-то интерес, открывается для новых привязанностей. Не знаю, кто консультировал создателей фильма, но картина детского горя в нем показана очень точно.

Посмотрим на происходящее глазами ребенка. Света жила вдвоем с мамой очень замкнуто, других близких людей у нее не было. Мама умирает

внезапно, ничего не объяснив, не подготовив дочь к тому, что будет потом. Свете хотелось остаться в своем доме, рядом с хорошо знакомыми соседями, но приезжают чужие люди и девочку увозят в другое место, в многолюдный, шумный дом, с маленькими детьми, полный незнакомых людей. Они чего-то от нее хотят, теребят ее, предлагают померить какие-то вещи, суют в руки игрушки, говорят что-то бодрыми голосами, спрашивают, нравится ли ей... А ребенок пребывает в состоянии шока. Мир рухнул. Света лишилась сразу и мамы, и дома, и привычных вещей, и образа жизни, и окружения. Не в состоянии сопротивляться, не в силах ни о чем просить, она как бы внутренне замирает. Пытаясь сохранить что-то неизменным – хотя бы внутри себя, она обрубаёт внешние контакты: отвечает односложно, не смотрит в глаза, никогда не начинает разговор первой, старается забиться в угол, сидеть неподвижно, стать как можно более незаметной.

Когда человек переживает потерю, его мир необратимо меняется, все приходит в состояние хаоса. Нужно время, чтобы восстановить свой мир, что-то заменить, что-то отстроить заново, что-то расставить по местам. Это и есть процесс горевания. Горе – это не просто чувство, горе – это большая работа. Она требует всех душевных сил человека. Не случайно во многих культурах траур обязательно содержит в себе отказ от повседневных обязанностей, от излишнего общения, предусматривает возможность отрешиться от всего и сосредоточиться на своем переживании. У нас же принято горюющего человека отвлекать, теребить, всячески давая ему понять, чтобы он «поскорее заканчивал со всем этим». В результате работа горя остается недоделанной до конца, утрату не удастся полностью оплакать и осмыслить, и душевная боль мучит потом человека годами.

Ребенок, переживающий потерю, часто становится более замкнутым, молчаливым, в острых случаях даже наступает мутизм – полная потеря речи на нервной почве (этот сюжет довольно часто встречается в кино и литературе, можно вспомнить фильм «Патриот» или книгу «Два капитана»). Сам ребенок может не осознавать связи своего состояния с потерей. Он часто жалуется, что ему скучно, но на предложение чем-нибудь заняться отвечает «неохота». Самым предпочитаемым обществом становятся для него маленькие дети (еще не умеющие говорить), очень старые люди, домашние животные. Их преимущества в том, что они «не пристают», но при этом избавляют от одиночества, с ними можно просто посидеть рядом, прикоснуться, поухаживать без риска вторжения в свой внутренний мир. В фильме Света готова часами качать в коляске младшую девочку, что вызывает кривотолки соседей.

Часто дети в состоянии горя подолгу выполняют однообразные действия – расставляют рядами игрушки, раскладывают по коробкам карандаши или пуговицы. Они охотно соглашаются на самую рутинную работу, например чистят картошку (это как раз делает Света в фильме). Еще одно излюбленное их занятие – натягивать повсюду веревки и нитки, обматывая ножки мебели, связывая между собой разные предметы. Таким образом они пытаются как бы связать оборванные нити своей жизни, помочь внутреннему процессу наведения порядка и преодоления хаоса.

Выходя постепенно из стадии шока, ребенок может столкнуться с новыми аспектами горя. Один из них – гнев. Взрослые тоже испытывают гнев после потери, злясь на врачей, которые не сделали всего необходимого, на самих себя, что не предусмотрели, не спасли, на судьбу, на самого ушедшего – почему не был осторожен, почему не лечился, почему не подумал о нас. Ребенку признаться себе, что он злится на покинувшего его родителя, очень страшно. Это особенность детской психики – ребенок еще не осознает в полной мере границ между личностями и сознаниями разных людей. Малыш может зажмурить глаза с угрозой: «Я сейчас сделаю вам всем темно!» Ребенок постарше уверен, что, если он будет злиться на маму, она это сразу узнает и тогда «уж точно не придет».

Поэтому самому ребенку его злость кажется немотивированной, безадресной. Он может ни с того ни с сего, на фоне ровного настроения, вдруг пнуть ногой игрушку, стул или ударить кулаком по чему придется (в детских домах знают, как часто приходится латать или менять тонкие фанерные двери, почему-то именно им достается больше всего). «Из-за чего ты злишься?» – «Я не злюсь, просто достало все» (или «Сам не знаю, накатило»). Кроме вспышек ярости могут возникать дисфории – продолжительные периоды дискомфорта, раздражения непонятно на что и на все сразу. Ребенку может разонравиться привычная еда, его начинает раздражать («колоться», «душить», «натирать») одежда, мешают громкие звуки, сильные запахи.

Еще одна мучительная составляющая процесса переживания горя – ощущение вины. В этом отношении дети гораздо уязвимее взрослых именно из-за особенностей мышления, о которых только что шла речь. Для ребенка все, что происходит вокруг него, происходит **из-за него**. «Если мамы больше нет со мной – это из-за того, что я плохой. У хороших детей мамы не умирают». «Меня забрали у родителей, потому что я плохо себя вел. Если бы я слушался, папе не надо было бы меня бить и к нам не пришла бы полиция». «Если бы я не попросил у соседей поесть, никто не

узнал бы, что мама пьет, и меня не забрали бы». Вывод из всех этих ситуаций ребенок делает один: «Теперь маме (папе) плохо, они там одни, без еды (в полиции, в больнице), их обижают, а я тут в хороших условиях, конфеты ем. Я настоящий предатель». Это особенно сильно переживают дети, которые с малых лет выполняли опекающие, родительские функции и считают себя в ответе за взрослых.

Ребенок, ставший жертвой насилия со стороны собственных родителей, оказывается в самом сложном положении. Он злится на них – не может не злиться, ведь из-за них он испытал боль и страх. Но сразу вслед за волной злости приходит мучительная волна вины и ужаса, что теперь они потеряны навсегда – из-за него. В результате ребенок приходит в состояние крайнего стресса, у него появляются признаки аутоагрессии – гнева, направленного на самого себя. Он может до крови щипать и царапать себя, под корень сгрызать ногти, вырывать у себя волосы или «нечаянно» каждый день получать ушибы, ожоги, порезы; подростки могут всерьез думать о самоубийстве. Такие дети нуждаются в длительной реабилитации и в профессиональной психологической помощи, но даже после нее последствия травмы долго дают о себе знать.

Приступы гнева могут чередоваться с периодами «правильности», почти пугающей послушности. Ребенок вдруг начинает аккуратно складывать свои вещи, сам садится делать уроки, вызывается помочь по дому и т. д. Он словно надеется магическим образом «все исправить», стать «хорошим ребенком, у которого все хорошо». Кстати, из-за этого сотрудники детского дома не предупреждают приемных родителей о том, что ребенок «трудный». Просто в детском доме он вел себя тише воды, ниже травы, надеясь таким образом «все вернуть, как было». И только устройство в новую семью окончательно рушит эту его надежду, тут и проявляются все трудности в поведении, многократно усиленные стрессом.

Другой вариант «магического поведения» – ребенок намеренно делает свое положение как можно более ужасным. Он или чудовищно ведет себя, навлекая на свою голову все возможные кары, или тяжело заболевает (разом всеми хроническими заболеваниями, которые у него когда-либо были, присоединив к ним пару новых). Почему? Да потому что ребенком родители занимались в двух случаях: когда он очень плохо себя вел и его надо было наказать или когда сильно болел. Воспроизводя эти ситуации, ребенок надеется, что мама (папа) «поймет, что все совсем плохо, и наконец придет». Потому что, с точки зрения ребенка, родитель всемогущ – и если он не появляется, то не потому, что не может, а потому, что не

считает нужным.

Работа горя обычно завершается стадией нервного истощения. На все предшествующие переживания потрачено так много сил, что все чувства притупляются, ребенок прекращает попытки тем или иным способом вернуть утраченное. Он становится апатичен, вял, у него ни на что нет сил, явно снижаются способности к учебе, у него просто нет энергии, чтобы сосредоточиться, почувствовать интерес, постараться. Может наступить регрессия, то есть возврат в более младший возраст. Как будто ребенок разучился делать то, что давно умел, – аккуратно одеваться, самостоятельно есть, решать задачи. Его игры становятся очень примитивными, он легко сдается при малейшем затруднении, часто не может довести до конца начатое дело. Он предпочитает мрачные тона в рисунках, в одежде, его лицо словно теряет мимику.

При этом дети обладают невероятным запасом жизненных сил и способностью к адаптации, поэтому их горе не длится непрерывно, как у взрослых. Периоды горевания обычно сменяются просветами, когда ребенок, как ни в чем не бывало, веселится, играет, смотрит любимые мультики. Дети словно делают перерывы в работе горя, справляясь с ним «по кусочкам». Именно это дает повод взрослым сделать вывод о том, что «он уже все забыл». Но переживание горя после небольшой передышки вновь возвращается, порой в новом обличье, в новой «маске»: послушания или протеста, болезни или скуки.

Вспомним еще раз фильм «Мачеха». Героиня Дорониной чутьем выбирала правильную тактику помощи ребенку. Она старалась не приставать, но быть рядом. Она привлекла Свету к возне с малышкой и к простым домашним делам. Она открыто признала ее право горевать по матери, защитила от посягательства на ее память, помогла восстановить и увеличить портрет мамы. Она создавала для ребенка покой и уют, ни на чем не настаивая, просто предлагая небольшие радости: куклу, карандаши. Она исподволь давала понять, что жизнь не кончена, что у девочки есть отец, есть новая семья, будут друзья, будущее. Конечно, «мачехе» было нелегко. Если бы у нее была возможность проконсультироваться с психологом, он ей посоветовал бы взять из Светино дома побольше вещей, связанных с матерью, попросить прежних соседей иногда писать письма девочке, уделять больше внимания своему сыну, не ждать от девочки обращения «мама», а главное – не сомневаться в Светиной «нормальности», не переживать так сильно, а просто помогать ей и терпеливо ждать, когда девочка справится с горем. Но все и так хорошо закончилось. Ребенку, потерявшему семью, от окружающих нужны прежде

всего забота, терпение и ровная поддержка.

В среднем переживание горя длится от полугода до двух лет. Именно столько времени обычно уходит на улаживание формальностей с определением статуса ребенка, лишением родительских прав, на подбор новой семьи. То есть очень часто ребенок попадает в приемную семью и в новую школу как раз на одной из стадий переживания горя. Не случайно английские коллеги даже называют профессиональных приемных (у них – фостеровских) родителей «специалистами по потере». Это трудное, но такое человеческое умение – помогать ребенку пережить крушение мира и набраться сил, чтобы начать строить новые отношения.

Казенный дом: институциональное воспитание

Оставили ли ребенка в роддоме, умерли ли его родители, изъяли ли его из семьи, чтобы спасти от пренебрежения и жестокого обращения, но в итоге он оказывается в учреждении для детей-сирот: приюте, интернате, доме ребенка, детском доме. К сожалению, в России нет пока развитой системы устройства детей в замещающие семьи. А значит, не месяцы, а годы, а то и все детство ребенку предстоит провести в казенном доме. То есть стать детдомовцем.

К сожалению, это обрекает его не только на не самое счастливое детство. Выпускнику детского дома непросто найти себя в жизни, создать благополучную семью. Кто-то из них попадает в тюрьму, кто-то начинает пить, и в результате их дети, в свою очередь, тоже оказываются в детдоме. Почему так происходит?

Много лет ребенок проводит в казенном учреждении. С одной стороны, он чувствует себя обделенным по сравнению со своими благополучными, имеющими семью сверстниками. У него хуже игрушки, еда, одежда, у него нет своей комнаты, нет дома, а главное – нет родителей. С другой стороны, он обеспечен всем необходимым, причем все это появляется как будто само собой: еда в столовой, чистое белье в спальне, новое оконное стекло взамен разбитого. Откуда все это берется, что нужно сделать, чтобы оно появилось, ребенок не видит и не знает. Специальными инструкциями запрещено привлекать воспитанников к приготовлению пищи, уборке санузлов, стирке белья и т. п. Ребенок не имеет возможности отвечать за кого-то слабого, например за младшего брата или котенка.

Время от времени в учреждение приезжают люди, которые выгружают из машин подарки и сладости, устраивают развлечения. Детей приглашают на торжества и праздники, где их опять одаривают и угощают. В результате ребенок нередко приходит к выводу: «Я сирота, и поэтому мне все должны». Приходилось видеть, как дети брезгливо рассматривали подаренные шефами мобильники: «Это отстой, старая модель». Конечно, не везде дело обстоит так, до сих пор есть в глубинке забытые всеми детдома и особенно интернаты для детей-инвалидов, где нет элементарных вещей. Но, как ни парадоксально, вывод их воспитанники, скорее всего, сделают тот же: «У меня в детстве ничего не было, поэтому все мне задолжали». Годами копится обида на жизнь, на судьбу, растут ревность и зависть к более благополучным людям, легко перерастающие в агрессию.

Далее. Все в детском доме распределяется поровну, по нормам. У такого ребенка нет возможности, как у домашнего, наесться конфет именно сегодня, потому что как-то грустно. Ему дают конфету, но одну в день. А в детстве иногда так сильно чего-то хочется и именно сейчас! Очень хочется розовую тетрадку, а дали зеленую. Хочется необычную, модную майку, а дали какую есть. Как ребенку добыть желаемое? Либо выпросить, либо отнять, либо украсть. Не потому, что ребенок плохой, а потому, что по-другому его индивидуальные желания удовлетворены быть не могут. Нет в мире человека, который помнит, что он не любит пряники, а любит печенье или что ему не идет красный цвет, а от шерсти все тело чешется, – о тех мелочах, которые знают о своих детях родители и которые есть важная составляющая семейной заботы.

В учреждении ребенок постоянно живет в группе (иногда хочется сказать – в стае) сверстников. Взрослые приходят и уходят, а настоящая его «семья» – это ребята из одной группы. В результате ребенок не имеет возможности освоить роль... ребенка. При нормальном детстве роль ребенка в семье состоит в том, чтобы слушаться старших, обращаться к ним за помощью, помогать им, подлизываться, кланяться конфеты, препираться, оправдываться, ждаться поцелуя перед сном и т. д. В семье на своем опыте ребенок узнает, что ему как ребенку делать и говорить полагается, а что – нет. Он принимает на себя эту роль со всеми ее плюсами и минусами: тобой командуют – но тебя и защищают, тебе запрещают что-то – но зато и балуют, тебя считают порой глупым и маленьким – но зато объясняют что-то и учат полезным вещам. Причем это роль не абстрактного ребенка, а ребенка именно этой семьи. Потому что в одной семье детей считают «безобразниками» – и тут уж изволь хоть иногда хулиганить, в другой – от них ждут забавных слов и поступков – и дети стараются соответствовать, в третьей – ребенок – непременно вундеркинд (и ему не позавидуешь). У детей из детского дома нет возможности научиться быть ребенком. Именно поэтому им зачастую так тяжело дается период адаптации в семье. Вроде бы все хорошо, и родители новые любят, и в школе неплохо, но усталость невероятная, стресс постоянный. Потому что приходится ускоренными темпами осваивать сложную, незнакомую роль ребенка этой семьи.

На этом проблемы казенного, или институционального, воспитания не заканчиваются. Ребенок растет в искусственной среде. Он общается только в узком кругу сверстников, которые обычно еще и его одноклассники. У него нет соседей по подъезду, приятелей по спортивной секции или детей друзей родителей. Он проводит детство в обществе таких

же, как он сам. Он не знает элементарных вещей: как самому приготовить еду, где покупать одежду и как за ней ухаживать. И уж тем более не знает, как растить и воспитывать детей. Ребенок не имеет возможности сходить в магазин, купить что-то, получить сдачу. У него вообще нет карманных денег. Он не знаком с такими понятиями, как «не хватает до зарплаты», «отложить на отпуск», «взять кредит», «заплатить за квартиру». Он не пользуется общественным транспортом (иначе как в группе детей, сопровождаемых воспитателем), не ориентируется в городе. Да перечислить невозможно все, чего он не знает, не умеет, не видел, не пробовал^[5].

И вот с багажом всех этих «не» ему предстоит в 18 лет начать самостоятельную жизнь. Когда он покидает детский дом, правила игры вдруг резко меняются на противоположные: только что все в жизни происходило само собой, без его участия, и вдруг – вот тебе выходное пособие и справляйся сам, как хочешь. Никто ничего тебе не должен и помощи ждать неоткуда.

При этом у детдомовцев невелики шансы получить хорошее образование и профессию – ребенок, которому не для кого стараться, некого радовать своими успехами, учиться обычно не хочет. Да и способность к обучению часто оказывается снижена из-за пережитого, о чем мы говорили ранее. А кто захочет учиться, если чувствует себя несчастным и хуже других? Едва ли не главная причина всех неудач детей из детских домов – низкая самооценка, которая обессиливает, заставляет опускать руки и идти по пути наименьшего сопротивления. Любое препятствие воспринимается ими как непреодолимая преграда, вызывает раздражение и отчаяние, а не желание мобилизоваться, собраться, постараться, добиться своего.

К сожалению, и от жестокого обращения ребенок в казенном доме не застрахован. В детских домах порой дедовщина не меньше, чем в армии. Старшие заставляют младших подчиняться, а возрази – избьют. Воспитателям это удобно, таким образом они поддерживают дисциплину. Встречаются и ужасные случаи насилия со стороны персонала, но достоверных данных здесь нет. Впрочем, «воспитательные меры» вроде затыкания рта тряпкой или выставления босиком в туалет на холодный кафель «чтобы не бесились» кое-где и насилием-то не считаются. Учреждения закрытые, дети слишком зависимы от своих педагогов, чтобы рассказывать об этом, а главное – просто считают это нормой, потому что другого обращения не знают.

А теперь представим себе детей (даже с самыми лучшими генами),

которые годами растут в таких условиях. Сколько из них смогут потом нормально жить? Привычка принадлежать стае, безоговорочно подчиняться сильным и слушаться старших, обида на «благополучный» мир делают выпускников детских домов легкой добычей криминальных структур. И дети охотно на это идут, потому что там их все-таки защищают, там они нужны.

Одиночество, неутоленная потребность в любви и ласке заставляют их рано вступать в брак и рожать детей – так хочется, чтобы наконец была семья, близкие люди. Выпускники детских домов искренне верят, что у них в семье все будет хорошо, они-то своих детей не бросят. Но опыта и умения строить семейную жизнь и налаживать быт у них нет. Как ухаживать за ребенком, им непонятно, бабушек и тетушек нет, и в итоге такие семьи быстро разваливаются. Результат – их дети также попадают в детдом.

Чувство вины, неуверенность в себе вызывают отчаяние, которое мешает им пробиваться в жизни, достигать своих целей. Наследственность тут ни при чем. Просто ребенок из детского дома – сплошная ахиллесова пята. Весь – от макушки до собственно пят.

Когда ребенок попадает в семью, у него появляется шанс на новую жизнь, новый опыт, новые отношения. Но годы, проведенные в казенном доме, еще долго будут давать о себе знать. И бедным словарным запасом, и особыми, зажатými, угловатыми движениями, и рыданиями над тетрадками, и эпизодами с присвоением чужого, и попаданием в «плохие компании». Печать несчастья, неблагополучия еще долго будет лежать на таком ребенке. Эту печать «считывают» и дети, и взрослые. Одноклассники порой не хотят с ним дружить и сидеть за одной партой, родители других учеников недовольны, да и учителю хочется посадить его подальше, на заднюю парту, чтобы не маячил перед глазами. Да ему и не привыкать там, в резервации. Он не такой, как все, с ним все «не слава Богу» – кто бы сомневался! Ничего, после уроков он пойдет к «пацанам» во двор, там он среди своих...

Приемным родителям придется иметь дело с его сниженной самооценкой, привычкой сразу приходиться в отчаяние и опускать руки (вариант – швырять все на пол и топтать ногами). А еще с его неумением быть ребенком, соблюдать правила, слушаться и просить помощи, принимать решения, организовывать себя, нести ответственность, соблюдать границы других людей. Все то, что семейные дети усваивают как-то сами собой, в процессе жизни, здесь придется объяснять, специально этому учить, настойчиво и терпеливо.

Нормальные дети с ненормальной судьбой

Часто, наблюдая за ребенком из детского дома, окружающие думают: «Ненормальный какой-то!» Он и в самом деле может вести себя странно и пугающе. Иногда кажется «пожившим», значительно старше своего возраста, порой, наоборот, ведет себя как маленький. Вот он в школе на перемене курит в туалете, сплевывая на пол и ругаясь басом, а через полчаса совершенно по-детски плачет из-за сломавшегося карандаша. Весь он какой-то нескладный, неровный, словно куски его личности не ладно пригнаны, а набросаны кое-как и углы торчат наружу^[6].

Но когда узнаешь все, о чем говорилось в этом разделе, начинаешь понимать, что это не ребенок ненормальный. Это важнейшие обстоятельства его жизни были ненормальными^[7]. И он, как мог, приспособился к ним. В романе Виктора Гюго «Человек, который смеется» рассказывается о компрачиках – преступниках, которые похищали детей и уродовали их, чтобы потом продавать в бродячие цирки на потеху публике. Они помещали маленького ребенка в специальный сосуд. Тело росло, стенки сосуда сдавливали его, и все кости, мышцы, связки деформировались, приспособляясь к обстоятельствам. Так из здорового малыша выросал карлик, горбун, уродец. Или не выросал – не сумев приспособиться и стать «ненормальным», ребенок умирал. Для детей, оставшихся без родителей, роль такого компрачика играет сама жизнь. Все его странности – это всего лишь **нормальная реакция на ненормальные обстоятельства** существа, которое хотело жить. И победило – иначе ребенок не стоял бы сейчас перед вами. Остается только поблагодарить судьбу за эту его силу, гибкость, терпение. Эти же качества позволят ему, как только жизнь наладится и среда станет благоприятной, наверстать многое из упущенного, выправиться, раскрыться. Если, конечно, окружающие будут относиться к нему по-человечески, а не как зеваки в балагане, которые, тыча в него пальцами, кричат: «Смотрите, какой урод!» и уводят своих детей подальше.

К счастью, с одним конкретным ребенком не может произойти сразу всех перечисленных выше бед и событий. В прошлом у каждого из них было немало хорошего. Возможно, мама забывала покормить ребенка, когда была пьяная, но в периоды просветлений заботилась о нем и придумывала интересные игры. Возможно, в доме ребенка была добрая, сердечная нянечка. Возможно, первые годы жизни в семье все было хорошо

и только потом начало разваливаться. Возможно, его отчим бил, но бабушка или брат как могли защищали. Так или иначе, у каждого есть свой позитивный ресурс, что-то светлое и хорошее в прошлом. А в настоящем – новая семья, новые друзья, новая жизнь.

Некоторые дети от природы наделены такой жизненной силой, таким стремлением расти и развиваться, что, как заговоренные, проходят сквозь все невзгоды без явных последствий. Иногда действительно кажется, что ребенка хранит ангел, и приемные родители потом удивляются – нас предупреждали о трудностях, а он – золотой мальчик!

Эта сбереженная ангелом-хранителем часть личности есть у каждого ребенка. Просто у одного она больше, и с ним почти все в порядке. А у другого – меньше, может, особенно тяжело ему пришлось или ангел попался неопытный. Смотришь на такое дитя: все с ним не так. Несуразный какой-то, неправильный, неудобный, и самому ему несладко от своей искореженности, он буквально места себе не находит – ни на стуле, ни вообще в жизни. Но сохраненный уголок души и у него обязательно есть. Его нужно найти и начать постепенно укреплять и расширять. Результаты будут ошеломляющие.

Возможно, вникнув в ситуацию конкретного ребенка, с которым вы познакомились и который вам понравился, во все эти диагнозы, прошлые травмы, грядущие сложности, вы окажетесь в сложном положении. С одной стороны, вот ребенок, ему нужна семья, имеем ли мы право пасовать перед трудностями? С другой – как решиться, вдруг ничего не выйдет, вдруг мы не сможем ему помочь?

На этот случай хочу сказать вам кое-что очень важное. Самое лучшее в моей работе – это наблюдать, как происходит чудо. Даже два чуда.

Первое – совершенно чужие друг другу люди, приемные родители и ребенок, становятся родными. Невозможно предсказать, у кого и как скоро это получится. У кого-то случается с первой встречи, с первого прикосновения, с первого взгляда. Смотрит человек и видит – это мой ребенок! Что он вообще здесь делает, почему не дома, со мной? У других проходят дни, месяцы, а иногда и годы, прежде чем «просто ребенок» станет родным и близким. Кого-то буквально бросает друг к другу, кто-то движется навстречу постепенно, маленькими осторожными шажками, кто-то – рывками и зигзагами, то сближаясь, то отталкиваясь.

«Мостиком» к сроднению часто становится жалость, ведь он такой маленький и ему столько пришлось пережить, или тревога за него, когда заболел, или вдруг возникшее взаимопонимание с полуслова, одновременная улыбка одному и тому же, или внезапно же пришедшее

осознание, что эти черты лица, эти жесты, эта манера смотреть исподлобья такие родные и знакомые и такие любимые.

Очень по-разному это бывает и всегда – чудо. Негарантированное, непрогнозируемое – то ли будет, то ли нет – и все очень ждут и очень боятся, что вдруг не выйдет, хотя не все признаются, что боятся.

И конечно, редко чудо сваливается как снег на голову само по себе, задаром. Обычно оно рукотворное, а точнее – душетворное. Многое приходится в себе преодолеть, со многими иллюзиями и эгоистичными «хочу» расстаться, многое увидеть по-новому, чтобы за болячками, истериками, непониманием, порой озлобленностью и просто шокирующим ненормальным поведением разглядеть своего родного и любимого ребенка.

Зато если все получается, начинает потихоньку свершаться другое чудо – чудо преображения. Заморыш вдруг оказывается красавцем, ощетинившийся ежик – ласковым и пушистым, ребенок с диагнозом «умственная отсталость» – смышленным и любознательным. Пустой тоскливый взгляд наполняется смыслом и интересом к жизни, жесткая пластика маленького «буратинки» сменяется детской грацией, смягчаются застывшие в напряжении черты лица, появляется настоящая улыбка, настоящий смех. Приходилось видеть, как проходят без следа тяжелые хронические болезни, как у ребенка менялся цвет лица, становились густыми и блестящими волосы, менялась осанка, расправлялись плечи, поднималась голова. Не от лечения, не от специальных каких-то мер, просто – от любви. От этого самого возникшего чувства родности, защищенности, принадлежности семье, от знания, что это кому-то нужно – чтобы ты рос большим, здоровым, умным и красивым. Что для кого-то это очень важно, кого-то это делает счастливым.

Каких тяжелых детей приходилось видеть, переломанных жизнью физически и морально! Приемные родители порой и не говорят вслух всего, с чем приходится сталкиваться, чтобы людей не пугать и не смущать. Только наедине с психологом и прорывается такое, что волосы встают дыбом. Иногда грешным делом думаешь: нет, этого не вытянуть, только намучаются зря, зачем вообще все это. Но помогаешь, утешаешь, что-то советуешь, хотя порой хочется сесть рядом с приемным родителем и заплакать от бессилия. А потом видишь – год прошел, два, три – ребеночек-то выровнялся. Да, трудно с ним, да, в школе дела не очень. Но по сравнению с тем, что было, – небо и земля! Все как-то смягчилось, сгладилось, стало гармоничнее, тоньше, теплее. Ожило дите. Чудо-то вот оно, не обмануло, свершилось, это просто мы, совсем замороженные

заботами и проблемами, его не всегда замечаем.

Столько лет уже работаю в сфере семейного устройства, а привыкнуть не могу. С завидным постоянством в самых обычных семьях случается раз за разом обыкновенное чудо – зримое явление животворной, исцеляющей силы любви. С этим чудом даже поставить рядом нечего. Поэтому так многие приемные родители, вытянув одного непростого ребенка, через несколько лет приходят за вторым. А некоторые и за пятым, и за десятым. А потом приходят их друзья и родственники. Чудо заразительно.

Хотите ли вы и ваша семья пройти этот путь, очень непростой, но очень достойный – это вам и предстоит решить.

«Справимся ли мы?»

Вот теперь, понимая масштаб задачи, возможные трудности и то, ради чего стоит стараться, стоит перейти собственно к принятию решения и подготовке. Предстоит заглянуть внутрь себя, обсудить все с близкими, заручиться поддержкой специалистов и окружения. Ведь вы приведете ребенка не только в свой дом, но и в свой мир. Вы можете быть прекрасными родителями, вам может достаться чудесный ребенок, но плохие отношения с детским садом, школой, соседями, органами опеки могут полностью отравить вам радость родительства. Нужно разобраться, какие документы собирать, какие бывают формы устройства и какая из них подходит вашей семье. Определиться, какого ребенка искать и где. Очень много всего.

В этом разделе речь пойдет обо всем том, о чем стоит позаботиться заранее.

«А какая у вас мотивация?»

Или в более бестактной форме: «А зачем вам это надо?» Этот вопрос просто обожают задавать приемным родителям и в анкетах, и в бытовых разговорах-беседах. Мне задают вопрос «про мотивацию» журналисты, участники семинаров для сотрудников опеки, коллеги, начинающие свой путь в сфере семейного устройства. В какой-то момент собеседник или группа смотрит на меня особым, заговорщическим взглядом и, понизив голос, спрашивает: «Вы же знаете хорошо приемных родителей. Какая у них НА САМОМ ДЕЛЕ мотивация?»

Даже семинары проводятся для сотрудников опеки: как определить подлинную мотивацию кандидатов в приемные родители. Списки прилагаются: какая мотивация правильная, какая нет. Статьи пишутся, диссертации защищаются. Сами потенциальные приемные родители обращаются: подскажите, как правильно ответить на вопрос о мотивации? Некоторые опеки пытаются всех кандидатов направлять к психологу, чтобы он эту самую мотивацию у них точно определил. На профессиональных конференциях обсуждаются тонкости и нюансы, выдвигаются гипотезы, одна другой тоньше и глубже. От грубого предположения, что «они просто хотят денег», переходят к более тонким интерпретациям. Мол, хотят избежать одиночества. Загладить вину перед собственными детьми. Освободиться от власти родителей. Самоутвердиться. Утешить внутреннего ребенка. Укрепить брак. И много чего еще.

Честно говоря, я очень не люблю такие разговоры. За всем этим стоит представление о человеке, в данном случае о приемном родителе, как о простенькой электрической схеме, где несколько проводков идут от одного контакта к другому, и важно угадать, на какую кнопку нажать, чтобы загорелась нужная лампочка. А еще лучше – применить научный подход (то есть пусть в схеме психолог поковыряется) и создать стандарты правильной мотивации – чтобы образцовая схема висела в кабинете на стенке и с ней всегда можно было сравнить.

Когда я слышу вопрос о мотивации от слушателей на семинаре, я всегда задаю встречный вопрос: «А у вас какая мотивация? Вы работаете социальными работниками или инспекторами опеки – не самая простая работа на свете. Не самая хорошо оплачиваемая. Не самая престижная. Нервная, часто неблагодарная. Можно было бы, пожалуй, и получше найти. Зачем ВАМ это нужно? Зачем вы каждый день идете и занимаетесь

несчастливыми детьми, страдающими семьями, иногда через не могу, через слезы и отчаяние, иногда за счет собственных детей? Зачем?»

В ответ всегда повисает тишина. Люди думают, прислушиваются к себе. А потом звучит: «Ну, много всего... Одним словом не ответишь...» Вот как, оказывается. Когда речь идет о себе – порой проводков не обойдешься. Все сложно. И сам иногда не знаешь, зачем делаешь то, что делаешь. И не отличишь, какая мотивация правильная, какая нет. Человеческий ум силен и гибок – убедительное объяснение, правдоподобную схему можно составить всегда. Толку от нее, если честно, мало. Именно потому, что это будет лишь правдоподобие, ведь человек – не схема. Он, как в свое время показал Иммануил Кант, «вещь в себе», непознаваемая до конца ни самим собой, ни уж тем более внешними наблюдателями. Мотивация – одно из сложнейших явлений психики, потому что имеет отношение к сфере ценностей, к сфере свободы. Ее нельзя разложить на пункты и составить списки «имеющихся в наличии мотивов» с разделением их на «хорошие» и «плохие».

К сожалению, нельзя, потому что хотелось бы, конечно, иметь возможность отсекал, например, тех, кто хочет взять ребенка только ради денег. Или того хуже – для педофильских утех. Или чтобы свою жажду власти удовлетворить и над сиротой поиздеваться. Но даже такую патологическую мотивацию выявить практически невозможно. Люди, которые сознательно хотят плохого, скажут все самые нужные и правильные слова, они как раз себя контролируют.

И хорошо, что нельзя. Потому что страшно себе представить, что будет, если решения будут приниматься на основе «анализа мотивации». Собственно, это уже и сейчас местами происходит. Семью направляют к психологу или в опеке подробно с ними беседуют. И начинается: «Почему вы хотите взять ребенка?» – «Хотим помочь, вытасщить его из казенного дома». – «Значит, вами движет жалость? Вы знаете, а жалость – она унижает. Ребенка жалеть нельзя. Его надо любить». Кандидаты в замешательстве. Не могут же они сказать, что любят ребенка, когда никакого конкретного ребенка еще нет. Это пока не мальчик, не девочка, не Маша, не Петя, а просто абстрактный ребенок.

«Ну, мы просто хотим ребенка, любить его, заботиться о нем» – заходят они с другого боку. «Хотите ребенка? Значит, хотите удовлетворить с помощью ребенка свои потребности? Вам без него одиноко? Жизнь пуста? Больше некого любить? Вас не удовлетворяют супружеские отношения? Разочаровали собственные дети?»

«Нет, у нас все нормально, но вот просто хотелось всегда большую

семью, много детей». – «Значит, вы хотите воспроизвести модель семьи своих родителей? Или вами движут религиозные убеждения? А может быть, вы так самоутверждаетесь в собственных глазах?»

И так далее. Чем подкованней специалист, чем больше всяких психологических теорий он знает, чем быстрее соображает и лучше формулирует свои мысли, тем виртуознее будет «анализ мотивации», тем интересней предположения: «Она просто хочет доказать своей матери, что уже выросла», «Они просто страдают от синдрома пустого гнезда», «Он просто боится женщин и потому хочет создать семью с ребенком». Ключевое слово: «просто». Как все просто, как ясно, как складно, когда речь идет о другом человеке. А кандидаты нервничают, пытаются угадать верный ответ, путаются, уточняют, сердятся... Быть заживо препарированным – сомнительное удовольствие.

А главное – во всем этом нет никакого смысла. Пусть даже каждая вторая догадка справедлива. Что дальше? Как из этого сделать вывод о способности или неспособности данной семьи воспитывать ребенка? Пусть этим людям без ребенка и вправду одиноко. Что это дает нам с точки зрения прогноза: как они будут себя вести, столкнувшись с трудностями, не спасуют ли, не вернут ли ребенка обратно, не начнут ли обижать? Это самое одиночество, которое их гипотетически мучило до приема ребенка, оно – что? Будет дополнительным стимулом, чтобы все преодолеть? Будет ахиллесовой пятой, потому что никуда не исчезнет? Кто может сказать заранее? Даже если одиночество имеет место быть, будущие приемные родители не сводятся к нему, они куда больше, шире, сложнее этого одного чувства, одного обстоятельства. Кроме одиночества у них еще есть мужество, ответственность, сострадание, чувство юмора, опыт, любовь друг к другу. Много всего. Они люди, а не схемы.

Мы хотим чего-то в силу множества разных причин, причем нередко они противоречат друг другу, более того – далеко не все свои мотивации мы осознаем и уж точно далеко не все готовы обсуждать с посторонними людьми. Мы можем ходить на работу потому, что нам нужны деньги, потому, что нравится коллектив, потому, что она позволяет нам самореализоваться, потому, что скучно сидеть дома, потому, что все ходят, потому, что надо доработать до пенсии, потому, что влюблены в коллегу, потому, что удобно добираться, да мало ли еще почему! Все эти мотивы могут быть представлены вместе или по отдельности, в разные моменты жизни те или другие могут выходить на первый план. В любом случае гораздо важнее для всех (и для нас тоже) знать, не почему мы туда ходим, а как работаем: хорошо, плохо, эффективно, с удовольствием или экономим

силы. С приемными родителями – та же история. Не очень важно, какая у них изначальная мотивация. Гораздо важнее другое: как они с ребенком обращаются? Уважают его? Заботятся о нем? Не обижают? Сознают ответственность за него? Стараются честно, как могут, справляться с трудностями? У них получается? Хватает ресурсов? Вот это важно. Важно не то, что человек в глубине души хочет, а то, что он на самом деле, в реальности делает. Судить душевные порывы и стремления может лишь Господь Бог. Мы просто люди и оценивать можем лишь реальные дела и их последствия, и то в меру своих способностей.

Это не значит, что вопрос о мотивации лишний. Очень даже хороший, полезный вопрос. Когда люди задают его САМИ СЕБЕ, когда сами пытаются разобраться в своих ожиданиях, иллюзиях, надеждах. Ведь если что – разочаровываться им самим, справляться с разочарованием – тоже им. Но пытаться ответить на вопрос «зачем» кратко и внятно, да еще и «правильно» – безнадежное дело. Вопрос о мотивации – это сочинение на свободную тему.

С самим собой или между собой об этом очень полезно думать и говорить. Себе очень важно задать некоторые вопросы и честно на них ответить. И мало кто из кандидатов в приемные родители не задавался вопросом: а как нам самим убедиться, что у нас такая мотивация, как надо? Вдруг мы и правда «неправильно» хотим ребенка и потом все будет плохо? Как это определить?

Прежде всего не стоит пытаться получить ответ полный и исчерпывающий. Как говорил мудрец Заратустра, «я не настолько глуп, чтобы думать, что понимаю причины своих поступков». Своя душа для человека не меньше потемки, чем чужая, наше сознание и подсознание устроены сложно, они умеют ловко маскировать от нас наши же глубинные побуждения, страхи, предрассудки. С подобными примерами мы сталкиваемся постоянно. Например, человек зарабатывает очень мало, хотя вроде и способностями не обделен, и образование приличное, и профессия востребованная. Он сам может говорить (и думать), что ему просто не везет. Или что он выше меркантильных интересов. Или что деньги ему просто не нужны, ведь у него и так все есть. И каждое из этих утверждений может быть правдой. А может маскировать собой, например, страх быть успешным. Или травматические воспоминания детства, когда сначала была хорошая семья и родители жили душа в душу, а потом папа стал вдруг очень много зарабатывать, родители начали ссориться и вскоре папа ушел. Или еще что другое.

И как тут быть? Перед принятием ребенка всем проходить

многолетнюю психотерапию, чтобы выявить все-все подлинные пружины и мотивы? Боюсь, дети успеют вырасти в детдомах за это время.

На самом деле, мне кажется, не так много мотивов заведомо «плохих» и их неправильность всем очевидна. Например, ясно, что брать приемного ребенка с целью использовать его как бесплатную прислугу нехорошо (хотя в недавнем прошлом это казалось в порядке вещей и, кстати, многих сирот спасло от неминуемой гибели). Про мотивы уголовные и говорить нечего.

В общем и целом всем понятно, что приемный ребенок не может и не должен быть:

- средством спасения вашего брака;
- средством доказать себе, семье и окружающим, что у вас «все, как у людей»;
- средством перевоспитать ваших детей;
- средством развлечь ваших детей;
- средством заменить ваших нерожденных детей;
- средством заменить ваших выросших детей;
- средством заменить вашего потерянного ребенка;
- средством исправления тех ошибок, которые вы совершили, воспитывая собственных детей;
- средством избежать безнадежности и одиночества;
- средством выполнения миссии (гуманистической, христианской и т. п.).

Ребенок вообще не должен быть средством даже для самых благих целей. Если вы хотите именно ребенка, чтобы он жил и рос с вами, чтобы любить его, заботиться о нем, если главное ваше желание – обычное, такое естественное человеческое желание – быть родителем, значит, все в порядке. При этом все остальные мотивы тоже могут вполне присутствовать, если они становятся дополнением к этому основному.

Дети, кстати, тоже чувствуют, если приемным (как и родным) родителям нужны не они сами по себе какие есть, а некие другие цели, которых достигают их посредством. И знаете, что сделает в этой ситуации любой сколько-нибудь сохранивший волю к жизни ребенок? В лепешку расшибется, чтобы те цели, которых вы хотите добиться, используя его как средство, **никогда** не были достигнуты. Он будет максимально не похож на того, кого призван заменить; он будет драться с ребенком, которого призван развлекать, и дурно влиять на того, которого призван воспитывать; он будет избегать общения, если должен избавлять от одиночества, и совершать чудовищные поступки, если ваша цель была – наставить на путь истинный заблудшую душу. Не из вредности, нет, совершенно неосознанно.

Просто каждый человек (а однажды уже отвергнутый – особенно) нуждается в том, чтобы его ценили и любили просто так. И если ему в этом отказывают, он протестует всеми доступными ему способами, пытаясь докричаться: «Я не хочу быть лишь средством, откажитесь от такого взгляда на меня, все равно ничего не получится». Ради того, чтобы его отчаянный вопль услышали, ребенок готов действовать во вред себе, разрушать отношения, рисковать своим будущим, да он все будет готов поставить на кон ради шанса получить настоящую, бескорыстную «ни за что ни про что» родительскую любовь. Потому что для ребенка это не блажь, не удовольствие, а воздух, без которого его душа умирает. А когда человеком движет отчаяние, он не стесняется в средствах и не щадит ни себя, ни других.

И наоборот: дети, которых любят ради них самих, без всяких условий, оказываются удивительно чутки и благодарны. Когда ребенок окончательно привыкнет к семье, когда в его душе восстановится мир и он поверит, что любим и что это насовсем, он обязательно захочет откликнуться. Для ребенка, который знает, что любим и принят, вполне естественно мирно играть с братьями и сестрами, стараться порадовать своими успехами родителей, быть с ними близким и откровенным. Но все это не условия, на которых ребенка принимают, а как раз следствие того, что он был принят.

Еще несколько слов о последнем пункте в нашем списке. Звучит он замечательно: «Хочу сделать благое дело, помочь ребенку, оставшемуся без семьи». Настолько замечательно, что некоторые сотрудники органов опеки даже отказываются работать с семьями, если они не назвали этот мотив одним из первых. Но могу сказать по опыту – не все так просто. Конечно, каждый, кто приходит за ребенком в детский дом, в том числе хочет ему помочь – это естественно и правильно. Но если мотив «помочь», «сделать богоугодное дело», «принести кому-то пользу» – единственный или преобладающий, я бы советовала не торопиться. Да, сирот жалко, да, дело богоугодное. Но одно дело – взять, другое – растить год за годом, день за днем. И если у вас нет обычной родительской «корысти» – желания иметь ребенка, общаться с ним, радоваться ему, а вы лишь выполняете миссию, «несете свой крест», очень возможно, что надолго вас не хватит. Наступит физическое и эмоциональное истощение, при этом вы не сможете черпать силы, как обычный родитель, из самого общения с ребенком, из его забавных словечек, из утренних сонных поцелуев, из веселой болтовни по дороге в школу – вы ведь не для радости все это затеяли, а из жалости или из чувства долга. Из чувства долга и из жалости можно ухаживать, кормить, одевать, учить, но любить – нет. А даст ли ребенку счастье

родитель, для которого сам ребенок – «тяжкий крест»?

Поэтому помочь – дело святое. Но поскольку работа, которую вам предстоит выполнять, в значительной степени делается сердцем, чувствами, очень важно еще и просто хотеть ребенка, хотеть именно для себя, ведь ему нужны не спасители, а родители.

Итак, все мотивы (кроме криминальных) имеют право на существование. «Хотим ребенка» – замечательно, «хотим помочь» – тоже хорошо, «хотим, чтобы нашему ребенку было с кем играть» – в принципе, понятный мотив, «хотим работать и получать зарплату, воспитывая детей дома» – тоже нормально. И даже «скрепить брак», «чтобы было кому стакан воды подать в старости», «чтобы быть как все, с ребенком», «чтобы заменить собственного погибшего ребенка» – тоже при определенных условиях могут быть вполне конструктивными мотивами, если они не единственные и не главные.

Риск только в одном: если мотив окажется неудовлетворен. Вы хотели, чтобы ребенок дружил и играл с вашими детьми, а он дерется, ругается и вообще хочет общаться только с вами, а их чтобы не было. Вы хотите стать родителями сироте, а он любит свою пьющую маму, тоскует по ней, а вас мамой не называет. Вы хотели скрепить брак, а из-за стресса после прихода ребенка, из-за огромного количества новых проблем и обязанностей брак стал, наоборот, разваливаться. Вы хотели достойного наследника, а ребенок не желает получать образование и вообще не факт, что это он будет вас поддерживать в старости, а не вы его до последнего дня. Вы хотели быть «нормальными, как все», а теперь на вас косятся другие мамы на детской площадке и только что вслух не говорят, что, мол, пришла тут со своим ненормальным ребенком. Все это вполне возможно. Никак предугадать и предотвратить такие варианты не удастся, в этом надо отдавать себе отчет заранее, «на берегу».

Вот поэтому я предложила бы ответственным кандидатам в приемные родители проверить собственные мотивы с помощью простого вопроса: «А если не...?» А если ребенок не скрепит брак, не подружится с вашим ребенком, не заменит потерю, не получит образования, не захочет разделять вашу веру, ваши ценности и убеждения, никогда не станет считать вас мамой и папой, не сможет преодолеть отставание и реабилитироваться после пережитого (то есть вы не сможете ему полностью помочь)?

Что если не...? Задавайте себе этот вопрос и прислушивайтесь к тому, что происходит в душе. Все ваши мотивы один за другим рассыпаются? Или вы даже не в силах представить себе, как это возможно, чтобы «не»?

Тогда стоит подождать и подумать, может быть, действительно обратиться за помощью к психологу, чтобы лучше разобраться в себе.

Или вы готовы решить: если даже не все сбудется, все равно ребенок будет в семье, все равно у нас будут свои отношения, все равно будет какая-то общая история, из которой что-нибудь да выйдет, и мы готовы постараться, понимая, что нет гарантий успеха и исполнения всех желаний. Тогда – вперед. И любой ваш мотив, самый «неправильный», пойдет в дело и поможет все преодолеть.

Еще одно. Скорее всего, вопросы: «А зачем вам это нужно?», «А какая у вас мотивация?» будут вас злить. И знаете что? Вы правы. Потому что в них всегда скрыто убеждение, что «просто так» приемных детей не берут. Что от хорошей жизни растить чужого ребенка никто не станет. Только если есть свои проблемы, которые с его помощью пытаются решить. Самоценности ребенка этот вопрос не предусматривает вовсе. И я очень хорошо понимаю, почему приемные родители буквально взвываются от этого вопроса. Отвечать на него всерьез означает признать правоту этой картины мира, признать себя схемой, а ребенка – функцией, средством. Это вызывает протест, злость – да и ничего другого вызывать не может.

Вопрос «зачем?» исходит из того, что никаких детей-сирот в реальности нет. Если они «зачем-то» понадобятся, их вынут из виртуальной базы данных и дадут. Но они ведь есть. Живут, дышат, ждут. Невозможно об этом не думать и не помнить, совершенно естественно стремиться им помочь, нормально отвечать любовью на их неутоленную потребность в любви. Это как если бы пожарного, который бежит к горящему дому, чтобы спасти ребенка, схватить за рукав и спросить: а какая у тебя на самом деле мотивация?

Но не расстраивайтесь слишком сильно. Разберитесь – для себя – со своей мотивацией, а для посторонних придумайте короткий и простой ответ. Например, одна знакомая мама так отвечала на вопрос, зачем ей приемные дети: «Да просто для прикола!» Ответ не хуже любого другого. А в анкете напишите то, что полагается писать. Обычно сочетание «хотим ребенка» и «хотим помочь» всех устраивает.

Как подстелить соломку?

Все мотивы взвешены, залежи «мусора» разобраны, вы уверены в своем выборе. Ну или почти уверены... Или совсем не уверены... С одной стороны, так хочется... А с другой...

Страшно? Конечно, страшно! Как подумаешь... А вдруг и вправду там все дети больные? А вдруг гены сработают и он вырастет алкоголиком? А вдруг мы его не полюбим – ведь неродной? А вдруг... А вдруг...

Вообще, как мы уже говорили, тревожиться нормально. Страх за ребенка – признак ответственности, серьезного отношения к делу. Разве при рождении ребенка мы боимся меньше? К счастью, в процессе беременности невозможно «просто передумать», а то человечество, пожалуй, уже давно бы вымерло. А по дороге к приемному ребенку – можно. В каких-то случаях как раз хорошо, если семья, осознав, что не готова, передумает или на время отложит затею. Но очень жаль, если остановятся на полпути люди, которые могли бы стать прекрасными родителями, но испугались «страшилок».

Общий принцип здесь такой: если не уверен в себе, в своей семье – десять раз подумай. Если боишься чего-то, связанного с ребенком, – просто вооружись информацией и действуй дальше: при ближайшем рассмотрении все оказывается не так страшно. Удачным ли будет ваше предприятие, зависит от вас намного больше, чем от того, каким окажется ребенок. К сожалению, пришлось видеть немало семей, которые не справились с самыми обычными детьми, без всяких серьезных проблем. И замечательно, что есть очень много семей, которые с самыми тяжелыми детьми все преодолевали и были счастливы. Главное, чтобы именно взрослые не оказались «слабым звеном», и тогда с ребенком они справятся.

Конечно, вам будет спокойнее, если вы сможете рассчитывать на помощь и поддержку профессионалов. И еще – если вы как можно лучше подготовитесь. В этом смысле вам – приемным родителям – крупно повезло. Не так часто в жизни встречаются ситуации, когда многое можно предвидеть заранее и ко многому подготовиться – подстелить соломки. Принятие в семью ребенка из детского дома – как раз такой редкий случай (и в этом смысле даже имеет преимущество перед стандартным способом завести потомство). Приложив некоторые усилия и изобретательность, вы можете запастись приличным стогом соломы на разные случаи; и хотя, не набив шишек, вообще никак не сделаешь, но заметно снизить

«травматизм» для своей семьи и для ребенка вы вполне сможете.

Прежде всего речь идет о Школе приемного родителя (ШПР), прохождение которой с 1 сентября 2012 года стало обязательным условием, чтобы стать приемным родителем. Что это за подготовка, зачем и кому она нужна?

Часто приходится слышать: «У меня уже есть дети, все прекрасно получается, приемного я буду воспитывать так же – и все дела», «Мы полюбим его всем сердцем, и все будет хорошо» или даже «Я педагог с большим стажем, работаю с детьми давно и все, что нужно, знаю». Как показывает опыт, одной любви недостаточно. Ее бывает недостаточно и с родными детьми, не случайно многие современные родители читают книги по воспитанию, советуются со специалистами. С ребенком же приемным, то есть не имеющим врожденной связи с вами, человеком незнакомым, часто непонятым, тем более нужны помощь, знания, подготовка. Может пройти немало времени, пока вы начнете понимать друг друга с полуслова. А может быть, и не начнете, поскольку в жизни этого ребенка было такое, чего обычные люди и представить себе не могут: насилие, жестокость, полное одиночество. Ни ваш опыт общения с родными детьми, ни тем более педагогический стаж здесь не помогут, напротив, могут вызвать злость и отчаяние: почему с другими детьми получалось, а с этим – никак?

Подготовка как раз и призвана помочь вам заранее представить себе, чем ребенок из детского дома отличается от знакомых вам благополучных детей, как пережитое может отразиться на его характере, здоровье, поведении и как лучше ему помочь. Здоровье, пресловутые гены, последствия пережитых травм, отношение к тайне усыновления и к происхождению ребенка – все эти темы обязательно входят в программу ШПР.

Вторая важная составляющая ШПР – работа с вашими иллюзиями и стереотипами. Многие семьи приходят на первое занятие, представляя себе будущего ребенка как «бедную сиротку», которая «будет благодарна» и станет вполне своей, стоит только ее «полюбить всем сердцем». Воображение охотно рисует чудесные картины вечернего чтения сказки или вручения подарков на Новый год, но никак не разбитый молотком телевизор или трехэтажный мат из уст кудрявой крошки (в адрес свекрови, разумеется). За время обучения семьи знакомятся с множеством реальных сложных ситуаций, неоднократно встречаются с опытными приемными родителями и узнают две важнейшие вещи. Первая: все эти неприятные ситуации, скорее всего, ждут и их. Вторая: все это совсем не так страшно, как кажется на первый взгляд, и со временем преодолевается.

Естественно, первая и нормальная человеческая реакция на некоторые рассказы о детских судьбах – шок, ужас, ярость. Но все эти чувства никак не помогут вам действовать разумно и эффективно. Если вы впервые столкнетесь с ними, когда ребенок будет уже у вас, негативные чувства на какое-то время сделают вас как родителя просто недееспособным. Можно таких дров наломать... «Переварив» же все заранее, хоть в какой-то мере, вы имеете шанс, когда дойдет до дела, действовать, а не впадать в отчаяние. Разбирая все новые и новые примеры, вникая в причины, по которым дети так себя ведут, обсуждая возможные варианты действий родителей, семьи внутренне меняют позицию жертвы: «Господи, какой ужас, что же мне, бедному, делать?» – на позицию хозяина положения: «Я знаю, что происходит и почему, и попробую сделать вот это». На языке психологии это называется «превращать барьеры в цели» – важнейшее умение.

Во время подготовки вам важно не просто как можно больше узнать и запомнить, но как можно больше **прочувствовать** и **опробовать в действии**. Поэтому хорошая ШПР – это не цикл лекций, а работа в форме тренинга, с упражнениями, ролевыми играми, живыми дискуссиями. Все это позволяет заранее примерить на себя роль приемного родителя, оценить свои сильные и слабые стороны, понять, что еще нужно обязательно сделать, решить, обдумать, прежде чем отправляться знакомиться с ребенком, – это значит, что «заготовка соломы» идет полным ходом.

Есть еще одна важная роль тренинга: люди, которые занимались в ШПР в одной группе, вместе прожившие тревоги и крушение иллюзий, делившиеся друг с другом чувствами и мыслями, становятся товарищами, соратниками, иногда – близкими друзьями. Позже, уже воспитывая детей, они помогают друг другу советом и делом, встречаются, перезваниваются, а это очень важно для любого приемного родителя, особенно если семье не повезло и близкое окружение ее не поддерживает. Я знаю семьи, которые так дружат по десять и двадцать лет и до сих пор остаются друг для друга важнейшим источником поддержки и утешения в трудную минуту.

К сожалению, закон об обязательном прохождении Школы приемных родителей принят, но вот сами ШПР удовлетворительного качества есть лишь в крупных городах и в некоторых регионах, которые давно и серьезно развивают семейное устройство. Очень может быть, что вы обнаружите в своем регионе вместо полноценной ШПР в форме тренинга набор скучных и малополезных лекций, после которых нужную бумагу вам, конечно, выдадут, но вот только уверенности и знаний у вас не прибавится. Что же делать в этом случае?

Возьмите дело в свои руки и используйте любую возможность подготовиться к приходу ребенка. Узнайте, нет ли в вашем городе или районе альтернативных ШПР, проводимых общественными организациями. Иногда они не могут выдавать свидетельство о прохождении подготовки, но сам уровень подготовки у них гораздо выше, чем в «официальной» ШПР. Возможно, хороший тренинг можно пройти в соседнем регионе, в ближайшем большом городе. Можно попросить специалистов уделить вам время для личных встреч и задать все те вопросы, ответы на которые вы не получили на занятиях. Поговорите с психологом из ближайшего детского дома или интерната, попросите, чтобы он рассказал вам об особенностях детей, привел примеры, дал какие-то рекомендации. Попросите всех знакомых порекомендовать вам хороших психологов, детских и семейных, по возможности имеющих опыт работы с приемными семьями, и договоритесь о нескольких консультациях. Найдите контакты опытных приемных родителей, напроситесь в гости, послушайте-поспрашивайте, попросите разрешения звонить и спрашивать совета, если понадобится. Наконец, попробуйте объединиться с другими заинтересованными семьями и создать ШПР самостоятельно, пригласив в качестве тренеров опытных специалистов или приемных родителей с большим стажем. И главное – не молчите, если вас не устраивает уровень подготовки, предложенный в вашей ШПР, – говорите об этом, требуйте дополнительных занятий. Это единственный способ приблизиться к тому моменту, когда приличные ШПР будут во всех регионах страны.

Есть еще кое-что, о чем хотелось бы предупредить. У нас, у взрослых, тоже было детство. И тоже были травмы. В большинстве своем не такие серьезные, как у детей из детского дома, и мы давно их пережили и переработали. Но бывает, что в прошлом приемного родителя тоже было насилие, горе или запредельное одиночество. И оно вроде уже позабыто и никак жить не мешает, но как только в дом попадает ребенок с аналогичной травмой, происходит резонанс – вся прошлая боль вдруг всплывает и накрывает со страшной силой. И ребенок получает рядом с собой не сильного, умного, способного помочь родителя, а такого же, как он сам, несчастного ребенка. Не лучший вариант, как вы понимаете. Поэтому – это важно – если у вас был очень травматичный непроработанный опыт, постарайтесь проработать его заранее (обратившись к психологу) либо по возможности не берите ребенка с аналогичной травмой. Хотя это не всегда известно заранее, например факты сексуального использования нередко всплывают в памяти ребенка только на второй год жизни в новой семье. Так что серьезные травмы

лучше все-таки проработать или по крайней мере точно знать, куда вы обратитесь, как только накроет.

Читайте литературу, пользуйтесь интернет-ресурсами, специальными изданиями для приемных родителей. Задействуйте при чтении не только голову, но и чувства, обсуждайте прочитанное с другими членами семьи, мысленно представляйте, что бы вы стали делать в той или иной ситуации, пытаясь при этом понять и чувства ребенка тоже. Все это обеспечит вас приличной охапкой «соломы» – и в путь.

Как строить отношения с опекой?

Страшилки про «теток из опек» в изобилии рассказываются в кругах будущих и действующих приемных родителей. Запугивают, отговаривают брать детей, тянут с бумагами, обманывают, уверяя, что ребенка «уже забирают» или что «мама восстанавливается в правах». Почему так? Неужели все эти люди – как на подбор детоненавистники и злодеи?

Все, как всегда, и проще, и сложнее. Проблема в том, что семейное устройство в России пока не стало системой. У нас система ответственности органов опеки устроена так, что если с ребенком что-то случится в приемной семье – им не сносить головы. А если в детском доме – они за это не отвечают. Если ребенка взяли и потом вернули – они виноваты, это плохой показатель. Если ребенка вообще никто не брал и он остался в детском доме – это вообще не показатель, ну не захотел никто. То есть возвраты – это плохо, а неустройства – нет.

Кроме того, органы опеки тесно взаимодействуют с детскими домами, домами ребенка и интернатами и портить с ними отношения им не с руки. А учреждения в последнее время очень держатся за «контингент», то есть за детей, ведь если всех разберут, им останется только закрыться. Мало в каких регионах учреждения имеют перспективу на этот случай – возможность перепрофилироваться в службу сопровождения приемных семей или в дневной приют для детей из кризисных семей. В большинстве случаев никакой стратегии развития нет: где мало детей осталось, тех и закроют. Отрапортуют, что сократили число детских домов.

Еще одна причина – отсутствие профессиональных служб по подготовке, отбору и сопровождению принимающих семей. Ведь что получается: сотрудник опеки, у которого, кстати, множество других дел и обязанностей, вынужден принимать решение о судьбе ребенка – напомню, решение, за которое он отвечает головой – на основании малоинформативных, хоть и многочисленных бумаг и справок. Попробуйте поставить себя на место сотрудника опеки. Вот этим людям в их полную безраздельную власть будет отдано маленькое, незащищенное существо. Как быть уверенным, что они не станут его бить, обижать, что не отдадут обратно? Что не убьют, наконец, как это уже случалось и об этом говорил весь мир? Как принять такое решение на основании справки с места работы, выписки из домовой книги и медицинских анализов? Даже справки из психоневрологического диспансера и из полиции слабо

утешают – разве жестокими могут быть только сумасшедшие или те, кто уже совершал преступления?

На что смотреть – на внешность? Но кто сказал, что симпатичные будут воспитывать лучше? Слушать, что они говорят, как объясняют свое желание? Да всякий может сказать то, что от него хотят услышать! Что делать, если интуиция кричит «нет», а все бумаги в порядке? И кто сказал, что моя интуиция верна? А если люди, как кажется, замечательные, но бумаги «не те»? А специалиста органа опеки никто никогда не обучал ни семейной психологии, ни другим наукам, которые помогли бы в оценке семьи. Это чиновник, его дело – знание законов и документооборота. Да и времени вникать глубоко, заглянуть за фасад, предъявляемый семьей, у него нет. И места тоже нет – обычно дело происходит в тесном кабинете, заставленном стеллажами с папками, на уголке стола между факсом и ксероксом, под непрерывные телефонные звонки, в присутствии других людей. Как тут говорить о личном, о важном?

Тут поневоле испытываешь панику, и именно паникой, а не вредностью зачастую объясняются дикие и незаконные требования опеки вроде: «Предоставьте справку от врача о неспособности иметь детей, а то знаю я вас: родите потом своего, а этого вернете». Самое грустное, что все эти опасения – абсолютно обоснованные. Действительно, никакие справки не дают гарантии, что ребенок будет в безопасности. Какой-нибудь педофил может такие справки и рекомендации предоставить – хоть в рамку на стену вешай. Но в нынешней системе нет другого выхода, кроме как оценивать семью по справкам – а там уж как повезет. Понятно, что потенциальных родителей легче запугать и отговорить сразу, чтобы больше у них и желания не возникало сюда приходить и заговаривать о приемных детях.

Конечно, есть среди сотрудников органов опеки прекрасные люди, которые все равно берут на себя ответственность и помогают будущим приемным родителям. О них потом семьи помнят всю жизнь с благодарностью и теплотой, посылают фотографии детей, пишут письма. Но это их человеческий выбор. Система ответственности у них такая же, как и у тех, кто никого устраивать не хочет. То есть все риски они берут на себя и работают обычно сверх должного, а порой и сверх возможного, чтобы еще одного ребеночка вытащить из системы сиротских учреждений и передать в любящие руки. Как сказала одна знакомая сотрудница опеки: «У нас каждый день выбор: или ты герой, или сволочь». И это очень несправедливо, работать в таких условиях тяжело морально и психологически, в результате по-настоящему хорошие, равнодушные люди через несколько лет «героизма» оставляют эту работу просто потому,

что больше нет сил и здоровья. Прибавьте к этому горы, просто Гималаи бумажной работы и всяческих отчетов и нередко довольно хамскую манеру общения вышестоящих чиновников – и вы примерно представите себе, как живут пресловутые «тетки из опеки».

Выход здесь один: создание профессиональных служб по семейному устройству, в которых бы работали не чиновники, а специалисты помогающих профессий: психологи, социальные работники. У которых было бы все необходимое: место, время, профессиональные навыки для неформального общения с кандидатом, для неспешной, качественной помощи в принятии будущим приемным родителем решения, в проработке каких-то проблем, в оценке своих рисков и своих ресурсов. Где-то такие службы постепенно появляются, но пока их явно мало, и их взаимоотношения с опеками не всегда ясны. Ведь возможна и другая крайность: можно бесконечно «прорабатывать проблемы» и готовить кандидатов, находя все новые и новые поводы для их анализа, а дети тем временем будут сидеть в детском доме. Важно, чтобы помогающие специалисты тоже были заинтересованы в результате – устройстве детей, а не в процессе как таковом. Однако все это вопрос будущей большой работы по выстраиванию системы семейного устройства, а сейчас мы имеем то, что имеем, и вам важно успешно действовать в существующей ситуации.

Не настраивайте себя заранее на «борьбу» с опекой. Во-первых, вам может повезти и там окажутся люди, разделяющие ценности семейного устройства и настроенные на сотрудничество с вами. Во-вторых, даже если бы они предпочли, чтобы вас тут не было, закон однозначно настаивает на праве ребенка жить и воспитываться в семье, и они это прекрасно знают, так что работать с вами им придется, хочется им этого или нет. Вы можете наладить с ними сотрудничество, если сделаете эту работу по возможности более простой и приятной.

Подготовьтесь к визиту заранее.

Прежде всего – правильно настройтесь. Вы не сделали ничего плохого и не должны просить об одолжении. Но вы и не герой-спаситель, перед которым все должны немедленно отложить дела и восторженно его приветствовать. Вы даже не клиент, который всегда прав, клиент органов опеки – ребенок. А вы – партнер, готовый предоставить себя и свои ресурсы для решения их профессиональной задачи – устройства детей в семье. Вот и общайтесь в доброжелательном деловом стиле.

Список необходимых для получения заключения о возможности быть усыновителем (опекуном) документов можно узнать в Интернете или просто прочитать на стенке в коридоре, ни к чему тратить время

сотрудника на его перечисление. Очень желательно заранее прочитать Семейный кодекс, чтобы знать свои права и требования закона.

Если вас не приглашают к доверительному разговору, не начинайте его сами. Сотрудники опеки – чиновники, их функция – контролировать и организовывать, а не входить в положение и сочувствовать. Если есть потребность поделиться чувствами, страхами, сомнениями – обратитесь к психологу.

Сформулируйте для себя заранее, на какого примерно ребенка вы ориентируетесь (об этом пойдет речь в следующем разделе), по возможности задайте рамки более широко. Если вы готовы рассмотреть вариант принятия нескольких братьев и сестер, или ребенка с особенностями развития, или ребенка, нуждающегося в контактах с кровными родственниками, – скажите об этом сразу, возможно, именно такой кандидат им нужен прямо сейчас.

Хорошо бы также иметь представление о существующих формах устройства, их плюсах и минусах (об этом тоже пойдет речь ниже) и знать, какие из них вас устроят («любая, как будет удобнее по ситуации ребенка» – тоже хороший ответ, если за ним стоит действительно осознанное решение).

Будьте готовы ответить на вопрос о составе семьи и о том, как другие члены семьи относятся к идее взять ребенка. Не стоит приходить в опеку, если вы еще не договорились между собой, начните со Школы приемного родителя (в некоторых регионах для ее прохождения требуют направление из опеки, строго говоря, это незаконно, вы можете настаивать, чтобы вас приняли и без него).

Помните, что вы не обязаны предоставлять никакие документы, помимо перечисленных в законе. Скажите, что сами вы готовы ответить на любые вопросы сотрудников, однако в формальной стороне дела предпочитаете придерживаться закона.

Если вам начинают рассказывать про то, «какие там ужасные дети, у них гены, вы с ними намучаетесь», не спорьте, не бейте себя в грудь с уверениями, что вы ничего не боитесь, но и не пугайтесь, конечно. Скажите, что вы для этого и собираетесь пойти в ШПР, чтобы узнать обо всем подробнее и принять взвешенное решение.

Будьте по возможности организованны и корректны, обращайтесь внимание на расписание работы, приемные часы, срок действия справок, правильность оформления документов.

Улыбка и искреннее «спасибо», конечно, тоже будут очень кстати. Посочувствуйте этим людям в их непростой работе – поверьте, они слышат

в свой адрес очень много претензий и очень мало теплых слов.

Но сочувствие сочувствием, а люди по-настоящему непорядочные тоже встречаются, и коррупция в сфере семейного устройства пока никуда не делась. Как и кандидаты, которые суют деньги в папку с документами, чтобы предложили «ребенка получше» или помогли поскорее «решить вопрос» с уже найденным ребенком. Если у вас возникнет искушение так поступить, я хочу, чтобы вы представляли себе цену вопроса. Она не просто в факте коррупции самом по себе и не в моральном падении конкретного чиновника. Приходя с деньгами, вы устраиваете из семейного устройства торг, рынок. Демонстрируете свой платежеспособный спрос. А если есть спрос – будет и предложение. Будут дети, которых станут специально удерживать правдами и неправдами в учреждениях (накапливая их проблемы и отставание в развитии), чтобы у таких вот богатеньких клиентов был выбор. Чтобы желаемого возраста и с заданным цветом глаз. А если кто-то из детей засидится и станет «неликвидным» – ну что ж, ничего страшного, вырастет в детском доме. Помните, что, пытаясь решить свой личный вопрос за деньги, вы, по сути, участвуете в самом грязном виде бизнеса из всех существующих – торговле людьми, детьми. И именно его вы поддерживаете своим «вливанием».

Немногим лучше и отзывчивость на «просьбы о помощи», когда вам предлагают подписать с десятков отказов на детей, которых вы никогда в глаза не видели. Цель очень простая – по требованию закона, чтобы можно было предложить ребенка иностранным усыновителям, от него сначала должны несколько раз отказаться российские кандидаты. То есть на самом деле этих детей никому не показывают, «придерживая» для иностранцев, а липовые отказы собирают с кандидатов, которые не хотят портить с опекой отношения и «готовы помочь». Подумайте, в чем вы участвуете, соглашаясь на такую «невинную» просьбу подписать фальшивые отказы.

Наконец, еще один вид недобросовестного поведения с целью удержать ребенка в учреждении, – манипуляции на тему «его вот-вот заберет мама (папа, бабушка, тетя)». Конечно, любой нормальный человек не станет вставать между ребенком и его родной семьей, заберет – и прекрасно, дай им Бог всего хорошего. Однако в реальности часто оказывается, что никаких серьезных намерений у семьи нет, ребенка они не навещают, документы собирать и не начинали. Поэтому если вам говорят, что «ребенка вот-вот заберут», спокойно отвечайте, что вы будете просто счастливы, если так оно и будет, но хотели бы узнать, насколько велики шансы на это. Спросите, есть ли заявление от мамы (или других родственников), собраны ли документы, навещают ли они ребенка, как

скоро планируется его возвращение в семью. Если чувствуете, что игра идет нечистая, проконсультируйтесь с юристом.

Помните, что как гражданин вы имеете право написать в прокуратуру о любом ставшем вам известном факте нарушения прав ребенка (даже если вы ему никто), а искусственное торможение семейного устройства ребенка-сироты есть не что иное, как нарушение его прав.

Доброжелательность, твердость, информированность – вот залог вашего успешного общения с сотрудниками органов опеки. Не будьте нетерпеливы, никто не обязан по первому вашему требованию выдать вам желаемого ребенка. Процедура подготовки документов для получения заключения ничуть не более сложная и долгая, чем оформление всех необходимых документов и прохождение обследования при беременности и родах. Дети требуют сил и времени, что тут поделаться. Настройтесь на успех, организуйте все четко – и вы пройдете все необходимые инстанции без лишних мучений.

И последнее, но очень важное. Если вам повезло и встретился по настоящему профессиональный и доброжелательный сотрудник, если он ради того, чтобы помочь вам и ребенку, задерживается на работе, ускоряет какие-то формальности, всячески вам помогает и поддерживает – не поленитесь, напишите ему благодарственное письмо или оставьте хороший отзыв на сайте соответствующего ведомства. И конечно, когда все свершится и ребенок у вас дома освоится и расцветет, обязательно подарите такому человеку свои новые семейные фото – это очень вдохновляет (особенно это относится к сотрудникам детской опеки, ведь работники вашей опеки вас и так будут периодически видеть).

Какую форму семейного устройства выбрать?

Вам предстоит определиться также с формой семейного устройства ребенка. Решение о форме устройства зависит от того, что может и чего хочет семья, и от того, что хорошо для ребенка. Поскольку система семейного устройства еще толком не сложилась, форма, на которую берет ребенка конкретная семья, часто определяется вовсе не желанием родителей и даже, к сожалению, не интересами ребенка, а неким стечением обстоятельств. Например, в данном регионе сейчас развивают (читай – продвигают) именно эту форму; данное учреждение, где находится ребенок, работает по определенной модели, и т. д. Чаще всего семья берет ребенка на ту форму, на которую оказывается – опять-таки в силу обстоятельств – проще взять данного конкретного ребенка в данном конкретном учреждении. Все остальные соображения учитывается во вторую очередь. Многие семьи предпочитают те формы устройства, которые предусматривают помощь родителям и ребенку со стороны специалистов и сохранение за ребенком льгот. Другим важнее быть полностью ответственными за ребенка, дать ему свою фамилию, сделать наследником, то есть усыновить.

Иногда данному ребенку подходят только определенные формы устройства. Например, если его мать ограничена в родительских правах по болезни, он не может быть усыновлен. И наоборот, если это – отказной младенец без особых проблем со здоровьем, опека может настаивать на усыновлении, поскольку в данном случае это в интересах ребенка.

На сегодняшний день в России используются разные формы семейного устройства детей, оставшихся без родителей, и мы сейчас очень кратко их рассмотрим.

При **усыновлении** приемный ребенок с правовой точки зрения полностью приравнивается к родному. Усыновители могут дать ему новые имя и фамилию, сменить дату рождения в документах и имеют право сохранить усыновление в тайне. При этом ребенок теряет все пособия и льготы, положенные ему как сироте^[8], а семья не получает никакой дополнительной поддержки от государства, все возникающие проблемы родители решают сами.

Процедура усыновления несколько более сложная, чем, например, взятие под опеку, поскольку законом предусмотрены определенные ограничения по возрасту и уровню дохода семей, ребенок должен иметь

статус, подходящий для усыновления, а решение о передаче ребенка на усыновление принимает только суд.

Опекунами чаще всего становятся родственники ребенка или другие близкие люди (друзья семьи, соседи). Однако в последние годы бурно развивается неродственная опека: по мере того как тайна усыновления перестает быть значимой для принимающих семей, очень многие делают выбор между усыновлением и опекой в пользу последней, поскольку процедура оформления проще и помощи больше.

Становясь опекуном ребенка, человек берет на себя всю ответственность за него, его жизнь, здоровье, воспитание и обучение, защиту его прав и интересов. Опекун обязан проживать вместе с ребенком. За ребенком сохраняются сиротские выплаты и льготы, опекун получает пособие на ребенка, за ребенком сохраняется его жилплощадь и, при отсутствии таковой, право на получение квартиры после достижения совершеннолетия^[9]. Опекун может рассчитывать на помощь в организации обучения, отдыха и лечения ребенка, но отстаивать эти и все другие права ребенка, ходить по инстанциям, оформлять документы опекуну приходится самому. Процесс воспитания ребенка контролируется органами опеки и попечительства, которые имеют право посещать семью, интересоваться расходом средств, полученных на ребенка. Важно, что ребенок, живущий под опекой, имеет возможность сохранять связи со своими кровными родственниками, если это не противоречит его безопасности.

Возмездная опека, или **приемная семья**, – форма семейной замещающей профессиональной заботы, при которой родитель заключает договор о воспитании ребенка у себя дома и берет на себя определенные профессиональные обязательства. То есть, по сути, это надомная работа по воспитанию ребенка-сироты. Воспитатель получает не только пособие на ребенка, за которое регулярно отчитывается, но и небольшую заработную плату. Уровень контроля со стороны государственных органов довольно высокий, порой это создает проблемы.

В приемную семью может быть устроен любой ребенок, любого возраста, с любым юридическим статусом, в том числе ребенок, который имеет шанс вернуться в кровную семью. Приемный родитель не имеет права препятствовать контактам ребенка с родственниками, если они ему показаны (по решению специалистов опеки).

Поскольку форма эта создавалась довольно поспешно и внятного ее описания именно как формы семейной профессиональной замещающей заботы нет, она сейчас носит довольно противоречивый, двойственный характер. С одной стороны, приемные родители заключают договор о

воспитании ребенка и кроме пособия получают зарплату. С другой – далеко не везде они получают профессиональное сопровождение, да и сами себя не всегда ощущают профессионалами. Работа это или родительство? У меня нет ответа на этот вопрос. Судя по всему, в данный момент каждый трактует эту форму так, как ему удобно. Например, многие приемные семьи ухитряются растить детей с тайной усыновления, что само по себе полный нонсенс.

Как бы то ни было, именно формы семейной замещающей заботы позволили в развитых странах решить проблему детских домов, потому что формы традиционные, такие как усыновление, имеют ограниченную «емкость», на них обычно легко берут только детей маленьких и довольно благополучных, а устроить любого ребенка можно именно в семью профессиональную. Да и не всем детям нужна семья навсегда. Поэтому если в вашей семье один или оба родителя чувствуют, что, возможно, их подлинное призвание – именно воспитание детей, подумайте всерьез о приемной семье не просто как о способе взять ребенка, а о способе возможной профессиональной реализации. Есть немало детей, попавших в трудную, порой трагическую ситуацию, которым нужна семья, чтобы пережить непростое время.

Бывает так: мама одна растила ребенка, близких родственников нет. И вдруг мама осуждена и попала в тюрьму. Ничего кровавого, растрата, например, но – приговор есть приговор. И вот ее ребенок, домашний, любимый, оказывается в детском доме. Представляете, каково ему там? Несколько лет в казенном учреждении – и он обретет кучу диагнозов, забросит учебу и получит эмоциональную травму, от которой не факт, что сможет оправиться. При этом усыновлению он не подлежит, да это было бы и неправильно, ведь у него есть мама и она вернется. Семья, которая хочет взять ребенка насовсем, здесь не подходит. А у вас уже есть дети, вам не так страшно принять ребенка на время, чтобы потом вернуть матери. Он мог бы пожить у вас в гостях, как пожил бы, например, у своих тети и дяди, если бы они у него были.

Другой случай: из семьи изъяли маленького ребенка, на выяснение его будущего, в том числе юридического статуса, требуется какое-то время, это может занять полгода или год. До этого времени постоянных приемных родителей ему найти нельзя. Пребывание в учреждении для ребенка – травма, тем большая, чем он младше. Для малыша, оказавшегося в такой ситуации, просто спасением будет семья, которая сможет взять его пожить, пока все не определится. А позже его постоянным приемным родителям будут очень полезны ваши советы, как найти с ребенком общий язык.

Если вы чувствуете, что это – для вас, обязательно скажите об этом при визите в опеку. Таких семей мало, и они очень нужны.

В целом при выборе формы устройства в тех пределах, в которых это зависит от вас, нужно придерживаться принципа: чем больше соответствия между формой и реальным положением дел, тем лучше. То есть если вы берете одного маленького ребенка, чтобы растить его как «совсем своего», не стоит оформлять приемную семью – усыновляйте (кроме случаев, когда ему нужно серьезное лечение или его состояние требует, чтобы один из родителей не работал и занимался только ребенком). Если ребенок помнит и любит своих кровных родителей, а вы становитесь для него скорее родственниками, опекунами, усыновление, напротив, может ранить его и исказить ваши отношения. Бывает, что семьи приходят к усыновлению через несколько лет жизни вместе с ребенком, по обоюдному решению, это тоже нормально: почувствовали себя по-настоящему родными – оформили это юридически.

Если забрать ребенка нужно срочно (например, маленького из дома ребенка, ребенка в состоянии острого горя из приюта, ребенка, которому очень тяжело находиться в учреждении), не забывайте, что есть такая форма, как **временная опека**. Она оформляется на основании паспорта и акта осмотра жилищных условий буквально за один день, и вы получаете месяц или два, чтобы собрать все необходимые документы и уладить все формальности. Органы опеки не очень любят эту форму, чтобы не брать на себя ответственность, придумывают всякие отговорки, что это только для родственников или что решение нужно утверждать еще в пяти инстанциях. В этом случае имеет смысл устроить чтение вслух Семейного кодекса, там все написано.

Ближний круг

Несколько лет назад моя бывшая ученица провела год в Германии, в семье, усыновившей четырехлетнего русского мальчика. Девушка свободно владеет немецким и при этом прекрасно ладит с детьми, поэтому семейство пригласило ее пожить вместе с ними на правах няни, чтобы облегчить ребенку период адаптации. В момент усыновления мальчик производил тяжелое впечатление, он практически не говорил и вообще не поднимал глаз, никогда не отрывая подбородок от груди, – просто волчонок какой-то. Видимо, ребенок пережил какое-то потрясение, шок, но подробности были неизвестны.

Прошел год, девушка вернулась и показала фотографии, на которых мальчишка сияет невероятно счастливой улыбкой: вот он едет на велосипеде, вот бежит, раскинув руки, по лугу, вот в обнимку с ней, с родителями. Знаете, что ее поразило больше всего? Реакция окружающих. Семья жила в обычном провинциальном немецком городишке: частные дома, небольшие участки, все друг друга знают. Конечно, знали, и откуда мальчик. Так вот, все без исключения соседи и знакомые считали просто своим долгом при каждой встрече сказать ребенку доброе слово, рассказать что-то интересное, попытаться мягко вовлечь в разговор, что-то подарить, чем-то угостить. Ни один взрослый не обиделся, что ему не отвечают, не принялся «воспитывать», не спросил приемных родителей: «Он у вас что, больной?» и не сказал своему ребенку: «Не играй с этим мальчиком, он странный какой-то». Малыш получал постоянный эмоциональный «теплый душ» от каждого встречного и поперечного, и, конечно, в том, что он так быстро оттаял, большая заслуга не только его любящих родителей и молодой няни, но и всех этих людей.

Я очень надеюсь дождаться времени, когда и у нас подобное отношение к приемным детям и приемным семьям станет обычным. Но пока, увы, надо понимать, что вы не застрахованы от реакций всякого рода. Возможно, найдутся доброхоты, которые будут прямо при ребенке жалеть «сиротиночку» и клясть «мамаш-наркоманок». Или те, кто прямо спросит у вас: «Зачем вам это нужно? Кто-то бросил, а вы подобрали!» Может быть, даже попадутся родители в группе детского сада, которые будут про себя или вслух ворчать, что не понимают, почему это их нормальные дети должны быть вместе с «детдомовским».

Конечно, это будут отдельные эпизоды, а многим приемным семьям

вообще практически не приходится сталкиваться с негативной реакцией окружающих, но готовым к этому быть нужно. Потому что вы в первую очередь отвечаете за ребенка (и своих родных детей, если они что-то подобное услышат). А дети воспринимают действительность так, как ее воспринимают авторитетные для них взрослые, прежде всего – родители. Если завтра с неба начнут падать камни, а мама будет весела и спокойна, ребенок решит, что так и должно быть и это даже забавно. Но если ребенок чуть порезал палец, а мама почти в обмороке – он будет уверен, что случилось нечто ужасное и ему грозит большая опасность. Поэтому прежде всего помните: вашего ребенка никакие бестактные слова и поступки окружающих серьезно ранить не могут, по крайней мере лет до 10. Если вы в ответ лишь пожимаете плечами или даете вежливый, но твердый отпор, ребенок и минуты не потратит на переживания из-за слов постороннего человека – есть занятия поинтереснее. Но стоит вам напрячься, сжаться от обиды или гнева, отреагировать резко или заговорить со слезами в голосе, и ребенок перепугается, расстроится, разозлится. Несколько повторений – и вот у него уже стойко нарушена самооценка, он уверен, что «не такой, как все», и сам уже боится бывать в новых местах, избегает общения с детьми. Дальше мы поговорим о том, как объяснять ребенку подобные ситуации, как заблаговременно психологически защитить его от «тактичных» граждан.

Очень важно, чтобы все взрослые члены семьи еще до прихода ребенка мысленно проиграли возможные ситуации «не того» поведения окружающих и выработали общую линию поведения. Если чувствуете, что не сможете справиться с собой, – найдите специалиста, с которым можно будет проработать свои страхи. Многие семьи рассчитывают, что смогут избежать неприятностей, сохраняя тайну усыновления. Советую не обольщаться. Ведь если вы не преодолеете свои страхи, то напряжение у вас будет возникать все равно при любом, даже непрямом прикосновении к теме, и это чревато еще большими трудностями. Ребенок будет смутно чувствовать, что с ним «что-то не так», но даже не сможет поговорить об этом с вами, потому что вы опять-таки будете напрягаться и закрываться при любых попытках. Невроз ему гарантирован.

Кроме того, мы очень часто получаем от окружающего мира именно ту реакцию, которую сознательно или подсознательно ожидаем. Родитель, уверенный, что ему ужасно повезло, что у него есть теперь такой чудесный ребенок и все вокруг, наверное, рады за него, а может быть, и немного завидуют, имеет гораздо меньшие шансы услышать гадость, чем тот, кто постоянно ждет нападения. Сообщайте о своем новом ребенке не

извиняющимся приглушенным тоном, а с гордой улыбкой – и услышите в ответ комплименты и слова поддержки. Если же нет... Хотя и редко, но бывают ситуации, когда приходится давать жесткий отпор. Помнится, одной приемной маме, которую буквально донимала при каждом визите участковый педиатр вопросом: «Нет, вы скажите, зачем вам это было нужно, головная боль такая, а?» я посоветовала ответить так (не при ребенке, конечно): «Чтобы он не вырос в детдоме злым и несчастным и не прирезал потом где-нибудь в подворотне вашего родного ребенка». Сработало.

Надо сказать, что, общаясь с приемными семьями год за годом, я замечаю, как постепенно общественное мнение меняется в лучшую сторону, становясь все более дружелюбным по отношению к детям и их приемным родителям. И здесь многое зависит от вас самих. Ведь многие бестактны не со зла, а по незнанию, человек просто не представляет, как себя правильно вести. Если это не случайный встречный, а близкий знакомый, скажите ему о своих чувствах, когда он говорит то-то и то-то, поделитесь своими опасениями, что это может ранить ребенка. Прямо скажите о том, что вам важно услышать. Не стесняйтесь попросить друзей и близких: «Знаете, мы ведь с ним каждый день, заматываемся и не все замечаем. Если вы видите какие-то успехи, сдвиги к лучшему, новые симпатичные черточки – скажите нам обязательно, нам это очень нужно».

В общем, будьте готовы к тому, что теперь у вас появится постоянная «общественная нагрузка»: день за днем, понемногу, пользуясь каждым удобным случаем, менять общественное мнение, приближать то золотое время, когда приемных детей – не только вашего, а всех – и их родителей будут и у нас в стране встречать с пониманием, теплом и поддержкой.

Каким он будет?

Обычно представление о будущем ребенке так или иначе сводится к двум идеям: «совсем маленький, чтобы был полностью наш» или «постарше, но до 5 лет, чтобы успеть подготовиться к школе». Или пресловутая «здоровенькая трехлетняя девочка с голубыми глазами из хорошей семьи, родители погибли в автокатастрофе», чей образ давно стал у специалистов по семейному устройству символом нереальных ожиданий и явной неготовности кандидата к тому, чтобы стать приемным родителем.

Чем же так плоха эта самая девочка? Да всем хороша, кроме одной небольшой детали – таких детей в детских домах нет. Если у ребенка «из хорошей семьи» оба родителя погибают, то эта самая хорошая семья костями ляжет, но кровиночку в детский дом не отдаст. Там обычно оказываются дети, все беды которых не сводятся к «автокатастрофе» и начались, скорее всего, задолго до их рождения. Подавляющее большинство воспитанников сиротских учреждений – не сироты (они социальные сироты: родители живы, но лишены родительских прав), не девочки (а мальчики), не трехлетние (большинство – подростки) и не очень-то здоровы. Ну и с голубыми глазами тоже возможны проблемы, поскольку все больше детей «национальных», рожденных приезжими из стран СНГ.

Если эта информация вас расстраивает, то лучше данное разочарование пережить заранее, еще до того, как вы начнете серьезно готовиться к приему ребенка. Тут важно с самого начала отдавать себе отчет: ребенка, которого вы придумали, ни в одном детском учреждении нет. Зато там есть другие дети, возможно, не такие здоровые, трехлетние и голубоглазые, возможно, с непростым характером и поведением, но живые, чувствующие, страдающие, и им очень нужны родители.

В самой по себе фантазии об идеальном ребенке нет ничего зазорного, вопрос в том, способны ли вы погрузиться о том, что это – лишь фантазия, да и отпустить ее с миром. На моей памяти не раз (и даже не сто раз) люди, пришедшие с мечтой о трехлетней здоровой девочке, становились прекрасными родителями тринадцатилетнему мальчику, или брату с сестрой, или ребенку с каким-то заболеванием. Опыт показывает, что потом эти родители вовсе не жалеют о том, что «расширили коридор возможностей» и обрели ребенка такого, какой есть, а не какого выдумали. Поэтому давайте попробуем подумать о вашем будущем ребенке без идеализаций и фантазий, в более, так сказать, практичном ключе.

Большой или маленький?

Вопрос, который обычно встает одним из первых: возраст. И здесь немало мифов и заблуждений. Например, считается, что чем меньше ребенок, тем легче будет ему сформировать привязанность к приемным родителям. Иногда даже приходится слышать страшилки, что если ребенку больше девяти месяцев, привязанность не сформируется у него уже никогда. Все это довольно далеко от истины.

Конечно, если вы настроены брать младенца, постарайтесь сделать это как можно быстрее: каждый месяц и каждый день, проведенный ребенком в учреждении, во-первых, является для него мучительным, во-вторых, замедляет его развитие и ухудшает здоровье, в-третьих, означает для вас в будущем более долгую и сложную адаптацию. Поэтому как нашли ребенка, как поняли, что готовы его взять, – не тяните, забирайте, иногда можно договориться оформить предварительную опеку на время улаживания формальностей.

В целом же возраст – не главный показатель того, насколько сложно будет ребенок приживаться в новой семье и как будет развиваться привязанность. Тринадцатилетний подросток может оказаться в этом смысле более «легким», если первые годы его жизни прошли в семье, в которой не было ничего ужасного, чем двухлетка, росший в плохом доме ребенка или в семье в ситуации крайнего пренебрежения и насилия. Конкретный ребенок и его обстоятельства, а также ваша готовность справляться с трудностями намного важнее, чем формальный возраст.

Что касается очень распространенной идеи «успеть подготовить к школе» – иногда складывается впечатление, что детей для того только и берут, чтобы они в школе хорошо учились. Зачем делать из первого класса Судный день и такую важную веху? Если у ребенка сильная задержка развития, вы все равно ее не преодолеете ни за год, ни за два. И если он уже учится в школе, ему все равно придется помогать, потому что интернатское обучение обычно одно название. Не привязывайтесь к этой дате, в конце концов, всегда можно пойти в школу на год позже, или пропустить год, или вернуться на класс назад. Школа – не смысл жизни и не смысл родительства, правда ведь?

Всех детей, вынужденных жить без семьи, очень жалко. И малышам, страдающим от одиночества, и подросткам, которые не верят, что их кто-то захочет взять. Мне всегда очень жалко старших дошкольников и младших

школьников, которые сначала ждут и верят, что за ними придут, а потом постепенно теряют надежду – ведь «больших не берут». Поэтому подумайте, взвесьте, совсем малышкой и так в основном разбирают быстро – вдруг вы сможете взять ребенка постарше? Особенно если это не первый ваш ребенок и вы в свое время уже нанялись, а сейчас есть опыт и желание помочь тому, кому оказать помощь намного меньше желающих.

Еще один важный момент. Иногда приходится слышать мнение, причем весьма категоричное, что приемный ребенок должен быть обязательно младше родного. Мол, так сохраняется естественная иерархия, кто раньше пришел в семью, тот и старше, а если она нарушается, могут быть ужасные последствия. Все это, если честно, сильно преувеличено. Я знаю множество семей, которые, имея своих детей младшего возраста, брали приемных постарше – и все у них было хорошо. В чем-то даже легче – от маленького ребенка меньше риск услышать «или я, или он», он все принимает как данность, а приемные дети обычно охотно берутся с малышами. Другой вопрос, что если у вас дома двое или больше маленьких детей, это само по себе большая нагрузка, и вопрос, сможете ли вы потянуть еще одного ребенка, возможно, с непростым поведением.

Исключение здесь одно: встречаются иногда дети, которые в силу личностных особенностей или после перенесенных психотравм очень плохо воспринимают маленьких и слабых, проявляют к ним агрессию. Их немного, но, сами понимаете, если это окажется ваш случай, а в доме младший ребенок, жизнь малиной не покажется. Обычно эта особенность проявляется уже в учреждении, о ней знают воспитатели. Просто поговорите с ними, спросите деликатно: а как он с маленькими? Не обижает? И узнав ответ, принимайте решение.

Что со здоровьем?

Редкий детдомовский ребенок имеет запись в медицинской карте «практически здоров», все дети имеют социально-педагогическую запущенность, нарушения развития речи, многие – задержку психического развития (ЗПР). У многих детей наблюдаются невротические реакции, высокая тревожность, агрессивность, неконтактность, часто встречаются энурез, нейродермиты, гастриты и прочие психосоматические заболевания. При этом надо понимать: то, что написано в медицинской карте ребенка, дает не очень ясное представление о его состоянии.

Возможна гипердиагностика, например диагноз «умственная отсталость» детям часто ставят, потому что не хотят или не могут отличить задержку от органической проблемы, а еще потому, что в учреждениях для детей «с диагнозом» у персонала выше зарплаты и меньше наполняемость групп. Сколько я знаю таких деток, «умственно отсталых» по документам, а на самом деле живых, смысленных и талантливых!

Возможна и гиподиагностика – поленились обследовать, не придали значения симптомам, чай, не родители, которые на каждый кашель вскидываются. Не вылеченные вовремя, запущенные заболевания, не сделанные в срок операции – к сожалению, все это не редкость.

Да и сами диагнозы порой столь расплывчаты, что мало что говорят. Например, страшное слово «энцефалопатия» может значить все что угодно, от состояния «овоща» и полной необучаемости до полного отсутствия симптомов, ребенок как ребенок. Просто часто срыгивал в первые месяцы жизни (а чего бы ему не срыгивать, если кормили из бутылки с огромной дыркой, чтобы поскорее).

Из этого следует, что не стоит основывать свое решение только на том, что написано в анкете или медкарте. Посмотрите на самого ребенка, пообщайтесь с воспитателями, с врачом, соберите информацию о его заболеваниях в Интернете, посоветуйтесь с независимыми медиками. Спрашивайте конкретно: что эта болезнь будет означать для вашей семьи? Денежные траты? Невозможность отдать в детский сад? Необходимость строгой диеты? Прием лекарств по часам? Регулярные обследования? Согласитесь, вопрос: «Могу ли я взять ребенка с ВИЧ?» вызывает ступор, а вопросы: «Смогу ли я строго соблюдать протокол приема лекарств и какие есть гарантии, что эти лекарства у ребенка всегда будут?» или «Смогу ли я обеспечить безопасность остальных членов семьи и что для этого нужно?»

– гораздо более конкретные и полезные для дела. Прежде чем пугаться и шарахаться от диагноза приглянувшегося вам ребенка, узнайте, какие есть возможности лечения, льготы, благотворительные программы. Сейчас довольно много общественных организаций поддерживают семьи, принявшие на воспитание больных детей или с особенностями развития, а это значит, что вы не останетесь один на один с проблемами – медицинскими, денежными и психологическими.

К сожалению, иногда будущих приемных родителей запугивают сами специалисты, даже в ШПР, неверно подавая информацию. Вспоминаю одну пару, которая приехала ко мне на консультацию из далекого города. Они познакомились с девочкой пяти лет из подшефного детдома, ребенок запал в душу, хотели взять домой. Но оказалось, что бабушка девочки больна шизофренией. «А в ШПР нам говорили: если у родственника шизофрения, то у ребенка вероятность заболеть в пять раз выше! И что же делать, брать ребенка, чтобы смотреть, как он сходит с ума? Но мы ее уже любим! Но в пять раз!» Я им говорю: «У каждого из нас вероятность заболеть шизофренией около 1 %, а если есть больные среди родственников – то может быть и 5 %». «5 %? Всего-то?» – воскликнули они и, наскоро попрощавшись, буквально выбежали из кабинета со словами: «Мы еще успеем на обратный поезд». Побежали, значит, за ребенком. Обратите внимание, что формально я сказала то же самое, что они услышали в ШПР. Но там они услышали это как приговор, а сейчас вдруг поняли, что это лишь риск, опасный, но не слишком вероятный. Не дайте себе пройти мимо своего реального, в руки идущего счастья, испугавшись гипотетических несчастий. К сожалению, от подобных заболеваний не застрахован никто, в том числе и самые родные и любимые дети. Кроме шизофрении любого ребенка подстерегает еще множество опасностей, болезней и несчастий. Стоит ли так заикливаться? Или лучше делать то, что просит сердце, и верить в лучшее? Ведь что бы ни случилось, никто не отнимет у вас сегодняшней любви, нежности, близости.

Кроме того, как показывает опыт, многие болезни, даже довольно тяжелые, хронические и с плохим прогнозом, вдруг начинают растворяться и уходить куда-то сами по себе по мере того, как ребенок осознает, что нужен и любим.

В общем и целом суть этого этапа принятия решения – **перейти от вопроса: «Какого ребенка мы хотим?» к вопросу: «Какому ребенку мы сможем помочь?»** Как только это у вас получится, вы почувствуете огромное облегчение. Потому что найдете гораздо более правильную, человеческую роль: не покупателя, перебирающего «товар», а взрослого

человека, обладающего определенными ресурсами и готового ими поделиться с ребенком, который в вас нуждается. Сразу станет понятно, что еще нужно узнать и сделать, сами собой придут нужные вопросы, на которые следует раздобыть ответ, и встреча с вашим – вашим, хотя ни вы, ни он об этом еще не знаете – ребенком станет совсем близкой.

«Как понять, что это наш?»

Итак, решение принято, вы примерно представляете себе, какой ребенок может войти в вашу семью. Следующий вопрос: как его искать и как понять, что это тот самый? Детей вроде много, и база данных в Интернете есть, и в журналах печатают рубрику «Им нужна семья». Однако на деле все бывает непросто.

Мне приходилось видеть, как потенциальные приемные родители, уже получившие на руки заключение опеки, сидят в небольшой комнате регионального банка данных и листают папки с личными делами детей. В папке находится небольшая фотография, раньше черно-белая и мутная, сейчас все чаще цветная и качественная. Скупые строчки: имя, статус, диагнозы. Мужчины и женщины растерянно листают папку за папкой, над некоторыми замирают, показывают друг другу. Кивают головой, качают головой. Вникают в буквенные обозначения заболеваний, спрашивают – это что?

Кто-то решительно откладывает в сторону папки мальчиков – им нужна дочка. Кто-то сразу смотрит на возраст. Кто-то – на тип внешности. Иногда засмотрятся на ребенка, но со вздохом тоже отложат: написано, что есть братья и сестры.

Странное зрелище, странный процесс. Как они выбирают? Что при этом чувствуют? Как этот выбор отражается на их будущей жизни с ребенком? И на какие грабли здесь можно наступить?

Часто приходится сталкиваться с установкой «найти своего ребенка, того самого, единственного, который где-то нас ждет». Такие родители, особенно мамы, иногда месяцами, а то и годами сидят, листая сайты с детскими фотографиями, и сочиняют сказки о том, как аист «ошибся» и отнес их ребенка куда-то в другое место. Обычно это бездетные семьи, которые берут приемного ребенка впервые, нередко именно они настроены свято блюсти тайну усыновления и даже готовы имитировать беременность.

Установка на поиск в детских домах «своего» ребенка, который попал туда по недоразумению, чаще всего говорит о том, что травма бездетности не проработана и не преодолена. Люди не приняли как данность невозможность родить ребенка и утешают себя фантазиями о «заблудившемся аисте». К сожалению, как мы уже говорили, это небезобидно, потому что после принятия ребенка в семью любое его

несходство, несоответствие ожиданиям, сам факт его приемности будут больно ранить. Родители будут жить в постоянной тревоге, что правда откроется, будут вести себя неуверенно, а это обязательно отразится на ребенке.

Важно осознать: того ребенка, которого вы не смогли родить или которого потеряли, нет ни в одном детском доме. Там есть другие дети, они замечательные, и им очень нужна семья. Погорюйте по поводу своей бездетности столько, сколько вам нужно, а потом уже идите не за «своим заблудившимся», а за приемным ребенком. Который, конечно, станет в свое время родным и самым-самым, но не благодаря тому, что вы его «нашли», а благодаря тому, что вы о нем заботились.

Часто семье кажется, что если ребенок внешне на них похож, с ним будет проще, он быстрее станет «совсем родным». На самом деле от внешности это зависит в последнюю очередь. Купившись на внешнюю похожесть, нередко берут детей, с которыми потом не в силах справиться, даже если об особенностях ребенка предупреждают специалисты. С другой стороны, сходство – понятие очень относительное. Восприятие человека зависит не только от врожденных черт лица, но и от мимики, привычных выражений. А все это дети быстро перенимают у приемных родителей. Иногда диву даешься – были совсем разные, а через пару лет – явно родственные черты проступают. В одной моей знакомой семье растет мальчик южной внешности, темноглазый и кудрявый, а их родная дочь, одного с ним возраста, типичная славянка, русая и сероглазая. Однажды приемная мама со смехом рассказывала, как ее спросили: у вас дети – близнецы? Так что похож он на вас станет в любом случае, никуда не денется. Сейчас можно об этом не думать.

Кто-то ждет, чтобы «екнуло», чтобы «сердце отозвалось». Действительно, некоторые приемные родители вспоминают, как, увидев в первый раз своего будущего ребенка, словно узнали его, у них замерло сердце, перехватило дыхание, потекли слезы и т. д. Так бывает, как бывает и любовь с первого взгляда. Это скорее исключение, чем правило, обычно взаимное влечение возникает все же не с первого взгляда и не с первой встречи. Но самое главное – не в этом. Любовь с первого взгляда совершенно не гарантирует долгой и счастливой совместной жизни. Она просто означает, что увиденный человек очень точно попадает в наши неосознанные ожидания, кажется отвечающим каким-то затаенным потребностям души. Очень часто потом оказывается, что это лишь показалось. Или что потребности вовсе не те, которые следует удовлетворять (например, девочки, выросшие с жестокими отцами, часто

выбирают в мужа склонных к насилию мужчин, причем обычно влюбляются как раз «с первого взгляда»). Потому к «еканью» надо относиться философски. Случилось – хорошо. Это не отменяет всей остальной процедуры принятия решения, о которой тут идет речь. Не случилось – тоже ничего страшного, из-за этого отказываться от ребенка глупо. Можно так всю жизнь прождать «еканья» и остаться без ребенка.

Когда ребенок сразу нравится, вызывает симпатию – это замечательно. Это облегчает контакт на первых порах, придает родителям сил, улучшает их настроение. Однако есть тут один подвох. Часто умение нравиться взрослым, с первых слов их очаровать является как раз признаком формирующегося расстройства привязанности. Такой ребенок, оставшись без родительской любви, как бы решает собрать ее с миру по нитке, он научается неотразимому обаянию, становится любимцем воспитателей, звездой группы и за счет всеобщего восхищения скрашивает себе сиротскую жизнь. К сожалению, часто такие дети потом с трудом отказываются от поверхностных отношений и решаются на глубокие чувства. С этим тоже можно справиться, но лучше за такую задачу браться опытным родителям, которые не нуждаются в быстрых ответных чувствах ребенка. Если же в семье это единственный ребенок и с ним связаны все родительские надежды, поверхностность его чувств и манипулятивность поведения может стать тяжким испытанием. Есть риск, что родители разочаруются и впадут в отчаяние раньше, чем ребенок решится наконец их полюбить. И напротив, невзрачный «заморыш», который сидит в уголке и не решается приблизиться и заговорить, может быть, как раз терпеливо ждет, когда будет кого полюбить и кому открыться. Часто так и бывает.

Есть семьи, которые говорят: «Ребенок не товар, чтобы его выбирать. Мы возьмем первого попавшегося». Это очень достойная позиция, ведь в самом деле – когда ребенок рождается, его не выбирают. Какой родился, такого и любят. И все же есть одно «но». Когда ребенок рождается, даже если он не совсем здоров или не того пола и внешности, как хотелось, все мощные силы природы работают на то, чтобы у матери и отца сформировалось отношение любви, заботы, ответственности по отношению к нему. Женский организм вырабатывает определенные гормоны, сам ребенок активно работает, создавая привязанность. Поэтому даже если в первые часы и дни после родов никакой особой родительской любви и счастья не чувствуется, обычно очень скоро все «положенные» чувства приходят. В случае с приемным ребенком нет природной поддержки. Привязанность предстоит создавать сознательными усилиями. И в этом процессе очень важно, чтобы ребенок был принят телесно.

Никто толком не знает почему, но действительно есть некое чувство «своих детей». Вот смотришь на детей знакомых, на ребят на детском празднике – и часто очень отчетливо различаются дети «свои» и «не свои». Это не зависит ни от пола, ни от возраста, ни от того, насколько ребенок красив и ухожен. Просто к одним руки так и тянутся, хочется их обнять, потискать, а другие телесно «чужие». Так же как в отношении взрослых не всякий человек, даже объективно красивый, кажется нам притягательным. Как ни крути, мы во многом все-таки животные, и с этой нашей природой надо считаться. Собака может принять чужих щенков и выкормить как своих, а может зарычать и отказаться. От чего это зависит? Никто не знает. Она их обнюхивает и решает. И потом ее бывает трудно переубедить. Конечно, мы разумные существа и можем подчиниться требованиям разума и совести, но стоит ли так себя ломать?

Речь не идет о единственном «вашем» ребенке, том самом, которого необходимо найти. «Ваших детей» среди воспитанников домов ребенка и детских домов много, большинство вполне «ваши». Но прежде чем принимать решение о том, что вы станете родителями конкретному ребенку, прислушайтесь к своему природному началу. Неважно, как он выглядит, неважно, какой он национальности, и даже неважно, как он сам на вас отреагирует. Просто возьмите на руки, посадите на колени, обнимите, вдохните запах. Вам нормально? Не надо, чтобы что-то «екало», просто – нормально? Сопротивления, отторжения нет? Значит, ваш. В ходе повседневной заботы придет и любовь, и чувство родности. Если же тело протестует, если прижать ребенка к себе вы можете только после волевого усилия – подумайте сто раз. Возможно, вам придется долго и мучительно перебарывать себя, а ведь для кого-то другого этот же ребенок сможет оказаться самым родным и желанным.

В идеале помогать семье найти ребенка должны специалисты служб по семейному устройству. Вернее, они должны искать семьи для тех детей, которые в этом нуждаются, и, хорошо зная особенности семьи, ее возможности, опираясь на свой профессиональный опыт, предлагать ей познакомиться с конкретным мальчиком или девочкой. Мне много раз приходилось наблюдать, как в случае профессиональной работы семья, даже взяв ребенка, совсем не похожего на «заранее придуманного», была потом счастлива с ним. Ведь сама ситуация «выбора» ребенка на самом деле сомнительна с этической и психологической точки зрения. Одно дело – согласиться или отказаться в конкретном случае, взвесив все за и против, другое – листать анкеты и просматривать фотографии действительно как каталог. И потом при первых трудностях ловить себя на мысли – надо было

брать не этого, а того, тот бы так не сделал.

Вспоминается семья, которая очень хотела маленького ребенка, лет двух. Ребята были молодые, детей не было, хотелось понянчиться с самого начала. Но когда они познакомились (так получилось) одновременно с несколькими девочками и мальчиками, то так растерялись и почувствовали такую неловкость, что ушли, так ничего и не решив. Прошло несколько месяцев, мы позвонили им, чтобы узнать, как дела. И услышали: «А у нас уже есть сын, его зовут Витя, ему 11 лет. Мы очень счастливы!» Оказывается, знакомые из благотворительной организации попросили их приютить на каникулы кого-то из ребят, приехавших в Москву на экскурсию. Так они познакомились с Витей. А прожив с ним неделю вместе, подумали: «Кого нам еще искать? Вот же он, ребенок!»

Поэтому замечательно, если кто-то выступит в роли «аиста» или сама судьба подбросит такой вариант. Однако если пришлось рассчитывать только на себя, постарайтесь не придавать слишком большого значения процессу поиска. Мы не ясновидящие и не все в наших руках, не надо никого судорожно искать. Спокойно и не спеша проанализируйте свои возможности, определите список приемлемых – не желанных, а приемлемых – вариантов, а потом просто позвольте событиям идти своим чередом. Возможно, ребенка вам предложат в опеке, возможно, ваш – это просто тот, чья симпатичная мордашка первой выскакивает при нажатии кнопки «Искать» на сайте. Возможно, вы придете знакомиться с одним ребенком и вдруг поймете, что не можете уйти без вон того, страшенького, которого никому даже не предлагают. Возможно, о ребенке, которому очень нужна семья, вам расскажут знакомые волонтеры или приемные родители. Как бы то ни было, если у вас есть место в доме и в сердце для приемного ребенка, пустым оно не останется.

Идем знакомиться!

Итак, получено направление на знакомство, известен адрес детского дома, едем знакомиться. Страшно? Еще бы. Судьбоносный момент.

Сама процедура знакомства никак в законе не описана и проходит она на усмотрение учреждения. Где-то вас могут пригласить в группу и показать «вашего» среди других детей, чаще его приводят (приносят) к вам и дают возможность познакомиться поближе.

Как проводить знакомство – зависит от возраста ребенка и его реакции. Если это совсем мальш, что тут думать: смотрите, берите на руки, нюхайте, прислушивайтесь к себе. Понравился, обсудили с семьей – сразу подписывайте согласие. В последнее время иногда учреждения начинают настаивать на десяти встречах, чтобы «убедиться, что установлен контакт». Помните, что десять встреч для установления контакта и принятия решения – это ваше **право**, а не обязанность. Если вам хватило одной – значит хватило, если ребенок мал, устанавливая с ним контакт, а потом каждый раз уходить – довольно жестоко, лучше скорее забрать домой и там уже контактировать всюю.

Другое дело – ребенок постарше, особенно после 10 лет. Его нельзя просто взять за руку и увести домой (и по закону нельзя, и по совести). Важно, чтобы он сам захотел. Однако на это может понадобиться время, ребенок может стесняться высказать свое желание. Не спешите, пообщайтесь, походите к нему в гости, дайте понять, что уважаете его чувства и желания. Очень помогают фотографии дома и членов семьи (не забудьте про фото домашних питомцев – это самое то!). Возможно, ребенку важно услышать, что вы не будете против его встреч с родственниками. Возможно, у него есть старший брат или сестра в том же учреждении, которые уже не хотят в семью, но обсудить с ними переход их младшенького к вам, возможность общаться по телефону, встречаться обязательно нужно – это значительно снизит тревогу ребенка. Иногда ребенка старшего возраста имеет смысл сначала пригласить в гости на день-два, чтобы он освоился на новом месте постепенно.

Часто будущие родители бывают обескуражены, если ребенок дичится, не желает с ними разговаривать и вцепляется в воспитателя. Не пугайтесь, это нормально, он ищет защиты у знакомого взрослого, а вас еще совсем не знает и побаивается. Кстати, если он сразу бросается вам на шею с криком «мама!», это тоже равным счетом ничего не значит. Для

него любая тетя – «мама», а любой незнакомый человек – непонятен. Есть немало родителей, которые пережили жестокое разочарование, увидев, как их малыш ровно с тем же криком «мама» и объятиями бросается к подруге, соседке, продавщице в магазине. И есть немало историй, когда родителям приходилось долго и терпеливо «приручать» ребенка, особенно если у него был опыт жестокого обращения, а потом у них складывались прекрасные отношения.

Если речь идет о маленьком, до 5–6 лет ребенку, нельзя перекладывать ответственность за решение, быть ли вам вместе, на него. Это ваше и только ваше решение. Не хочет идти на контакт – наберитесь терпения и сделайте так, чтобы захотел. Что тут может помочь?

Во-первых, не «наскакивайте». Поговорите сначала при ребенке с воспитательницей, в дружелюбной манере, попросите ее рассказать о том, как устроена жизнь детей в учреждении, какой распорядок дня, что они любят, во что играют. На ребенка можно бросать короткие «заигрывающие» взгляды с улыбкой, немножко кивать и подмигивать, но не сверлить его глазами. Прежде чем взять его на руки, не забудьте сделать приглашающий жест руками и спросить: «Пойдешь на ручки?»

Если он совсем дичится, залез под стол, отворачивается, плачет, попробуйте сесть на пол и взять в руки игрушку. Начните с ней разговаривать: «Привет, я Марина, а это Костя. Мы тут пришли с мальчиком Даней познакомиться, а он немножко спрятался. Ничего, мы подождем, он скоро привыкнет и выйдет. А тебя как зовут? Может, Мишка?» Иногда уже в этот момент ребенок начинает отвечать за игрушку, иногда нужно больше времени.

Иногда бывает так, что ребенок сильно травмирован и приходится наводить мосты постепенно, по методу Маленького принца: каждый день приходите и садитесь на один шаг ближе. Можно оставлять ему сладости и подарочки и тут же отходить в сторону, чтобы он мог спокойно подойти и взять их. Хорошо оставить ребенку большую игрушку, с которой он сможет спать, свои фотографии, свою вещь – шарфик или бусы, какие-то забавные рисунки. Это позволит ему свыкнуться с вашим образом без стресса, наедине с собой. Помните – вам некуда спешить. Кончатся десять встреч – попросите в опеке дать направление снова, это в рамках закона.

Главное – не отступайте, не поддавайтесь на провокации, которые иногда начинаются со стороны сотрудников учреждений: «Вот видите, он к вам не хочет». Помните, что и ребенка могут настраивать против вас, если заинтересованы в сохранении «контингента». Доброжелательно, но твердо скажите, что у ребенка есть право жить и воспитываться в семье по закону

и если он в силу возраста, неразумия или пережитой травмы пока еще не хочет, значит ваша общая – вас и персонала – задача сделать так, чтобы он захотел. Попросите помощи психолога этого учреждения, сами обратитесь за консультацией – увидев, что вы никуда не исчезаете, а по-прежнему дружелюбны и надежны, ребенок обязательно сменит свой настрой и захочет познакомиться поближе.

Используйте свои визиты к ребенку, чтобы получить больше полезной практической информации о нем, беседуйте с воспитателями, психологом, врачом, логопедом, интересуйтесь, что ребенок любит есть и во что играть, чего боится, что его расстраивает. Постарайтесь узнать как можно больше о его истории, о семье, о том, какие травмы он мог пережить, – позже это поможет вам лучше понимать его поведение.

Пообещайте, что будете поддерживать контакт с учреждением, сообщать, как растет и развивается ребенок, по возможности приедете в гости. Воспитатели – тоже живые люди и беспокоятся за детей, им это важно.

Минус один – плюс один

Напоследок – взгляд на проблему с высоты птичьего полета. Мне всегда важно видеть в приемных родителях не просто людей, которым я чем-то могу помочь, а партнеров по общей работе – вычерпыванию бескрайнего горького моря российского сиротства.

Сегодня в России около сотни тысяч детей живут не в семье, а в детских учреждениях: детских домах, интернатах, домах младенца. Это дети, лишенные нормального детства и имеющие не очень хорошие шансы на благополучную жизнь, потому что никакой самый прекраснейший детский дом не дает ребенку того чувства защищенности, того посыла жить и развиваться, который ему дает привязанность к «своему» взрослому.

С другой стороны, есть немало семей, которые хотели бы и в принципе могли бы воспитывать приемных детей. Но многие из них годами не решаются перейти к действиям или пробуют и отступают, и так проходят годы, пока несостоявшиеся приемные родители не старятся с чувством, что в их жизни что-то важное не состоялось, а дети тем временем вырастают в казенном доме.

Но почему? Почему не встречаются две возможные половинки счастливой будущей семьи? Почему люди, выразившие желание взять в семью ребенка, порой чувствуют себя в нашем обществе некомфортно? Разве это справедливо? В конце концов, они делают важное дело не только для себя и для своих приемных детей, но и для всего общества, берут на себя труд и ответственность, с которыми государство не справляется, да и не может справиться – чем заменишь родительскую любовь?

Сейчас уже многие слышали, что есть страны, в которых дети, оставшиеся без попечения родителей, не живут годами в сиротских учреждениях, они устраиваются на воспитание в семьи и там растут. Каждый взрослый человек в этих странах постоянно встречает рекламу служб семейного устройства детей: видит плакаты на улицах, находит проспекты в своем почтовом ящике. Это не абстрактная реклама, принятая в России: возьмите (там, где-нибудь вообще) ребенка. В этой рекламе указан конкретный телефон и адрес, по которому можно обратиться с вопросом: «Я хотел бы взять ребенка, с чего начать?» И в ответ с ним не будут разговаривать сквозь зубы, и не отправят сразу собирать некие справки, и не начнут рассказывать ужастики из серии «А вы знаете, какие это трудные дети? И зачем вам это надо?». Напротив, дадут понять, что ему рады, что ему помогут всем, чем только можно: предоставят всю возможную информацию, предложат специальные курсы подготовки к приемному родительству, вникнут во все его конкретные обстоятельства и проблемы и помогут принять взвешенное решение. Когда ребенок уже в семье, его новые родители или фостеровские (патронатные) воспитатели уверены, что случись что непредвиденное, столкнись они с какими-то трудностями, с которыми сами не справятся, они опять-таки смогут обратиться в службу по устройству детей и получить поддержку и помощь.

В странах с развитой системой служб устройства детей в семьи этим занимаются люди, для которых это основная работа, это их профессия. Не дополнительная нагрузка, не общественная работа, не подвиг – а просто ежедневный профессиональный труд. Они знают и умеют все, что необходимо именно для этой конкретной деятельности – найти для ребенка семью. И именно по тому, насколько успешно им это удастся, оценивается их труд. Неудивительно, что человек, обратившийся в службу, чувствует себя не помехой и не просителем, а полноправным – и важнейшим – участником важного и благого дела. Он не один со своими вполне естественными страхами и тревогами, он не должен «пробивать стену» и «доказывать, что не верблюд». И понятно, что в такой ситуации

гораздо большее число людей благополучно пройдет весь путь от впервые возникшей мысли «А что если...?» до пополнения семьи.

Важно и то, что происходит после устройства ребенка. Семья, когда-то «выбившая» себе право стать приемными родителями, вряд ли захочет поделиться своими трудностями с теми самыми людьми, которые, в ее представлении, ставили барьеры. Буквально вырвав ребенка из цепких лап государственной машины, родители будут молчать, как партизан на допросе (а то решат, что мы не справляемся, и отнимут). Так и молчат, пока отношения в семье не сломаются, да так, что уже не починишь. Даже если совсем замучились и готовы просить помощи – а куда идти со своими проблемами? Куда обращаться? Где найти специалистов, умеющих работать именно с приемными детьми и их родителями? Семья же, получившая в процессе подготовки опыт поддержки и сотрудничества, настроена иначе. Она готова просить, а порой и требовать помощи, и она знает, куда идти. Это замечательно, потому что в результате шансы справиться с трудностями и дальше счастливо жить со своим ребенком возрастают в десятки раз. Служба становится для семьи партнером, советчиком, проводником на непростом пути приемного родительства. А на всяком непростом пути, как известно, хороший проводник – едва ли не главное условие успеха.

Дети без родителей и родители без детей находят друг друга тогда, когда им помогают. Помогают люди, умеющие это делать. То есть работают службы семейного устройства, в которых есть психологи, социальные работники, юристы – все, кто помогает найти семью для каждого ребенка, а семье – подготовиться и стать хорошими приемными родителями. Это работает во всем мире, и это работает у нас – когда такие профессиональные службы создаются и действуют.

В свое время я семь лет проработала психологом в такой службе в Детском доме № 19 в Москве и могу сказать по опыту: если целенаправленно работать, то в семьи могут уйти практически все дети. Большие и маленькие, больные и здоровые, хулиганы и тихони, с братьями и сестрами, с кровными родственниками, с самыми разными жизненными ситуациями. Для каждого ребенка можно найти семью, которая его примет и поможет обрести нормальное детство, в котором есть мама и папа, дедушки и бабушки, братья и сестры, своя комната и свои игрушки, любимая кошка или собака, каникулы на даче, воскресный чай с домашним пирогом, колыбельная на ночь и рассветный пробег босиком по коридору, чтобы нырнуть к родителям под одеяло, чай с малиной и сказка при простуде, очень осторожно намазанная зеленкой коленка, на которую сто

раз подули, теплые объятия, в которых можно выплакаться, – все то, что образует фундамент нашей жизни, ее основу, источник силы для всех будущих испытаний. И семьи эти тоже могут быть разными: полными, неполными, молодыми и пожилыми, бездетными и многодетными, обеспеченными и малоимущими, пробивными и робкими. Самые обычные семьи.

* * *

Меня часто спрашивают, какими должны быть приемные родители. За много лет работы ответ у меня остался один: взрослыми. Они должны быть достаточно взрослыми. Все остальное вариативно. Прекрасно растить приемных детей могут люди вспыльчивые, рассеянные, застенчивые, малообразованные, вредные, легкомысленные, зануды – да разные встречаются, и все это ничего. Но они должны быть взрослыми не только по паспорту. Вам понадобится все, что вы накопили за свою взрослую жизнь: ответственность и организованность, способность к самоанализу и честность перед собой, знания и опыт, умение сотрудничать и договариваться, способность планировать и прогнозировать, сила духа и чувство юмора.

Я надеюсь, ваше решение принято по-настоящему, в глубине сердца и разума, осознанно и ответственно. Ваша приемнородительская «беременность» подходит к концу. Уже заняли свое место в детской кровать и стол, уже ждут нового хозяина игрушки, уже вся семья насмотрелась на фото, уже все документы в порядке. Все готово. Последний вечер в пока еще тихом доме. Или не тихом, все равно «пока еще». Завтра важный день. Завтра наступит время сказать и вам: «Минус один!»

Это там, в сиротском море, минус один, а у вас-то плюс, да еще какой!
С новой деткой вас, с новой жизнью!

notes

Примечания

О тайне усыновления и ее рисках см.: Петрановская Л.В. Дитя двух семей. – М.: АНО «Студио-Диалог», 2011.

Если вы предпринимали попытки ЭКО, должно пройти достаточно времени, чтобы ваше здоровье и психологическое состояние восстановились, – обычно не меньше полугода.

Содержание ребенка в учреждении, в зависимости от возраста, состояния здоровья и региона, обходится государству от 50 до 110 тыс. руб. в месяц. Даже на небольшую часть этих денег многие матери могли бы прожить со своими детьми первые годы, прежде чем можно будет отдать ребенка в сад и выйти на работу.

В этой ситуации неопределимо значение профессиональных семей, которые могут взять малыша к себе до выяснения всех обстоятельств, а потом уже передать его постоянным приемным родителям. Очень больно бывает слышать пренебрежительные отзывы об этих людях, которые, мол, «берут детей на передержку». На самом деле они спасают детей от казенного дома, от последствий депривации, каждый раз принося в жертву собственные чувства и желания, чтобы помочь большему числу детей.

Сейчас во многих «продвинутых» детских домах действуют программы социализации. Для ребят оборудуют кухни, учат их готовить, ходить в магазин за продуктами, привлекают к оформлению комнат. Это очень хорошо и важно, но сплошь и рядом эти программы не содержат главного компонента – ответственности. Такой, как в жизни: поленился сходить в магазин – сиди голодный, не мыл пол неделю – противно ноги с кровати опускать. Этого детское учреждение допустить не может, а значит, получается социализация понарошку, она учит каким-то отдельным навыкам, но жизни по-прежнему не учит.

В науке это называется «диспропорции развития», то есть неравномерное развитие ребенка – как физическое, так и психологическое. Обычно замирание развития происходит в моменты наивысшего стресса, в том возрасте, когда случилась психотравма. Поэтому, например, ребенок (или даже взрослый), потерявший родителей в пять лет, спустя годы, попадая в ситуацию стресса, может вести себя как пятилетний.

Здесь шла речь только о психологических аспектах проблемы. Понятно, что есть еще и чисто физиологические. Мать могла во время беременности принимать алкоголь и наркотики, предпринимать попытки прервать беременность, ребенок мог годами плохо питаться, не получать медицинской помощи. Все это не проходит бесследно.

В некоторых регионах РФ семьи усыновителей получают пособие на ребенка вплоть до его совершеннолетия.

К сожалению, это право последовательно реализуется далеко не во всех регионах РФ.